Уведомление о данном переводе

Данная книга представляет собой машинный перевод оригинального английского текста, выполненный с помощью автоматизированных инструментов перевода. Она не проверялась и не редактировалась автором или кем-либо еще. Поэтому возможны ошибки, неточности, неуклюжие формулировки или проблемы с форматированием. Оригинальное английское издание остается авторитетной версией.

Разоблачение ложной логики

Ави Сион, доктор философии.

**© Авторские права принадлежат Ави Сиону,
2013-2019.**

Защищено международными и панамериканскими конвенциями об авторском праве. Все права защищены.

Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена каким бы то ни было образом, сохранена в поисковой системе или передана без прямого разрешения автора-издателя, за исключением кратких цитат с соответствующим указанием источника.

Книга издана Ави Сионом самостоятельно.
Женева, Швейцария.
1-е изд. 2018 г., 2-е изд. 2019 г.

www.TheLogician.net
avi-sion@thelogician.net

Каталогизационная информация библиотеки:

Сион, Ави
Разоблачение ложной логики

Нет указателя, нет библиографии.

ISBN-13: 978-1986199155

Абстрактный

«Разоблачение ложной логики» Ави Сиона — это сборник эссе, написанных после публикации его книги *«Логика фортиори»* , в котором он критически отвечает на заимствованные работы других авторов, утверждающих, что знают лучше. Это не просто полемика, а возможность для дальнейшего уточнения логики фортиори и общей логики.

В этот сборник вошли эссе по следующим темам: аргументация a fortiori (в целом и в иудаизме); Луис Дуарте Д'Альмейда; Махмуд Зераатпише; Майкл Авраам (и др.); анонимный рецензент журнала *BDD* (издание Университета Бар-Илан); и самоиздание. Ни одно из этих эссе ранее не публиковалось в печатном виде, хотя большинство из них были размещены в интернете.

Содержание

Предисловие 6
1. Аргумент Фортиори в целом и в иудаизме 12
1. Формализация аргумента a fortiori 12
2. Подтверждение аргумента a fortiori 18
3. Аргументы, основанные на принципе соразмерности 32
4. Несколько слов об истории 44
5. Мишна Баба Кама 2:5 46
6. Гемара Баба Кама 25a-b 54
7. Некоторые раввинские герменевтические принципы 60
2. Луис Дуарте Д'Альмейда 63
1. Концепция, полученная из вторых рук 63
2. Второсортная концепция 89
3. Примеры использования 110
4. Более веские основания, в буквальном смысле? 120
5. Выступление Питера Китинга 146
3. Махмуд Зераатпише 160
8. Введение 160
9. Примеры, предложенные Зераатпише 164
10. Сводка результатов 193
11. Ложные общие заявления 199
12. Извиняющаяся бессмыслица 205
4. Майкл Авраам и др. 214
1. О «переводе» 215
2. О вычете 220
3. Предыдущие попытки 226

4. Аргумент А-фортиори? 231
5. В отрицании 237

5. Журнал Бар-Илана, BDD ..... 245.
1. Подача и отклонение статьи 245
2. Первый ответ анонимному рефери 251
3. Второй ответ тому же рефери 272
4. Тора и наука 278
6. Самоиздание и публикация другими издательствами .. 284
1. Немного истории 284
2. Слабые стороны и злоупотребления системой 286
3. На академической платформе 291
4. Попытки публикации 294
5. О библиотекарях 298
6. Об историках 300
Основные ссылки 306

Предисловие

Книга «Разоблачение ложной логики» состоит из эссе, написанных после публикации в 2013 году моей работы *«Логика фортиори»* , являющейся результатом масштабного оригинального исследования, длившегося несколько лет. Основные эссе были написаны в ответ на конкретные утверждения или контраргументы относительно логики фортиори, выдвинутые четырьмя разными авторами в ответ на мое упомянутое масштабное исследование или как его следствие.

Эссе в данном томе представляют собой новый материал, ранее никогда не публиковавшийся в книжной форме (хотя большинство из них были размещены в интернете на разрозненных сайтах моего издания). Первая глава (1) не является полемическим эссе, как остальные [1]; она включена сюда, чтобы позволить читателю получить базовое представление о логике a fortiori перед прочтением четырех основных глав (2-5), которые в основном посвящены этой теме. Следует подчеркнуть, что к этим основным главам не следует подходить как к простым личным спорам; они содержат много ценных уроков логики – в этом, собственно, и заключается их главная мысль. Последняя глава (6) призвана защитить самиздат (в ответ тем, кто считает, что публикация других изданий необходима для доктринальной достоверности [2]).

---

1 Хотя в главе 5 основное внимание уделяется главе 1.

2 Глава 6 изначально задумывалась как приложение к главе 2.

Что такое «ложная логика»? Это не просто ошибочная логика, возникающая из-за *невежества и/или некомпетентности* ; это логическая теория или практика, включающая в себя *нечестность* на каком-либо этапе. Нечестность может быть (а) движущей силой выдвинутой логики, более или менее сознательной попыткой манипуляции; или (б) явной постфактум, когда автор отказывается признать ошибку, когда на неё указывают, и отказывается отказаться от своих утверждений. В таких случаях соответствующего логика можно назвать «ложным логиком», даже если некоторые из его работ могут содержать обоснованные и даже ценные утверждения. Ложный логик — это тот, кто не полностью усвоил объективное, научное измерение логических исследований; он считает логику чем-то податливым по своему желанию, что он может использовать в своих личных или идеологических целях.

Ложная логика — это, проще говоря, софистика. Человека, пишущего глупо или небрежно о логике, можно охарактеризовать как «плохого логика»; это досадно, но не непростительно, поскольку ошибки свойственны человеку. Однако тот, кто по личным или идеологическим мотивам, сознательно или подсознательно, делает заявления относительно теоретической или практической логики, которые он знает или подозревает в их ложности, — такой человек заслуживает сурового порицания и публичного клейма лжеца. Ибо, несомненно, логика — это священное интеллектуальное предприятие, от которого во многом зависит познавательная эффективность и совершенствование человечества. Конечно, плохих и лже-логиков множество, и каждый из них лжец по-своему.

Многие люди ложно выдают себя за знатоков логики. Я часто сталкиваюсь с их трудами, как в печатных

изданиях, так и в интернете. Некоторые уже умерли, некоторые всё ещё среди нас. Некоторые годами безнаказанно распространяют свою ложь; некоторые — новички, начинающие свою фальшивую логическую карьеру с высокомерием. Некоторые известны или занимают высокие должности в академических кругах; некоторые неизвестны широкой публике или специалистам. Но всех их объединяет одно: *они не ставят Истину в качестве высшей ценности* . Они готовы немного или много лгать, чтобы достичь своих целей. Их цель может заключаться в публикации статьи в журнале, получении работы в университете, получении более высокооплачиваемой должности, восхищении коллегами или студентами, или в расширении своей известности. Или же их цель может заключаться в защите своих религиозных или политических предрассудков.

Логика — это не просто мимолетный интерес или средство достижения грубых целей; это серьезное исследование, необходимое для достижения максимальной точности познания в любой выбранной области. Поскольку логика — это наука о рациональных и эмпирических путях к истине, любой, кто не ставит Истину в качестве своей главной интеллектуальной цели, рано или поздно неизбежно придет к лжи. Хороший и честный логик всегда старается быть правдивым, максимально приблизиться к истине в рассматриваемом вопросе. Если он не уверен, он не стесняется об этом сказать. Такой исследователь обладает идеальным научным духом, безупречным духом судьи, которого не могут поколебать никакие соображения, кроме фактов и логики рассматриваемого дела.

Как уже отмечалось, грань между плохим и лжелогикой не всегда ясна. Является ли утверждение

просто ошибкой или же оно *продиктовано* какими-то скрытыми мотивами? На мой взгляд, например, Дэвид Юм определенно был лжелогикой, человеком со злым умыслом обесценить человеческое знание и лишить людей дееспособности. А как насчет его ученика, Иммануила Канта? Очевидно, что он был плохим логиком; но желал ли он добра или преследовал гнусные цели? Не всегда легко сказать. Теория причинности Джона Стюарта Милля была неточной и неадекватной во многих отношениях; но у меня нет сомнений в том, что его намерения были благими. Бертран Рассел допустил важные ошибки в отношении классовой логики; но это лишь квалифицировало его как плохого логика. С другой стороны, некоторые из его скептических работ по причинности и другим вопросам квалифицировали его как лжелогика, поскольку они исходили из самодовольства и стадного мышления.

Итак, мы должны признать, что вопрос не всегда однозначен. Что касается четырех авторов, рассмотренных в данном томе, позвольте мне сказать следующее. Я отношу их к лжелогикам, поскольку считаю их формальные или доктринальные ошибки следствием моральных проступков.

- Этот (Луис Дуарте Д'Альмейда) присваивает себе заслуги за работу, которую он не выполнял и не освоил в полной мере; а затем плетет логические фантазии, чтобы создать впечатление, будто он знает, что делает.
- Другой (Махмуд Зераатпише) занимается обманными заявлениями и апологетикой в тщетной попытке придать убедительность своей примитивной религии.
- Ещё один человек (Майкл Авраам) скептически относится к объективной логике и поэтому

считает, что любой произвольный аргумент можно подогнать так, чтобы он выглядел обоснованным.

- Тот самый (анонимный рецензент журнала BDD при университете Бар-Илан) считает, что его слепая религиозная вера заслуживает защиты, если он препятствует публикации материалов, ставящих под сомнение какие-либо из её догматов; если же он не может опровергнуть критику, он просто подвергает её цензуре.

Эти четыре псевдологика действуют совершенно по-разному, притворяясь лживыми методами, но всех их объединяет то, что они на самом деле не понимают логику, и когда их упрекают в фактических или технических ошибках, или в моральных недостатках, они их не признают. *Они не признают свои ошибки публично* , какими бы вопиющими они ни казались. Это показывает, что они не являются в основе своей научными исследователями, а шарлатанами, движимыми личными амбициями или какой-либо догмой.

Четверо оспариваемых здесь лжелогиков далеко не самые важные современные лжелогики. Первые двое, по-видимому, университетские профессора; но мне интересно, как они к этому пришли. Двое других, предположительно, академики; но я не знаю, на каком уровне. Все четверо, надо признать, второстепенные фигуры в области логических исследований. Таким образом, можно утверждать, что я выбрал легкую добычу и не осмелился бросить вызов более крупным соперникам. Однако простая истина такова: я их не выбирал; они выбрали меня!

Это были люди, которые были достаточно глупы, чтобы оставить негативные комментарии о моей работе, чтобы представить свои идеи как превосходящие мои. Поэтому я был обязан уделить

время, чтобы показать их невежество, некомпетентность и нечестность. Они напали на меня; я защитился и дал отпор. Однако цель этой книги не в том, чтобы свести счеты, а (как и во всех моих книгах) в том, чтобы обучить некоторым аспектам логики. Я смогу лучше научить чему-то новому и интересному, если буду знать, какие ошибки совершают люди. Даже если люди, о которых здесь идет речь, являются маргинальными, они очень хорошо – как я показываю в своих критических обзорах – иллюстрируют дух времени в области логики.

Как уже упоминалось, ошибочных и нечестных логиков бесчисленное множество, и их ошибки и нечестность весьма разнообразны. Поэтому одному человеку невозможно опровергнуть их всех подробно или даже просто мимоходом. Псевдологи, к сожалению, являются культурным феноменом современности, постмодернистской эпохи западной культуры. Логика, как и философия, — это область, которая привлекает второсортных специалистов в огромном количестве. Поскольку многие представители академической среды сами невежественны и некомпетентны, они не отсеивают новичков, которые так же плохи или даже хуже, либо потому, что те просто интеллектуально не подготовлены к этой задаче, либо потому, что боятся раскрыть свои многочисленные недостатки.

Аналогичным образом, издатели журналов или книг, или, скорее, их «привратники» — рецензенты, которые фактически решают, какие из представленных им статей или книг пригодны для публикации, — публикуют работы многих лжелогиков просто потому, что они ничего не смыслят в этом. Если работа выглядит более или менее связной, и в ней нет ничего, казалось бы, неуместного (по их меркам), они пропускают её. Они не могут распознать

плохую работу, если плохо разбираются в предмете. Более того, они могут отказать в публикации хорошей работы, если она кажется им слишком незнакомой. Это особенно верно в областях логики и философии, где господствует «общепринятое мнение».

Четыре лжелоги, рассмотренные в данном томе, следует рассматривать как примеры; они, безусловно, не являются исчерпывающим списком или даже частными случаями. Более того, следует отметить, что данный том не является «тематической компиляцией» моих прошлых работ. В прошлом я написал множество эссе, разоблачающих софистику и софистов, в частности, в моей книге « *Логика Фортиори»* . См., например, мои эссе там об Александре Сэмли, Эндрю Шумане и Юбере Марро, и это лишь три примера. Здесь я включаю только эссе, написанные мной *после* публикации этого масштабного исследования.

Рассматривая полемические эссе в данном томе (главы 2-6), которые я готовлю к публикации, я должен признать, что в некоторых из них присутствует немалое напряжение. Но, повторюсь, конфликт не является их сущностью, не является их *смыслом существования . Читателю следует особенно сосредоточиться на ценных уроках логики, которые дают эти споры* . Лично я не получаю удовольствия от критики; но если мне приходится ее делать, я это делаю. Кому-то приходится время от времени выполнять такую грязную работу; нельзя позволять всем претенциозным людям оставаться безнаказанными за свои притворства и обман.

1. Аргумент Фортиори в целом и в иудаизме

В этой главе [3]сначала подробно рассматриваются формальные взаимосвязи и различия между аргументом a fortiori, аргументом crescendo (который относится к пропорциональному аргументу a fortiori), аргументом pro rata, а также качественной и количественной аналогией. Эти различные формы аргументации часто путают, поэтому важно четко их описать и объяснить. Затем эти общие выводы используются для формального анализа дискуссии между рабби Тарфоном и мудрецами в Мишне Баба Кама 2:5, в ходе которой вводится важный принцип дайо (достаточности). После этого рассматривается толкование Гемарой этого отрывка из Мишны (в Вавилонском Талмуде, Баба Кама 25a-b).

1. Формализация аргумента a fortiori

На основе тщательного анализа большого количества библейских и талмудических примеров (некоторые из которых известны еврейской традиции, а некоторые были выявлены мной впервые), а также примеров из повседневной речи, я обнаружил и предложил в своей

[3] Это эссе было впервые составлено в 2014 году, в основном из дословных выдержек из моей книги *«Логика Фортиори»,* опубликованной несколькими месяцами ранее. В 2019 году оно было немного отредактировано и дополнено, в частности, были включены строки, касающиеся качественной аналогии (которые я ранее опустил, чтобы сэкономить место), а также добавлены новые комментарии, касающиеся принципа *дайо* и раздела о раввинских герменевтических принципах.

книге 1995 года « *Иудейская логика: формальный анализ библейской, талмудической и раввинской логики»* подробное описание и объяснение (чисто) аргумента фортиори. В своей более поздней книге 2013 года « *Логика фортиори: инновации, история и оценки»* (далее — *«Логика фортиори»*) я значительно углубил и расширил анализ такого аргумента, более точно его обосновав и включив, среди прочего, его «пропорциональные» варианты (аргумент крещендо).

Выражение « *a fortiori (ratione)* » имеет латинское происхождение и означает «с более вескими основаниями». Хотя мы часто говорим об « *аргументе* a fortiori» так, как будто существует только одна его форма, на самом деле такое рассуждение имеет множество форм, которые, однако, легко можно отнести к одному семейству. В данной статье мы остановимся лишь на некоторых из этих форм, обозначенных как «связочные», поскольку они относятся к терминам (а не к тезисам).

Аргумент a fortiori состоит из трех положений, называемых большой посылкой, малой посылкой и заключением. Такой аргумент включает четыре элемента, которые здесь всегда обозначаются одним и тем же символом. Эти четыре элемента называются большой, малой, средней и вспомогательной посылкой; а выбранные для них символы — соответственно P, Q, R и [4]S.

В данном случае нас интересуют четыре допустимых наклонения (связующего характера):

a. Позитивное **субъективное** настроение:

---

[4] Обратите внимание, что символы R и S, соответственно, совпадают со словами «Range» (средний элемент всегда обозначает диапазон) и «Subsidiary». P всегда является основным термином, независимо от его расположения, а Q всегда является второстепенным термином.

P больше R, чем (или равно R), Q (равно R),

и Q достаточно R, чтобы быть S;

Следовательно, P в большей степени (или в равной степени) является достаточно R, чтобы быть S.

Обратите внимание, что допустимый вывод осуществляется «от малого к большому»; то есть от малого термина (Q) к большому (P); это означает: от малого термина как субъекта «R достаточно, чтобы быть S» в малой посылке к большому термину как субъекту того же самого в заключении. Любая попытка перейти от большого к малому таким же образом (то есть положительно) будет недопустимым выводом.

b. Негативное **субъективное** настроение :

P больше R, чем (или равно R), Q (равно R),

Однако P — это R, *этого недостаточно* , чтобы быть S;

Следовательно, Q тем более (или в равной степени) *недостаточно R* , чтобы быть S.

Обратите внимание, что допустимый вывод осуществляется «от главного к второстепенному»; то есть от главного термина (P) к второстепенному (Q); это означает: от главного термина как субъекта утверждения «R недостаточно, чтобы быть S» в второстепенной посылке к второстепенному термину как субъекту того же утверждения в заключении. Любая попытка перейти от второстепенного к главному таким же образом (то есть отрицательно) будет недопустимым выводом.

Например: допустим, что Джек (P) может бежать быстрее (R), чем Джилл (Q), из этого следует, что: если Джилл может бежать достаточно быстро, чтобы преодолеть одну милю менее чем за 15 минут (S), то,

безусловно, Джек тоже может; а если он не может, то и она не может. Само собой разумеется, условия в обоих случаях предполагаются идентичными; речь идет об одном и том же маршруте, при одинаковой погоде, в хорошем состоянии здоровья и так далее. Если подразумеваются разные условия, аргумент может работать некорректно; в таком случае можно логически выдвинуть возражение.

c. Положительное **предикативное настроение** { **+p** }:

   Для того чтобы быть P, требуется больше (или столько же) R, сколько для того, чтобы быть Q.

   и S достаточно R, чтобы быть P;

   Следовательно, S в большей степени (или в равной степени) является R, чтобы быть Q.

Обратите внимание, что допустимый вывод осуществляется «от главного к второстепенному»; то есть от главного термина (P) к второстепенному (Q); это означает: от главного термина как предиката «S достаточно R, чтобы быть» в второстепенной посылке к второстепенному термину как предикату того же самого в заключении. Любая попытка перейти от второстепенного к главному таким же образом (то есть положительно) будет недопустимым выводом.

d. Негативное **предикативное настроение** { **–p** }:

   Для того чтобы быть P, требуется больше (или столько же) R, сколько для того, чтобы быть Q.

   Однако S — это R, *этого недостаточно* , чтобы быть Q;

   Следовательно, тем более (или в равной степени) S *недостаточно является R* , чтобы быть P.

Обратите внимание, что допустимый вывод осуществляется «от малого к большому»; то есть от малого термина (Q) к большому (P); это означает: от

малого термина как предиката «S недостаточно R, чтобы быть» в малой посылке к большому термину как предикату того же самого в заключении. Любая попытка перейти от большого к малому таким же образом (то есть отрицательно) будет недопустимым выводом.

Например: допустим, что для подъема 50 килограммов (P) требуется больше силы (R), чем для подъема 30 (Q): если кто-то (S) достаточно силен, чтобы поднять 50 килограммов, то, конечно же, он может поднять и 30; а если он не может поднять 30, то он не может поднять и 50. Разумеется, условия в обоих случаях считаются идентичными; речь идет об одной и той же рукоятке, в один и тот же день, в хорошем состоянии здоровья и так далее. Если подразумеваются разные условия, аргумент может работать некорректно; в таком случае можно логически выдвинуть возражение.

Следует отметить, что во всех четырех вышеупомянутых вариантах аргумент a fortiori формулируется категорически только в том случае, если отсутствуют какие-либо лежащие в его основе условия. Очевидно, что если условия существуют, их следует указать, или, по крайней мере, необходимо обеспечить их единообразие на протяжении всего аргумента.

Таким образом, подводя итог, можно выделить четыре допустимых наклонения копулятивного аргумента a fortiori: два субъективных наклонения, в которых главный и второстепенный термины (P и Q) являются логическими *подлежащими* трех рассматриваемых предложений, а вспомогательный термин (S) — предикатом; и два предикативных наклонения, в которых главный и второстепенный термины (P и Q) являются логическими *предикатами* трех

рассматриваемых предложений, а вспомогательный термин (S) — подлежащим. Следует отметить, что эти два набора форм, субъективный и предикативный, не взаимозаменяемы.

Однако средний термин (R) является предикатом как в посылках, так и в заключении *всех* наклонений, обратите внимание. В субъективных наклонениях он является предикатом больших и малых терминов (P и Q); в предикативных наклонениях он является предикатом неопределенных субъектов в большой посылке и предикатом вспомогательного термина (S) в малой посылке и заключении, причем вспомогательный термин является одним из примеров неопределенного субъекта большой посылки.

Главная посылка всегда положительна, хотя в субъективных и предикативных аргументах она различается по форме. В каждом из этих типов существуют два варианта: в одном меньшая посылка и заключение положительны, а в другом — отрицательны. Положительная и отрицательная версии в каждом случае, очевидно, тесно связаны — малая посылка одной является отрицанием заключения другой, и наоборот; то есть каждая может быть использована как *reductio ad absurdum* для другой.

Различие между субъективным и предикативным настроением называется *структурным различием* . Различие между позитивным и негативным настроением называется различием *полярности* . Различие между настроениями, которые переходят «от минорного к мажорному» (т.е. от минорного члена в минорной посылке к мажорному члену в заключении), и теми, которые переходят «от мажорного к минорному» (т.е. от мажорного члена в минорной

посылке к минорному члену в заключении), называется различием *ориентации* .

Иногда это различие в направлении обозначается на латыни как « *a minori ad majus* » и « *a majori ad minus* ». На иврите это звучит как « *mi-qal le-chomer* » и « *mi-chomer le-qal* » [5]. Обратите внимание, что термин «от» может быть малым или большим и встречается в малой посылке; а термин «к», соответственно, является большим или малым и встречается в заключении. Обратите внимание на вариации в ориентации в соответствии со структурой и полярностью.

В итоге, эти четыре допустимых наклонения фактически представляют собой четыре различных фигуры (а не просто наклонения) аргумента a fortiori, поскольку расположение их терминов в каждом случае значительно различается. Это наглядно видно в следующей таблице:

Фигура/настроение	**+s**	**–c**	**+п**	**–п**
основная предпосылка	ПQР	ПQР	RPQ	RPQ
второстепенная предпосылка	QRS	ПРС	СРП	SRQ
заключение	ПРС	QRS	SRQ	СРП

Положительное субъективное настроение можно рассматривать как прототип всех аргументов a fortiori из-за его относительной простоты. Во многих описаниях аргументов a fortiori упоминается только

[5] Различие в ориентации в иудаизме, возможно, возникло исторически позже, чем в Талмуде — я точно не выяснил, когда и кем оно было введено в иудаизм.

это настроение, или, скорее, приводятся его примеры. Тем не менее, это не означает, что можно игнорировать три других копулятивных настроения, или, тем более, их импликационные аналоги. Это отдельные мыслительные движения, заслуживающие отдельного внимания.

Если мы посмотрим на статистику использования, то обнаружим явное подтверждение этому утверждению [6]. Так, в Танахе (еврейской Библии) из 46 найденных аргументов a fortiori 14 имеют знак +s, 13 –s, 15 –+p и 4 –p. Аналогично, в Мишне (основе талмудического права) из 46 найденных случаев 32 имеют знак +s, 12 –s, 1 –+p и 1 –p. Из 15 случаев, найденных в трудах Платона, 9 имеют знак +s, 1 –s, ни одного –p и 5 –p. Из 80 случаев, найденных в трудах Аристотеля, 50 имеют знак +s, 22 –s, 5 –+p и 3 –p.

2. Подтверждение аргумента A-Тори

Достоверность аргумента означает демонстрацию его достоверности. Аргумент является «достоверным», если из его посылок логически следует его заключение. В противном случае, если предполагаемое заключение не следует из данных посылок, и тем более, если из них следует его отрицание, аргумент является «недостоверным». Если предполагаемое заключение просто не подразумевается данными посылками, оно называется

[6] Обратите внимание, что в этих статистических данных я для простоты объединяю импликационные аргументы с копулятивными. Более подробную информацию об этих результатах см. в приложениях 1, 2 и 4 в *книге «Логика Фортиори»* . Относительно двух Талмудов см. приложение 3; а относительно другой мировой литературы, древней и более поздней, см. приложение 5.

non sequitur (лат. «не следует»); в таком случае противоречие предполагаемого заключения логически так же совместимо с данными посылками, как и само предполагаемое заключение. Если противоположное или противоречащее предполагаемому заключению положительно подразумевается данными посылками, предполагаемое заключение называется абсурдом (букв. «необоснованным») или, точнее, антиномией (прил. антиномический, букв. «противозаконный»).

Важно отметить, что обоснованность аргумента не гарантирует истинность его заключения. Аргумент может быть обоснованным, даже если его посылки и заключение на самом деле ложны. Аналогично, необоснованность аргумента не гарантирует ложность его заключения. Аргумент может быть необоснованным, даже если его посылки и заключение на самом деле (по отдельности) истинны. Обоснованность (или необоснованность) аргумента относится к логическому *процессу* , то есть к утверждению, что набор посылок такого рода формально подразумевает (или не подразумевает) заключение такого рода.

Аргумент a fortiori, основанный на *материальном принципе* , может быть подтвержден простым доказательством того, что его можно достоверно представить в любой из перечисленных выше допустимых форм. Если его нельзя вписать ни в одну из этих (или любых других) допустимых форм, он недействителен – или, по крайней мере, не является аргументом a fortiori. Подтверждение *форм* аргумента a fortiori может быть проведено так, как мы сейчас объясним. Недействительные формы – это формы, которые не могут быть аналогичным образом подтверждены. Очевидно, что материальные аргументы также могут быть подтверждены таким образом; но самый быстрый способ, как уже было

сказано, – это достоверно представить их в одной из допустимых форм. Как только формы будут подтверждены логической наукой, материальные случаи, которые в них вписываются, будут универсально и навсегда подтверждены в дальнейшем.

Один из способов доказать обоснованность новой формы вывода — это использование другой, более известной формы вывода. Такой вывод называется «редукция». «Прямая» редукция достигается посредством преобразований или подобных непосредственных умозаключений. Если посылки проверяемого аргумента подразумевают посылки аргумента, уже принятого за истину, а заключение последнего подразумевает заключение первого, то доказывается, что проверяемый аргумент также является истинным. «Непрямая» редукция, также известная как редукция *ad absurdum* , напротив, осуществляется путем демонстрации того, что отрицание проверяемого заключения противоречит некоторому уже подтвержденному процессу рассуждения.

Процедуры проверки аргумента фортиори основаны на анализе значений утверждений, входящих в такой аргумент, то есть на *сведении* этих более сложных форм к более простым формам, более изученным и лучше понятым логиками. Кратко эту работу можно представить следующим образом:

- **Положительная субъективная** валидация аргумента a fortiori:

Основная предпосылка: «P в большей степени R, чем (или в такой же степени R, как) Q» означает:

P равно R, то есть P в определенной мере или степени равно R (например, Rp);

Q равно R, то есть Q в определенной мере или степени равно R (например, Rq);

и Rp больше (или равно) Rq (следовательно: Rp подразумевает Rq [7]).

Малая посылка «Q достаточно R, чтобы быть S» означает:

Q в определенной мере или степени равно R (Rq);

Всё, что в определённой мере или степени является R (например, Rs), является S, и

Всё, что не является, по крайней мере, в этой мере или степени R (т.е. не является R), не является S;[8]

и Rq больше или равно Rs.

Заключение «P достаточно R , чтобы быть S» состоит из четырех частей:

P в определенной степени равно R (например, Rp);

Всё, что в определённой мере или степени является R (например, Rs), является S;

Всё, что не является хотя бы в этой мере или степени R (т.е. не является R), не является S;

и Rp больше (или равно) Rs.

Четыре компонента этого заключения получаются следующим образом: первый — из основной посылки, второй и третий — из второстепенной посылки, а четвертый — из табличного количественного

---

[7] Это подразумевается в том смысле, что большее число подразумевает любое меньшее число. Например, если у меня есть 5 долларов, то у меня, очевидно, есть 3 доллара ; 5 включает 3, и 3 не исключает 5.

[8] Если говорить короче: «Только если нечто равно Rs или больше, то оно равно S», что можно выразить еще более кратко: «Если ≥ Rs, то S».

аргумента (см. ниже), который выводится из обеих посылок. Здесь следует отметить, что условие «достаточно R» в заключении (подразумеваемое во втором и третьем компонентах) вытекает из второстепенной посылки, поскольку оно касается вспомогательного термина (S). Таким образом, решающим пороговым значением R является Rs, то есть минимальное значение R, необходимое для того, чтобы быть S; зная, что Rq равно или превышает Rs, мы можем предсказать, что Rp также будет равно или превышать Rs.

- **Положительная прогностическая** валидация аргумента a fortiori:

Основная предпосылка: «Для того чтобы быть P, требуется больше (или столько же) R, сколько для того, чтобы быть Q», означает:

> Только то, что хотя бы в определенной мере или степени является R (например, Rp), является P;
>
> Только то, что в определенной мере или степени является R (например, Rq), является Q;
>
> и Rp больше (или равно) Rq (следовательно: Rp подразумевает Rq [9]).

Малая посылка «S достаточно R, чтобы быть P» означает:

> S в определенной степени соответствует R (например, Rs);
>
> Всё, что в определённой мере или степени равно R (Rp), равно P, и
>
> не является, по крайней мере, в этой мере или степени R (т.е. не является Rp), не является P;[10]

---

[9] Опять же, это подразумевается в том смысле, что большее число влечет за собой любое меньшее число.

[10] Если говорить короче: «Если ≥ Rp, то P».

и Rs больше или равно Rp.

Заключение «S достаточно R , чтобы быть Q» состоит из четырех частей:

S в определенной степени соответствует R (например, Rs);

Всё, что в определённой мере или степени равно R (например, Rq), равно Q;

Всё, что не является, по крайней мере, в этой мере или степени R (т.е. не является Rq), не является Q;

и Rs больше (или равно) Rq.

Четыре компонента этого заключения получаются следующим образом: первый — из малой посылки, второй и третий — из большой посылки, а четвертый — из табличного количественного аргумента (см. ниже), который выводится из обеих посылок. Здесь следует отметить, что условие «достаточно R» в заключении (подразумеваемое во втором и третьем компонентах) вытекает из большой посылки, поскольку оно касается малого члена (Q). Таким образом, решающим пороговым значением R является Rq, то есть минимальное значение R, необходимое для того, чтобы быть Q; зная, что Rp равно или превышает Rq, мы можем предсказать, что Rs также будет равно или превышать Rq.

Следует отметить, что в обоих приведенных выше вариантах вывод аргумента a fortiori вытекает исключительно из обеих посылок вместе (а не по отдельности). Действительно, посылки содержат больше информации, чем вывод; но это лишь означает, что не вся содержащаяся в них информация используется. Это не означает избыточности в посылках, поскольку их форма необходима для интуитивного понимания человеком аргумента, вывод которого имеет схожую форму с малой посылкой.

Что касается соответствующего **отрицательного Настроения** , их проще всего подтвердить методом *reductio ad absurdum* . Нет острой необходимости интерпретировать их отрицательные утверждения. Мы говорим: предположим, что предполагаемое заключение отрицается, тогда, объединив такое отрицание с той же главной посылкой, мы получим отрицание данной малой посылки; поскольку это абсурдно, предполагаемое заключение должно быть верным.

Важно понимать смысл слова « **достаточно** » (или «достаточно») в приведенных выше посылках и выводах. Они указывают на то, что субъект обладает необходимым количеством R для того, чтобы оправдать предикат; то есть, субъект обладает как минимум тем количеством R, *которое требуется для* предиката. Слово «достаточно» указывает на наличие ***порогового значения. значение*** **R** *начиная с и выше которого* предмет *действительно* Если субъект *имеет* предикат, но в любом месте, *где предикат отсутствует , значение R* субъекта определяется как находящееся на требуемой стороне известного порогового значения.

Следует также отметить, что фраза «Субъект достаточно R, чтобы иметь предикат» подразумевает фразу «Субъект имеет предикат», при условии, что R действительно *само по себе* достаточно для предикации. Если R на самом деле является лишь *частью* набора условий, необходимых для предиката, то фактор R нельзя с уверенностью назвать «достаточным» для предикации — или, если он предлагается как «достаточный» для предикации, то

остальные необходимые факторы должны, по крайней мере, подразумеваться неявно.[11]

Важно также отметить полезность условия порогового значения, то есть следствия малой посылки о том, что существует пороговое значение R, которое должно быть достигнуто или превышено, прежде чем субъект сможет принять определенный предикат, то есть *не все* значения R соответствуют этому условию. Если бы *все* значения R были достаточны для предикации, то мы могли бы легко вывести желаемый вывод с помощью простых силлогизмов.

В случае позитивного субъективного аргумента мы бы сказали: если (гипотетически) все R являются S, то поскольку P является R (что следует из большой посылки), то отсюда (даже без обращения к утверждению «Q является S», подразумеваемому малой посылкой) следует, что P является S (желаемый вывод). В случае позитивного предикативного аргумента мы бы сказали: если (гипотетически) все R являются Q, то поскольку все P являются R (что следует из требования большой посылки) и S является P (что следует из малой посылки), то отсюда следует, что S является R, а следовательно, S является Q (желаемый вывод).

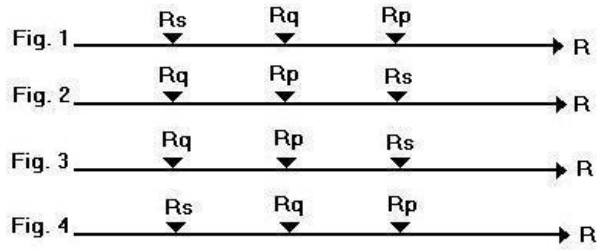
---

[11] Чтобы привести пример этой важной проблемы: предположим, членство в эксклюзивном клубе зависит от возраста, уровня дохода и, возможно, других критериев. В этом случае можно сказать: «Этот человек достаточно стар, но недостаточно богат, чтобы быть принятым» — и здесь, очевидно, тот факт, что человек «достаточно стар», не означает, что его примут, хотя его могут внести в список ожидания, пока он тоже не разбогатеет «достаточно». Таким образом, в обиходной речи слово «достаточно» может означать не полную самодостаточность, а лишь стремление к ней. Но в данном трактате мы понимаем слово «достаточно» в строгом смысле этого слова.

Очевидно, что в обоих этих случаях аргумент будет *всего лишь силлогистическим* и вовсе не будет функционировать как аргумент a fortiori. Таким образом, условие порога имеет *важное значение* для формирования подлинного аргумента a fortiori; его нельзя игнорировать или отбрасывать. Многие считают, что аргумент a fortiori можно сформулировать без этого важнейшего условия, но это серьезная ошибка с их стороны.

Из приведенного выше анализа следует, что средний термин (R) в связочном аргументе является *его существенным элементом* . Поскольку средний термин R лежит в основе трех других терминов (основного термина P, второстепенного термина Q и вспомогательного термина S), можно сказать, что аргумент тем более в основном посвящен ему, и лишь попутно им. Средний термин является ядром или центром тяжести всего аргумента; он представляет собой общую основу и посредника для трех других терминов.

Аргумент фортиори сопоставляет *три значения среднего члена R* (здесь обозначенные как Rp, Rq и Rs) с тремя другими членами и, таким образом, представляет их. Средний член аргумента фортиори всегда представляет собой величину, которая изменяется количественно, в мере или степени, и аргумент представляет собой сравнение и иерархическое упорядочение его различных значений (которые заданы относительно трех других членов). Истинность всего этого легко увидеть, обратившись к следующей диаграмме, где величины R справа больше, чем величины R слева.



The a fortiori argument orders items P, Q, S, according to their position in a common continuum R

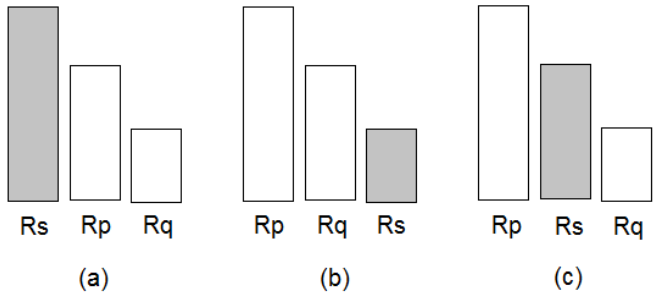
Таким образом, суть аргумента фортиори заключается в сравнении различных величин (мер или степеней) среднего члена, которые взаимосвязаны с тремя другими членами (в качестве субъектов или предикатов, в зависимости от случая). Количественную основу проверок можно представить очень просто следующим образом, со ссылкой на сравнительные утверждения, подразумеваемые в посылках и выводах. Здесь, как всегда, ≥ означает «больше или равно», а < означает «меньше»:

Structure	Subjectal or antecedental		Predicatal or consequental	
Polarity	positive	negative	positive	negative
Major premise	Rp ≥ Rq	Rp ≥ Rq	Rp ≥ Rq	Rp ≥ Rq
Minor premise	Rq ≥ Rs	Rp < Rs	Rs ≥ Rp	Rs < Rq
Conclusion	So, Rp ≥ Rs	So, Rq < Rs	So, Rs ≥ Rq	So, Rs < Rp

Следует отметить, что эгалитарный позитивный субъективный (или антецедентальный) вывод Rp = Rs может быть сделан только из посылок Rp = Rq и Rq = Rs. Аналогично, эгалитарный позитивный предикативный (или консеквентальный) вывод Rs =

Rq может быть сделан только из посылок Rs = Rp и Rp = Rq. Во всех остальных позитивных аргументах выводы будут Rp > Rs или Rs > Rq (в зависимости от случая), даже если одна из рассматриваемых посылок содержит уравнение. Отсюда следует, что эгалитарный негативный аргумент субъективной формы имеет посылки Rp ≥ Rq и Rp ≠ Rs и вывод Rq ≠ Rs; тогда как аргумент предиктивной формы имеет посылки Rp ≥ Rq и Rs ≠ Rq и вывод Rs ≠ Rp.

Другой способ проиллюстрировать количественный аспект аргумента fortiori — это использование столбчатых диаграмм, как показано на рисунке ниже. Учитывая, что Rp больше (или равно) Rq, для Rs возможны три положения: в (а) Rs больше (или равно) Rp и, следовательно, больше (или равно) Rq; в (б) Rs меньше (или равно) Rq и, следовательно, больше (или равно) Rp; и в (в) Rs находится между Rp и Rq, в этом случае нельзя сделать никакого вывода. Диаграмма (а) может быть использована для иллюстрации положительного предикативного и отрицательного субъективного настроений, диаграмма (б) — для иллюстрации положительного субъективного и отрицательного предикативного настроений, а диаграмма (в) — для объяснения неверных аргументов.



Таким образом, мы формально и несомненно доказали действительность всех указанных положений аргумента a fortiori. Что касается *недействительных* аргументов a fortiori, можно сказать следующее. Если главный элемент P не идентичен в главной посылке и в малой посылке или заключении (так что фактически существует два главных элемента), и/или если малый элемент Q не идентичен в главной посылке и в малой посылке или заключении (так что фактически существует два малых элемента), и/или если средний элемент R не идентичен в главной посылке, малой посылке и заключении (так что фактически существует два или три средних элемента), и/или если вспомогательный элемент S не идентичен в малой посылке и заключении (так что фактически существует два вспомогательных элемента) – в любом из таких случаев имеет место недопустимый процесс. Излишне говорить, что «идентичный» здесь означает идентичность *не только в используемых словах, но и в их намерениях* ; Иногда нам удаётся сформулировать два термина таким образом, что на первый взгляд они кажутся одинаковыми, хотя на самом деле, по сути, это не одно и то же.

Аналогично, если утверждение или мысль отрицательны там, где должны быть положительными, или наоборот – здесь мы снова имеем дело с ошибочным рассуждением. Хотя все подобные отклонения от установленных норм, очевидно, недействительны, поскольку мы не можем формально их подтвердить, люди часто пытаются их проверить на практике, поэтому стоит иметь их в виду.

Качественная аналогия . Многие путают чисто аргумент a fortiori с качественной аналогией. Важно четко понимать различия между этими формами аргументации. Аналогия может быть качественной

или количественной. Качественный аналогический аргумент, как и чистый аргумент a fortiori, состоит из четырех терминов, которые мы можем обозначить как P, Q, R, S и назвать главным, второстепенным, средним и вспомогательным терминами, как и прежде, хотя здесь это не подразумевает, что главный термин чем-то больше второстепенного. Аргумент может затем принять одну из следующих четырех (связующих) форм:

a. Положительное **субъективное** настроение. *Учитывая, что субъект P подобен субъекту Q по предикату R, и что Q является S, отсюда следует, что P также является S.* Мы можем проанализировать этот аргумент шаг за шагом следующим образом:

Основная предпосылка: P и Q похожи тем, что оба обладают свойством R.

> Это подразумевает как «P — R», так и «Q — R», и эти два утверждения вытекают из них вместе.

Небольшая посылка: Q — это S.

> Термин S, конечно, может представлять собой любой предикат; хотя в юридических рассуждениях это обычно юридический предикат, например, «императив», «запрещено», «разрешено» или «освобождено».

Промежуточный вывод и дальнейшая предпосылка: Все R являются S.

> Это утверждение выводится из двух предыдущих следующим образом. Учитывая, что Q является S и Q является R, из подстановочного силлогизма третьей фигуры следует, что существует R, которое является S, то есть «некоторые R являются S». Этот конкретный вывод затем обобщается *до* «Все R являются S», при условии, конечно, что у нас нет контраргументов. Если мы можем из любого

источника привести доказательства того, что некоторые R (кроме Q) *не являются* S, то, конечно, мы не можем логически утверждать, что все R являются S. Таким образом, этот этап аргументации по аналогии является частично дедуктивным и частично индуктивным.

Окончательный вывод: P — это S.

Этот вывод выводится силлогистически из утверждения "Все R являются S, и P является R".

Если средний термин R известен и определен, то аналогия между P и Q будет характеризоваться как «сложная»; если R неизвестен или известен смутно, но не определен, то аналогия между P и Q будет характеризоваться как «простая». В *сложной аналогии* средний термин R явно присутствует; но в *простой аналогии* он неявно присутствует. В сложной аналогии сходство между P и Q устанавливается косвенно, будучи явно обусловлено наличием у них некоторой известной общей черты R; тогда как в простой аналогии сходство между ними фактически интуитивно определяется, и R — это всего лишь некая неопределенная вещь, которая, как предполагается, лежит в его основе, так что в отсутствие дополнительной информации мы довольствуемся определением его как «все, что есть общего у P и Q».

Разумеется, приведенный выше аргумент был бы одинаково верен и при переходе от P к Q. Здесь я представил его как переход от Q к P, чтобы облегчить сравнение и сопоставление с аргументом a fortiori. Заметим попутно, что мы могли бы аналогичным образом подтвердить аргумент с отрицательной главной посылкой. Если предположить, что «P отличается *от* Q относительно R» (т.е. скажем, P — это R, но Q — это не R), то, поскольку «Q — это S», существует S, которое не является R, откуда, по

обобщению, никакое S не является R, и это вместе с тем, что P — это R, подразумевает, что «P — это не S».

Таким образом, положительная субъективная качественная аналогия вкратце имеет следующую форму: учитывая, что P и Q подобны в наличии R, и что Q является S, отсюда следует, что P является S. Подтверждение этого аргумента приведено в нашем анализе выше. Мы видим, что аргумент в целом *не является полностью дедуктивным, а частично индуктивным* , поскольку общее утверждение «Все R являются S», на котором он основан, получено путем обобщения.

Таким образом, вполне может случиться так, что, имея ту же самую основную посылку, мы обнаружим (эмпирически или посредством какого-либо другого рассуждения), что Q является S, но P не является S. Это лишь говорит нам о том, что обобщение до «Все R являются S» в данном случае было неуместным — это не ставит под сомнение саму аналогию как таковую. Такие случаи можно охарактеризовать как «отрицание аналогии» или «дисаналогии». Следует также отметить, что если «Все R являются S» уже дано, так что указанное обобщение не требуется, то аргумент в целом не является аналоговым, а полностью силлогистическим; то есть он таков: Все R являются S и P является R, следовательно, P является S. Таким образом, аналогия как таковая по своей природе индуктивна. И очевидно, что простая аналогия более индуктивна, чем сложная аналогия, поскольку в первой меньше ясно известно и достоверно, чем во второй.

Вышеприведенное типичное настроение было позитивным субъективным. Теперь рассмотрим другие возможные формы аналогии.

б. Негативное **субъективное** настроение. *Учитывая, что субъект P подобен субъекту Q по предикату R, и что P не является S, отсюда следует, что Q не является* S.

Это утверждение следует из положительного утверждения методом *reductio ad absurdum* : при условии, что главная посылка, если Q является S, то P также является S; но утверждение «P не является S» является данностью; следовательно, Q не является S. Этот аргумент, конечно же, является таким же индуктивным, как и тот, из которого он выведен; он не является дедуктивным.

с. Положительное **предикативное** наклонение. *Учитывая, что предикат P аналогичен предикату Q по отношению к субъекту R, и что S является P, отсюда следует, что S является Q*. Мы можем проанализировать этот аргумент шаг за шагом следующим образом:

Основная предпосылка: P и Q похожи тем, что R обладает обоими.

> Это подразумевает как «R есть P», так и «R есть Q», и эти два утверждения вытекают из них вместе.

Небольшая посылка: S — это P.

Промежуточный вывод и дальнейшая предпосылка: S — это R.

> Это утверждение получается из двух предыдущих следующим образом. Учитывая, что R является P, из этого путем преобразования следует, что существует P, которое является R, то есть что «некоторые P являются R», что затем *обобщается* до «все P являются R», при условии, конечно, что у нас нет контраргументов. Если мы можем из любого источника привести доказательства того, что некоторые P *не являются* R, то, конечно, мы не можем логически утверждать, что все P являются

R. Далее, используя эту общность, то есть «все P являются R», в сочетании с малой посылкой «S является P», мы выводим посредством силлогизма первой фигуры, что «S является R». Очевидно, что здесь снова этот этап аргументации по аналогии является частично дедуктивным и частично индуктивным.

Окончательный вывод: S — это Q.

Этот вывод выводится силлогистически из условия R равно Q и S равно R.

Обратите внимание, что здесь обобщённое утверждение касается основных и средних терминов, тогда как в предыдущем случае оно касалось средних и вспомогательных терминов. Разумеется, этот аргумент был бы одинаково верен и при переходе от Q к P. Здесь я представил его как переход от P к Q, чтобы облегчить сравнение и сопоставление с аргументом a fortiori.

d. Отрицательное **предикативное** наклонение. *Учитывая, что предикат P аналогичен предикату Q по отношению к субъекту R, и что S не является Q, отсюда следует, что S не является* P.

Это наклонение следует из положительного наложения методом *reductio ad absurdum* : при условии, что основная посылка, если S было бы P, то S было бы Q; но S не является Q — это данность; следовательно, S не является P. Этот аргумент, конечно, столь же индуктивен, как и тот, из которого он выведен; он не является дедуктивным.

Из приведенного выше материала становится ясно, почему чисто аргумент a fortiori и качественный аналогический аргумент нельзя приравнивать, хотя на первый взгляд они могут показаться одинаковыми. Первый является однонаправленным (за исключением эгалитарных случаев) и дедуктивным, тогда как

второй является двунаправленным и в большей степени индуктивным. Более того, ни один из них не следует путать с силлогистическим аргументом, хотя в обоих случаях присутствует элемент подобного вывода.

3. Аргументы, касающиеся принципа соразмерности

Аргумент фортиори, описанный и объясненный выше, относится, в частности, к *чисто* аргументу фортиори. В таком аргументе, обратите внимание, вспомогательный термин S в малой посылке и в заключении *абсолютно одинаков* . Однако важно понимать, что существует другой класс аргументов фортиори, который мы будем называть аргументом *крещендо* , в котором вспомогательный термин S *больше или меньше* в малой посылке и в заключении. Оба типа являются аргументами фортиори, и оба часто используются на практике; но если первый тип является «непропорциональным», то второй тип является «пропорциональным».

Аргумент крещендо . В чисто аргументе a-фортиори используются только четыре термина, а именно P, Q, R и S; тогда как в аргументе крещендо фактически используются пять терминов, а именно P, Q, R и S1 и S2, где S1 и S2 обозначают две *разные степени или меры* S, несколько «пропорциональные» P и Q (или Q и P, в зависимости от случая) – или, точнее, как мы увидим, Rp и Rq (или Rq и Rp, в зависимости от случая). Аргумент крещендо также отличается от чисто аргумента a-фортиори тем, что он содержит (неявно, если не явно) *дополнительный предпосылка* о пропорциональности. То есть, в то время как «непропорциональные» формы аргумента имеют

только две предпосылки (большую и малую), «пропорциональные» формы имеют третью предпосылку (которая определяет задействованную пропорциональность).

Ниже представлены четыре формы аргументации, основанной на крещендо, соответствующие ранее перечисленным формам чисто аргументации a fortiori (для простоты опуская эгалитарные возможности):

Позитивное **субъективное значение** , которое варьируется от незначительного к значительному:

P больше R, чем Q (равно R) [т.е. Rp > Rq]

и Q достаточно R [т.е. это Rq], чтобы быть S [т.е. это Sq],

и S изменяется пропорционально R [дополнительная предпосылка пропорциональности];

Следовательно, P достаточно R [т.е. это Rp], чтобы быть *больше, чем* S [т.е. это Sp, что > Sq].

Отрицательное **субъективное значение** , которое переходит от главного к второстепенному:

P больше R, чем Q (равно R) [т.е. Rp > Rq]

и P *недостаточно* R [т.е. это не Rp], чтобы быть S [т.е. это не Sp],

и S изменяется пропорционально R [дополнительная предпосылка пропорциональности];

Следовательно, Q недостаточно R [т. е. это не Rq], чтобы быть *меньше* S [т. е. это даже не Sq, которое < Sp].

Положительный **предикативный наклон** , который идет от главного к второстепенному:

Для того чтобы стать P, требуется больше R, чем для того, чтобы стать Q [т.е. Rp > Rq].

и S [т.е. Sp] достаточно R [т.е. это Rp], чтобы быть P,

и R изменяется пропорционально S [дополнительная предпосылка пропорциональности];

Следовательно, *если значение меньше* S [т. е. Sq, которое < Sp], то R достаточно [т. е. это Rq], чтобы быть Q.

Отрицательный **предикатив** , который изменяется от незначительного к значительному:

> Для того чтобы стать P, требуется больше R, чем для того, чтобы стать Q [т.е. Rp > Rq].
>
> и S [т.е. Sq] *недостаточно* R [т.е. оно не Rq], чтобы быть Q,
>
> и R изменяется пропорционально S [дополнительная предпосылка пропорциональности];
>
> Следовательно, *больше, чем* S [т. е. Sp, которое > Sq], недостаточно R [т. е. это не Rp], чтобы быть P.

Обратите внимание на разницу в ориентации дополнительной посылки в субъективных и предикативных аргументах (в первом случае S пропорционально R, тогда как во втором R пропорционально S). Следует отметить, что эти посылки о пропорциональности необходимы для того, чтобы соответствующие аргументы были действительными; если такая дополнительная посылка неприменима в данном случае, аргумент a crescendo недействителен, даже если аргумент, основанный исключительно на принципе a fortiori, действителен. Другими словами, не все аргументы a fortiori являются аргументами a crescendo – некоторые являются исключительно аргументами a fortiori. Многие люди (например, автор Гемары *Баба Кама* 25a) не понимают этого и считают, что пропорциональность применима повсеместно. И наоборот, многие люди (например, Хайам Маккоби [12]) считают, что действительным является только

[12] В *«Философии Талмуда»* , глава 14 и приложение A. См. мой анализ соответствующих отрывков в *«Логике Фортиори», стр.* 22.

аргумент, основанный исключительно на принципе a fortiori.

Аргумент пропорционально . Аргумент a crescendo (т.е. «пропорционально» a fortiori) не следует путать с аргументом по пропорции, который мы можем называть аргументом *пропорционально* (это латинское название уже хорошо устоялось в английском языке), что понимается как «с одинаковой скоростью». Такой аргумент касается *одновременных изменений* между двумя переменными и может быть сформулирован следующим образом:

> Y изменяется пропорционально X. Следовательно:
>
> учитывая, что: если X = x, то Y = y,
>
> Отсюда следует, что: если X больше (или меньше) x, то Y больше (или меньше) y.

Примером может служить высказывание Аристотеля: «Каждое доброе качество души, чем выше его степень, тем полезнее» (*Политика* 7:1), что подразумевает следующий аргумент: если определенное качество души доброе, оно полезно; если оно улучшено, оно становится еще полезнее. На практике аргумент пропорционального распределения часто выражается в форме: «чем больше X, тем больше Y; и (по аналогии) чем меньше X, тем меньше Y». Следует отметить, что возможны два варианта (которые взаимно подразумевают друг друга): один с «больше», другой с «меньше» — то есть аргумент *может идти в любом направлении* , увеличивая или уменьшая задействованные величины.

Утверждение «Y изменяется пропорционально X» — это не аргумент, а всего лишь утверждение, отражающее некоторые обобщенные эмпирические наблюдения или более теоретический вывод. Аргумент пропорционального распределения

включает это утверждение в качестве своей основной посылки, но требует дополнительной второстепенной посылки (а именно: «если X = x, то Y = y») для вывода («если X больше/меньше x, то Y больше/меньше y»). Вывод по форме повторяет второстепенную посылку, но его содержание намеренно отличается. Задействованные величины не остаются неизменными, а увеличиваются или уменьшаются (в зависимости от ситуации).

Обратите внимание, что в аргументе, основанном на принципе пропорционального распределения, отсутствует промежуточный термин, в отличие от аргумента, основанного на принципе афоризма. Таким образом, аргумент, основанный на принципе пропорционального распределения, больше похож на аподосис, чем на силлогизм. Его главная посылка устанавливает широкий принцип, применение которого заключается в малой посылке и заключении. Таким образом, рассматриваемый аргумент представляет собой просто вывод одной величины из другой в рамках заявленного принципа. Если бы мы обнаружили, что вопреки ожиданиям X и Y не изменяются одновременно, как подразумевалось выше, мы бы просто отрицали главную посылку. Другими словами, этот аргумент по своей сути является позитивным. Его негативная формулировка (с той же главной посылкой и отрицанием предыдущего заключения и малой посылки) не имела бы особого смысла, поскольку его малая посылка и заключение противоречили бы главной посылке.

Приведенные выше формулы верны, по крайней мере, в случаях *прямой* пропорциональности; в случаях *обратной* пропорциональности формулировка будет следующей: «чем больше X, тем меньше Y; и (по аналогии) чем меньше X, тем больше Y;», а аргумент будет иметь следующий вид:

> Значение Y обратно пропорционально значению X. Следовательно:
>
> учитывая, что: если X = x, то Y = y,
>
> Отсюда следует, что: если X больше (или меньше) x, то Y меньше (или больше) y.

И, конечно же, в более научных контекстах мы можем иметь доступ к более или менее сложной математической формуле – скажем, $Y = f(X)$, где f обозначает некоторую функцию – уравнению, позволяющему точно рассчитать соответствующую пропорцию. Другими словами, обоснованность *аргумента* о пропорциональности не всегда очевидна и проста, а зависит от наличия у нас четких и достоверных знаний о сопутствующем изменении значений членов X и Y. Имея такие знания, мы можем логически обосновать выводы, сделанные на основе указанных предпосылок. В отсутствие таких знаний мы оказываемся в затруднительном положении.

Как следует из названия, аргумент пропорциональности означает наличие (хотя бы приблизительно) некоторой постоянной скорости в относительных колебаниях значений рассматриваемых переменных. Переменные X и Y можно считать пропорциональными, если X/Y = константа, или обратно пропорциональными, если XY = константа. В точных науках, конечно, такая константа является точно измеримой величиной; но в повседневной практике аргументации пропорциональности лежащая в её основе «константа» обычно представляет собой неопределённую величину, возможно, приблизительный диапазон возможных значений.

Пропорциональность или обратная пропорциональность, как только что определено,

которую можно представить в виде прямой линии на графике, и даже если графическое представление более криволинейное (например, экспоненциальное), может быть охарактеризована как простая. Она становится сложной, когда в соотношении двух переменных наблюдаются взлеты и падения, то есть когда увеличение X иногда может подразумевать увеличение Y, а иногда уменьшение Y; в этом случае, очевидно, нецелесообразно формулировать вопрос в виде стандартного пропорционального аргумента. В таких случаях мы просто скажем: «Значения X и Y можно соотнести в соответствии с такой-то формулой», а затем используем эту формулу для вычисления выведенных величин.

Пропорциональность может быть непрерывной или нет. Иногда пропорциональность как таковая существует, но она проявляется поэтапно: например, от X = 0 до 1, Y = k; от X = 1 до 2, Y = k + 1; и т. д. То есть каждому диапазону значений X соответствует определенное значение Y, и обе величины возрастают (или убывают, в зависимости от ситуации). Такая пропорциональность совместима с аргументом пропорциональности. Поэтому целесообразно заключать слово «пропорциональность» в кавычки, чтобы помнить, что оно не всегда подразумевает непрерывность.

Следует также отметить, что пропорциональность может быть естественной или условной. Примером последнего может служить прейскурант: стоимость проезда на автобусе для детей до 16 лет — 1 доллар; для взрослых от 16 лет — 2 доллара. Однако в таких случаях следует остерегаться частых исключений или обратных изменений: например, для безработных и пенсионеров — 1 доллар. В таких случаях любой аргумент о пропорциональности должен быть сформулирован условно: стоимость проезда на

автобусе «пропорциональна» возрасту, при условии, что взрослые не являются безработными или пенсионерами.

Следует также напомнить, что пропорциональность (или её обратная величина), простая или сложная, может указывать или не указывать на причинно-следственную связь (в различных смыслах этого термина). Две переменные могут изменяться одновременно в силу того, что являются следствием общих причин, в этом случае мы говорим о параллелизме между ними, или одна может вызывать другую или быть вызвана ею. Кроме того, конечно, такой параллелизм или причинно-следственная связь могут быть безусловными или условными. В случаях безусловного характера больше ничего говорить не нужно. Но в случаях условного характера условия в идеале должны быть чётко сформулированы, хотя часто это не так.

Аргумент «пропорционально» может встречаться в рассуждениях независимо от аргумента «тем более» или в сочетании с ним. В любом случае, его не следует путать с аргументом «тем более»: это совершенно разные формы рассуждения. Аргумент «пропорционально» включает только два термина, или, точнее, два значения (или более) двух переменных; тогда как аргумент «тем более» включает четыре различных термина, которые играют совершенно разные роли в аргументе. Аргументы «пропорционально» и «тем более» являются своего рода аналогическими аргументами, но первый гораздо проще второго.

Процесс проверки . Аргумент крещендо можно рассматривать как комбинацию аргумента фортиори и аргумента пропорционального распределения. Это можно выразить формулой:

Крещендо = a fortiori cum pro rata.

То есть, аргумент, основанный на крещендо, можно разделить на два этапа. В случае позитивного субъективного аргумента: сначала мы делаем чисто афористический вывод «P достаточно R, чтобы быть Sq (исходное значение S)», а затем, используя пропорциональное рассуждение, мы увеличиваем вывод до «P достаточно R, чтобы быть Sp (большее значение S)». Используемый пропорциональное рассуждение выглядит следующим образом:

> Более того, если (для объектов, которые одновременно являются R и S) мы обнаружим, что S изменяется пропорционально R, то:
>
> Исходя из вышеприведенной малой посылки, что: если R = Rq, то S = Sq,
>
> Из этого следует вывод: если R = *больше, чем* Rq = Rp, то S = *больше, чем* Sq = Sp.

Обратите внимание, что этот пропорциональный этап опирается не только на информацию, представленную в дополнительной посылке, но и на информацию, представленную в малой посылке [13]. Аналогично, в случае положительного предикативного аргумента, сначала мы делаем чисто афористический вывод: «Sp

---

[13] Обратите внимание на условие «для вещей, которые одновременно являются R и S». Я заключил это предварительное условие в скобки, поскольку оно, по сути, избыточно, так как малая посылка аргумента a fortiori в любом случае подразумевает, что не все вещи, которые являются R, являются S, а только те вещи, которые имеют определенное пороговое значение R или большее его значение, являются S. Мы не должны рассматривать изменение S в зависимости от R как общее утверждение, применимое ко всем R (подразумевающее, что все R являются S), но должны помнить, что это сопутствующее изменение происходит именно в диапазоне R, где пороговое значение для S действительно достигнуто или превышено (т.е. где условие «достаточно R, чтобы быть S» действительно выполняется).

(исходное значение S) достаточно, чтобы быть Q», а затем с помощью пропорционального рассуждения мы сводим вывод к «Sq (меньшее значение S) достаточно, чтобы быть Q». Здесь используется следующий пропорциональный аргумент:

> Более того, если (для объектов, которые одновременно являются R и P или Q) мы обнаружим, что R изменяется пропорционально S, то:
>
> Исходя из вышеприведенной малой посылки, что: если S = Sp, то R = Rp,
>
> Из этого следует, что: если S *меньше* Sp = Sq, то R *меньше* Rp = Rq.

Здесь снова этап пропорционального распределения опирается не только на информацию, представленную в дополнительной посылке, но и на информацию, представленную в малой посылке [14]. Все это справедливо при условии, как было указано ранее, что пропорциональность, предложенная в большой посылке аргумента пропорционального распределения, является прямой и простой.

Эти процедуры проверки для позитивных настроений ясно показывают, что обоснованность аргумента

---

[14] Обратите внимание на условие «для вещей, которые одновременно являются R и P или Q». Я заключил это предварительное условие в скобки, поскольку оно, по сути, избыточно, так как основная предпосылка аргумента a fortiori в любом случае подразумевает, что не все вещи, которые являются R, являются P, и не все вещи, которые являются R, являются Q, а только те вещи, которые имеют определенные пороговые значения R или более, являются P или Q. Мы не должны рассматривать изменение R в зависимости от S как общее утверждение, применимое ко всем S (подразумевающее, что все S являются R), но должны помнить, что это сопутствующее изменение происходит (по крайней мере) конкретно в диапазоне R, где пороговые значения для P и Q действительно достигнуты или превышены (т.е. где условия «достаточно R, чтобы быть P» и «достаточно R, чтобы быть Q» действительно выполняются).

крещендо зависит как от его составляющей a fortiori, так и от его составляющей pro rata. Крещендо не эквивалентно ни первой, ни второй, а возникает из обеих *вместе* . Что касается негативных настроений, то их, как обычно, можно проверить методом *reductio ad absurdum* на основе позитивных настроений.

Выше мы формально продемонстрировали, что, хотя вывод «пропорционального» заключения из посылок допустимого аргумента a fortiori не является безусловно допустимым, он также не является безусловно недопустимым. Такое заключение в принципе недопустимо, но в исключительных случаях, при определенных соответствующих условиях, оно может быть допустимым. Формально все зависит от того, можно ли правдиво предложить пропорциональный аргумент в дополнение к чисто аргументу a fortiori. Другими словами, для вывода допустимого заключения a crescendo посылок допустимого аргумента a fortiori недостаточно; но если они объединены с соответствующими посылками допустимого пропорционального аргумента, как подробно описано выше, такое заключение действительно может быть формально обосновано.

Конечно, как и при любом умозаключении, даже если в данном случае предлагаемый нами процесс вывода в идеале имеет корректную форму, мы должны также убедиться, что входящие в него посылки действительно истинны, то есть что содержание аргумента достоверно основано на фактах. Очень часто в аргументе, построенном на крещендо, процесс убедителен, но главная посылка неявного аргумента, основанного на пропорциональном распределении, имеет сомнительную истинность; это, очевидно, то, на что следует обратить внимание. Простое утверждение истинности определенной пропорциональности не делает ее истинной — мы должны обосновать все

наши посылки, а также их логическую способность в совокупности привести к предполагаемому заключению.

Иногда, к сожалению, здесь вступает в игру риторика, и, несмотря на отсутствие математического доказательства, вывод представляется более точным, чем позволяет дедуктивная логика. В лучшем случае мы могли бы назвать такие выводы интуитивно разумными или индуктивными гипотезами, частично, но не полностью подтверждаемыми данными в посылках; но мы должны понимать и признавать, что они не являются дедуктивной достоверностью. В противном случае мы занимались бы вводящей в заблуждение софистикой. Таким образом, важно помнить, что, хотя мы показали, что аргумент, основанный на крещендо, в принципе, то есть в идеальных условиях, является обоснованным, из этого следует, что каждый аргумент, основанный на крещендо, выдвинутый на практике, то есть в повседневном или научном дискурсе, является обоснованным. Он потенциально обоснован, но не обязательно фактически обоснован. Мы должны тщательно анализировать каждый случай.

Количественная аналогия . Многие путают аргумент, основанный на крещендо, который является частным случаем аргумента фортиори, с количественной аналогией. Важно четко понимать различия между этими формами аргументации. Аналогия может быть качественной или количественной. Четыре варианта количественной аналоговой аргументации следующие:

a. Положительное **субъективное** настроение: *учитывая, что субъект P больше субъекта Q по отношению к предикату R, и что Q является S (Sq), и что отношение Sp к Sq такое же, как*

отношение P к Q (по отношению к R), отсюда следует, что P пропорционально больше S (Sp).

Следует отметить, что дополнительная предпосылка о том, что отношения одинаковы, очень часто является неявной, хотя иногда и явно выраженной. Более того, на практике отношения часто не совсем одинаковы, а лишь приблизительно. Также, ссылку на отношение P к Q (относительно R) следует, возможно, более точно выразить как отношение Rp к Rq. Обратите внимание, что этот аргумент фактически содержит пять членов вместо четырех (поскольку член S разделяется на два члена, Sp и Sq). Конечно, дополнительная предпосылка о пропорциональности обычно известна индуктивным путем. Ее можно сначала предположить, а затем обнаружить, что она неверна или вызывает сомнения.

Аргумент здесь, если говорить короче: «так же, как P > Q, так и Sp > Sq». Аналогично можно рассуждать так: «так же, как P < Q, так и Sp < Sq» или «так же, как P = Q, так и Sp = Sq». Другими словами, положительная субъективная количественная аналогия может быть как от меньшего к большему (как в исходном случае), так и от большего к меньшему, или от равного к равному; она не ограничивает направление. В этом отношении она радикально отличается от положительного субъективного аргумента, основанного на крещендо, который допускает только вывод от меньшего к большему или от равного к равному и исключает вывод от большего к меньшему. Всё это кажется очевидным интуитивно; подтвердив качественную аналогию, нам остаётся подтвердить лишь идею отношений, а это функция математики.

Что касается отрицания главной посылки, здесь мы можем очень просто справиться с этим следующим

образом. Утверждение «P *не* больше Q относительно R» можно переформулировать как «P либо меньше, либо равно Q относительно R»; следовательно, учитывая, что Q равно Sq и что Sp:Sq = P:Q (или Rp:Rq), отсюда следует, что P равно Sp, где Sp < или = Sq. Другими словами, когда главная посылка отрицательна, мы используем вместо неё две положительные количественные аналогии.

b. Отрицательное **субъективное** настроение: *Учитывая, что субъект P больше субъекта Q относительно предиката R, и что P не является S (Sp), и что отношение Sp к Sq такое же, как отношение P к Q (относительно R), отсюда следует, что Q не является пропорционально меньшим S (Sq)* .

Это утверждение можно подтвердить методом *доведения до абсурда* до положительного. Как основная посылка (а именно, что P > Q относительно R), так и дополнительная посылка о пропорциональности (а именно, что Sp:Sq = Rp:Rq) остаются неизменными. Изменилось лишь то, что второстепенная посылка отрицательного утверждения отрицает заключение положительного утверждения, а заключение отрицательного утверждения отрицает второстепенную посылку положительного утверждения. Обратите внимание, что здесь вместо «не больше S (Sp)» и «не S (Sq)» я написал «не S (Sp)» и «не меньше S (Sq)»; это сделано только для сохранения обычного порядка рассуждений – это не влияет на аргумент как таковой. Здесь, опять же, само собой разумеется, хотя показанное утверждение основано на P > Q, его легко можно переформулировать с P < Q или P = Q; Это влияет только на величину вывода (в зависимости от ситуации, Sq может означать «больше S» или «одинаково S»).

c. Положительное **предикативное** наклонение: *Учитывая, что предикат P больше предиката Q по отношению к субъекту R, и что определённое количество S (Sp) равно P, и что отношение Sp к Sq такое же, как отношение P к Q (по отношению к R), отсюда следует, что пропорционально меньшее количество S (Sq) равно* Q.

Здесь аргумент по существу сводится к тому, что «так же, как P > Q, так и Sp > Sq», то есть, что величины субъекта S (а именно Sp и Sq) в малой посылке и заключении различаются в соответствии с величинами предикатов P и Q (по отношению к R). Или, возможно, следует сказать, что субъект R различается по величине или степени, когда его предикат — P (Rp), и когда его предикат — Q (Rq), и что субъект S различается соответственно (то есть Sp и Sq различаются в том же соотношении, что и Rp к Rq). Это снова индуктивный аргумент; и он был бы одинаково верен в формах «так же, как P < Q, так и Sp < Sq» или «так же, как P = Q, так и Sp = Sq».

d. Отрицательное **предикативное** наклонение: *Учитывая, что предикат P больше предиката Q по отношению к субъекту R, и что определённое количество S (Sq) не является Q, и что отношение Sp к Sq такое же, как отношение P к Q (по отношению к R), отсюда следует, что пропорционально большее количество S (Sp) не является P.*

Это утверждение можно подтвердить методом *доведения до абсурда* до положительного. То есть, имея ту же главную посылку и дополнительную посылку о пропорциональности, мы бы сказали: поскольку меньшее количество S (Sq) не равно Q, то большее количество S (Sp) не равно P. Здесь опять же,

если главная посылка содержит P < Q или P = Q вместо P > Q, то вывод следует аналогично (т.е. Sp < или = вместо > Sq).

Что касается сравнения и сопоставления количественной аналогии и аргументации крещендо, необходимо сказать следующее. Основные посылки в обоих случаях одинаковы. Однако второстепенные посылки и выводы, очевидно, различаются, поскольку в количественной аналогии отсутствует понятие порогового значения среднего термина, как в аргументации фортиори. Это объясняет, почему «пропорциональность» является двунаправленной в количественной аналогии (вывод всегда возможен как от второстепенного к основному, так и от основного к второстепенному); тогда как в аргументации фортиори она явно однонаправленная (вывод возможен только от второстепенного к основному в позитивной субъективной и негативной предикативной аргументации, и от основного к второстепенному в негативной субъективной и позитивной предикативной аргументации).

Очевидно, что хотя качественная аналогия в некоторой степени сравнима с аргументом a fortiori, а количественная аналогия в некоторой степени сравнима с аргументом crescendo, эти пары аргументов все же далеки от логического равенства. Как можно показать с помощью подробного формального анализа, ни один из аргументов не может быть *сведен* к другому. Однако каждый допустимый аргумент a fortiori попутно *подразумевает* соответствующий аргумент по аналогии, включающий меньше информации и определенности (даже если, конечно, на практике нет смысла прибегать к такому следствию, учитывая аргумент a fortiori, поскольку он лучше во всех отношениях).

4. Несколько слов об истории.

встречается 5 примеров аргументации *qal vachomer* (a fortiori), и по меньшей мере еще 41 пример в Нахе (остальной части еврейской Библии). В Мишне встречается 46 примеров этой аргументации, а сотни других появляются в Гемаре и другой литературе талмудической эпохи. (Мишна — главный трактат по иудейскому праву, составленный около 200 г. н.э. после примерно 200 лет обсуждения законов Торы; она, в свою очередь, составляет основу двух Талмудов. Гемара по сути представляет собой сборник комментариев к Мишне, приведенных в Иерусалимском Талмуде, составленном около 400 г. н.э., и в Вавилонском Талмуде, составленном около 600 г. н.э.)

Очевидно, что иудаизм с самого своего зарождения прибегал к аргументу «тем более» (и, действительно, во многих его разновидностях). Хотя этот аргумент довольно универсален и встречается также в греческом и римском дискурсе, а позже в христианском и исламском дискурсе, и даже в далеком индийском и китайском дискурсе, очевидно, что его присутствие в еврейском дискурсе является независимым.

Одним из доказательств этого является то, что ранние раввины никогда не пытались формально проанализировать этот аргумент, используя его лишь интуитивно; в то время как греческие и римские

источники, включая Аристотеля [15]и Цицерона [16], пытались изложить и обсудить аргумент в относительно общих терминах. Если бы раввины изучили работы этих авторов, они, несомненно, сказали бы больше об этом аргументе. Раввины же довольствовались лишь обозначением аргумента, хотя и несколько описательным (например, как относящийся к *qal* — снисходительности и *chomer* — строгости), без дальнейших пояснений.

Тем не менее, на практике они очень хорошо освоили эту форму рассуждения (за несколькими заметными исключениями); и они очень часто к ней прибегали. Конечно, гораздо позже было много попыток еврейских комментаторов уточнить и объяснить аргумент a fortiori в более формальных терминах. Самой выдающейся из этих попыток была попытка рабби Моше Хаима Луццатто (Рамхаль, 1707-1746), который перечислил в своем *труде «Рамхаль» В «Книге логики»* [17]описаны четыре настроения, соответствующие положительному и отрицательному, субъективному и предикативному настроениям чисто аргумента a fortiori – однако без упоминания порогового условия, необходимого для подтверждения, и, следовательно, без эффективного подтверждения.

История аргумента «фортиори» — увлекательная тема, которую я пытаюсь подробно рассмотреть в своей книге *«Логика фортиори»* , но в данной работе мы не можем сказать о ней больше. Здесь я

---

[15] См. его *«Риторику»* 2:23 и *«Топики»* 2:10, 3:6. См. мой анализ этих соответствующих отрывков в *«Логике Фортиори»* 6.1.

[16] См. его *«Топики»* , §23. 68-71. См. мой анализ этих соответствующих отрывков в *«Логике Фортиори»,* 6.5.

[17] См. главу 14 этого труда. См. мой анализ соответствующих отрывков в *«Логике Фортиори»* 9.10.

ограничусь очень кратким анализом наиболее важного случая использования аргумента «фортиори» в Мишне (а именно, Баба Кама 2:5) и еще более кратким обсуждением толкования этого аргумента Гемарой (в Баба Кама, 25а-б). Эта Мишна важна благодаря введению принципа ***«дайо»*** **(достаточности)** , который впоследствии часто используется в талмудическом дискурсе.

5. Мишна Баба Кама 2:5

В упомянутой Мишне описывается дискуссия между мудрецами (*хахахамим*) и рабби Тарфоном по конкретному вопросу о финансовой ответственности владельца быка, причинившего ущерб частной собственности путем нападения на нее. Мудрецы считают, что владелец должен оплатить только половину ущерба, в то время как рабби Тарфон выступает за оплату всего ущерба. Мудрецы, хотя и не названы по именам, вероятно, были важными раввинами, такими как рабби Елеазар бен Азария, рабби Ишмаэль бен Элиша, рабби Акива и рабби Хосе ха-Гелили; и рабби Тарфон, безусловно, был им равен по статусу. В Мишне говорится [18]:

> «Тогда Р. Тарфон сказал им: поскольку закон был снисходителен ко всем без исключения в случае с общественными местами, допуская полное освобождение от ответственности, он, тем не

[18] Приведенные здесь выдержки из Талмуда были найдены в интернете по адресу: www.halakhah.com/pdf/nezikin/Baba_Kama.pdf. Я внес незначительные изменения в текст, например, изменил написание слов Kal wa-homer и Dayyo. Все пояснения в квадратных скобках в Гемаре приведены так же, как и в оригинале.

менее, был строг к ним в отношении ущерба, причиненного помещению истца, где он требовал полной оплаты, а в случае с рогами закон был строг в отношении ущерба, причиненного общественному месту, требуя, по крайней мере, выплаты половины ущерба, разве не логично было бы нам столь же строго отнестись к помещению истца и потребовать полной компенсации?»

Их ответ был таков: вполне достаточно, чтобы закон в отношении выведенного явления имел место. должно быть эквивалентно тому, из чего оно выведено: Как и в случае ущерба, причиненного на общественной территории, компенсация [в случае с рогом] составляет половину, так и в случае ущерба, причиненного на территории истца, компенсация не должна превышать половину.

Однако Р. Тарфон возразил: «Но я не делаю вывод о причинении ущерба рогом [на территории истца] из причинения ущерба на общественной территории; я делаю вывод о причинении ущерба рогом из причинения ущерба ногой: поскольку в случае общественной территории закон, хотя и снисходителен в отношении зубов и ног, тем не менее строг в отношении рогов, в случае территории истца, где закон строг в отношении зубов и ног, разве не логично применить ту же строгость к рогам?»

Однако они по-прежнему утверждали: вполне достаточно, если закон в отношении выводимого явления таков: эквивалентно тому, от чего оно происходит. Как и в случае ущерба, причиненного на общественной территории, компенсация [в случае с гудком] составляет половину, так и в случае ущерба, причиненного на территории истца, компенсация не должна превышать половину.

Следует отметить, что в данном контексте актуальными считаются только три размера компенсации за ущерб: ноль, половина или полная компенсация; промежуточных или превышающих эти три размера не существует, поскольку Тора никогда не упоминает о каких-либо других подобных суммах. Никаких штрафных санкций не предполагается.

(а) Вкратце и вложенно *первый аргумент Р. Тарфона* можно перефразировать следующим образом:

> Если повреждение произошло зубом или лапой, то:
>
> если на общественной территории, компенсация нулевая, и
>
> Если на частной территории, то полная компенсация.
>
> Аналогично, если повреждение нанесено рогом, то:
>
> если на общественной территории, то половина компенсации, и
>
> Если на частной территории, то полная компенсация.

Первый предполагаемый вывод рабби Тарфона заключается в том, что за ущерб, причиненный частной собственности, должна быть выплачена полная компенсация. Мудрецы с ним не согласны, выступая за выплату лишь половины суммы, говоря: « *Дайо* — этого достаточно».

(б) Затем Р. Тарфон пробует другой подход, используя те же данные в другом порядке. Вкратце и вложенно этот *второй аргумент* выглядит следующим образом:

> Если повреждение произошло на общественной территории, то:
>
> если все будет сделано силой, никакой компенсации, и
>
> Если речь идёт о рогах, то половина компенсации.

> Аналогично, если ущерб причинен на частной территории, то:
>
> если речь идет о зубах и ногах, то полная компенсация, и
>
> Если с использованием рога, то полная компенсация.

Второй предполагаемый вывод Р. Тарфона снова сводится к тому, что должна быть полная компенсация за ущерб, причиненный частной собственности. Мудрецы снова с ним не согласны, выступая за половинную компенсацию, говоря: « *Дайо* — этого достаточно».

Первое, на что следует обратить внимание, это то, что два аргумента Р. Тарфона содержат абсолютно одинаковые исходные посылки и направлены к одному и тому же выводу, так что их представление может показаться всего лишь риторикой (либо с целью ввести в заблуждение, либо из-за непонимания). Два набора из четырех утверждений, выведенных из двух приведенных выше аргументов (путем удаления вложенности), очевидно, идентичны. Все, что он сделал, это поменял местами термины в антецедентах и переставил посылки. Логический результат, по-видимому, должен быть одинаковым. Однако, как мы скоро поймем, порядок терминов и утверждений имеет существенное значение . И мы увидим, почему это так.

Для начала позвольте мне сказать, что эти аргументы *вполне можно* интерпретировать как простые аргументы по аналогии (соотношения). В первом случае он говорит, что так же, как половина больше нуля, «больше половины» должно означать полный. Во втором случае он говорит, что так же, как половина больше нуля, «больше полного» должно означать полный. (Напомним, обсуждение вращается только

вокруг трех значений: нуля, половины или полного.) Но здесь мы будем исходить из традиционного предположения, что аргументы являются аргументами a fortiori – это вполне разумно.

В этом контексте первый аргумент Р. Тарфона можно представить как кульминацию, а именно:

> Ущерб, причиненный частной собственностью (P), подразумевает большую юридическую ответственность (R), чем ущерб, причиненный общественной собственностью (Q) [как мы знаем из экстраполяции на примере дела «Зуб и нога»].
>
> В случае с рогами ущерб, причиненный общественным достоянием (Q), подразумевает юридическую ответственность (Rq), достаточную для того, чтобы выплата составила половину суммы (Sq).
>
> Причитающийся платеж (S) «пропорционален» степени юридической ответственности (R).
>
> Следовательно, для рога ущерб, причиненный частной собственностью (P), подразумевает юридическую ответственность (Rp), достаточную для полной выплаты (Sp = больше, чем Sq).

В таком случае, первый ответ Мудреца, по- *видимому* , подразумевает: нет, не следует делать «пропорциональный» вывод (полная компенсация), а лишь следует вывести ту же величину в заключение (половинная компенсация). То есть, Мудрецы, похоже, отвергают дополнительную предпосылку о пропорциональности и ограничивают аргумент его чисто афористическим измерением:

> Ущерб, причиненный частной собственностью (P), подразумевает большую юридическую ответственность (R), чем ущерб, причиненный

общественной собственностью (Q) [как мы знаем из экстраполяции на примере дела «Зуб и нога»].

В случае с рогами ущерб, причиненный общественным достоянием (Q), подразумевает юридическую ответственность (R), достаточную для того, чтобы выплата составила половину суммы (S).

Следовательно, в случае с рогами ущерб, причиненный частной собственностью (P), подразумевает юридическую ответственность (R), достаточную для того, чтобы выплатить половину суммы (S).

По всей видимости, именно так раввин Тарфон интерпретирует замечание мудреца, поскольку затем он предлагает альтернативный аргумент, который явно не опирается на дополнительную предпосылку о соразмерности, то есть подобен контраргументу мудрецов, но тем не менее приводит к тому же выводу о полной компенсации, а именно:

Повреждение рогов (P) влечет за собой большую юридическую ответственность (R), чем повреждение зубов и копыт (Q) [как мы знаем путем экстраполяции из случай общественного достояния].

В частной собственности ущерб зубам и ногам (Q) подразумевает юридическую ответственность (R), достаточную для полной оплаты (S).

Следовательно, в частной собственности повреждение рога (P) подразумевает юридическую ответственность (R), достаточную для полной оплаты (S).

Тем не менее, мудрецы снова возражают , утверждая, что не принимают вывод рабби Тарфона о полной

компенсации и по-прежнему выступают за половинную компенсацию. Это говорит о том, что их первый ответ не был, по сути, предпочтением чисто аргумента «теоретически» по сравнению с аргументом «нарастание», а лишь случайным. Но если это так, почему они оба раза сформулировали свое возражение против аргумента *«теоретически»* в точно таких же формулировках?

Обратите внимание на великолепное логическое мастерство рабби Тарфона. Его первоначальное предложение, как мы видели, представляло собой аргумент, построенный на крещендо, который мудрецы (по причинам, которые еще предстоит выяснить) ограничили исключительно аргументом «тем более». На этот раз рабби Тарфон, так сказать, не рискует и после разумной перестановки исходных посылок предлагает аргумент, который приводит к одному и тому же строгому выводу независимо от того, рассматривается ли он как аргумент, построенный на крещендо, или как аргумент, построенный исключительно на крещендо. Блестящий ход! Кажется, он выиграл спор; но, что удивительно, мудрецы снова отвергают его вывод и настаивают на более мягком заключении.

Как такое возможно? Во-первых, как Р. Тарфон, используя одни и те же данные, может построить два структурно разных аргумента, которые приводят к одному и тому же выводу? И более того, как мудрецы могут отвечать на такие структурно разные аргументы на одном и том же языке? Оба раза (по сообщениям) они говорят: « вполне достаточно, чтобы закон в отношении выведенной вещи» должно быть эквивалентно тому, из чего оно выведено: Как и в случае ущерба, причиненного на общественной территории, компенсация [в случае с гудком] составляет половину, так и в случае ущерба,

причиненного на территории истца, компенсация не должна превышать половину .

Ответ на эти вопросы становится очевидным, как только мы обратим внимание на то, как разрабатываются основные посылки двух аргументов Р. Тарфона. Основные посылки основаны на обобщениях. То, что «ущерб, причиненный частной собственностью, *повсеместно* влечет за собой большую юридическую ответственность, чем ущерб, причиненный общественной собственностью», известно *из экстраполяции на* примере конкретного случая зуба и ноги. Аналогично, то, что «ущерб, причиненный рогом, *повсеместно* влечет за собой большую юридическую ответственность, чем ущерб, причиненный зубом и ногой», известно *из экстраполяции на примере* конкретного случая общественной собственности. Обобщения не даны и не выведены из текста — они выведены. Причина различия двух аргументов заключается в том, что они основаны на двух разных направлениях обобщения из одного и того же набора данных.

утверждений мудрецов , первое не может касаться обобщения, ведущего к главной посылке, поскольку главная посылка основана не на информации о повреждении рогов, а только на информации о повреждении зубов и копыт. Первое замечание мудрецов может касаться только предположения рабби Тарфона о том, что «причитающаяся выплата „пропорциональна“ степени юридической ответственности», поскольку именно эта неявная посылка делает возможным строгий вывод. С другой стороны, второе замечание мудрецов никак не может касаться предположения о пропорциональности во втором аргументе рабби Тарфона, поскольку он не делает такого предположения в нем, а аргументирует исключительно a fortiori. Следовательно, второе

замечание мудрецов должно касаться обобщения, которое приводит к главной посылке второго аргумента рабби Тарфона.

дайо мудрецов явно направлен на предотвращение принятия дополнительной посылки о пропорциональности в первом аргументе рабби Тарфона (которая является крещендо), то их второй *дайо* может быть направлен только на предотвращение формирования основной посылки второго аргумента рабби Тарфона (которая является чисто афористической). Следовательно, хотя язык, используемый мудрецами в обоих случаях, идентичен, техническое значение их двух утверждений очень различно.

Что же думают мудрецы, когда говорят *«дайо»* ? Ясно, что мудрецы понимают, что предпосылка о соразмерности в первом аргументе рабби Тарфона *логически не* является необходимой, то есть она является излишней. На первый взгляд может показаться очевидным, что компенсация за ущерб должна быть «пропорциональной» степени ответственности обвиняемого; но мудрецы фактически говорят: нет, это всего лишь *этический* императив, который по более высоким этическим соображениям иногда может быть обойден. Здесь на кону принцип « **мера за меру** » (*midah keneged midah*).

Интуитивно кажется справедливым и честным, что наказание должно быть соразмерно совершенному преступлению. Но *дайо мудрецов* подразумевает, что этот принцип справедливости и равенства, хотя и хорош, не всегда может быть применен на практике. В частности, когда мы пытаемся вывести наказание за преступление из Торы, мы не можем применить принцип соразмерности; возможно, потому что

определение точной величины соразмерности не является точной наукой, или, возможно, потому что этот процесс является человеческим и, следовательно, может быть ошибочным.

Вместо того чтобы рисковать назначением кому-либо, возможно, чрезмерного наказания, что представляло бы собой большой личный грех для любого судьи, мудрецы мудро придерживаются меньшей меры наказания, указанной в Торе за менее тяжкое преступление. Именно это высшее этическое соображение — предотвращение *чрезмерного* наказания — позволяет мудрецам блокировать применение правила «мера за меру», не отрицая при этом его истинную природу. Таким образом, принцип *дайо* по сути заключается в том, что наказание, назначенное в Торе за менее тяжкое преступление, *не должно* быть увеличено за более тяжкое преступление, не упомянутое в Торе.

Как только этот принцип (*даё*) будет понят, исходя из реакции мудрецов на первый аргумент рабби Тарфона, его можно будет с таким же успехом – и даже в большей степени – применить ко второму аргументу рабби Тарфона. Ибо, если в первом случае принцип *даё* смог нейтрализовать принцип «мера за меру», высокий этический принцип, которому мы твердо привержены, то во втором случае, который не апеллирует к принципу «мера за меру», принцип *даё* используется для блокирования простого обобщения – индуктивного акта, который по целому ряду причин может быть запрещен.

Итак, кратко изложенная суть нашей Мишны, Баба Кама 2:5, которая, как ни удивительно (следует подчеркнуть), является единственным местом во всем документе Мишны, где принцип *дайо* фактически используется (не говоря уже о его обсуждении).

Обратите внимание: из 46 аргументов a fortiori, приведенных в Мишне, *только* два упомянутых выше, раввина Тарфона, подвергаются ограничению *дайо* . Только в более поздних дискуссиях по Гемаре принцип *дайо* начинает широко применяться (как часто, еще предстоит определить).

Здесь также следует отметить, что принцип *дайо* не упоминается в списках герменевтических принципов (*мидот*), приписываемых Гиллелю и рабби Ишмаэлю. Они упоминают аргумент *кал вахомер* как первое правило раввинского толкования, но не упоминают обычно ассоциируемый с ним принцип *дайо* . Это тоже удивительно. В действительности (или, по крайней мере, по моему мнению), принцип *дайо* в конечном итоге может быть применен к любой подобной форме количественного рассуждения. Нет оснований ограничивать его применение аргументом афоризм, как традиционно предполагалось, даже если он исторически возник именно в этом конкретном контексте.

Действительно, два аргумента рабби Тарфона вполне можно было бы рассматривать как количественные аналогии, и принцип *дайо* всё равно вытекал бы из двух возражений мудреца, направленных на предотвращение соразмерных наказаний. Но если это так, и если принцип *дайо действительно* не связан исключительно с аргументом афоризм, то он должен был бы появиться как самостоятельное правило в указанных раввинских списках. Это, безусловно, важный принцип, который также встречается в юриспруденции других народов. Таким образом, остаются некоторые вопросы без ответа.

6. Гемара Баба Кама 25а-б

Можно было бы ожидать, что все вышесказанное относительно Мишны Бабы Камы 2:5, наш анализ аргументов *qal vachomer* и принципа *dayo* , будет изложено в комментарии к этому отрывку в Гемаре. Но нет; удивительно, но ничего подобного там нет. Вместо этого мы видим, как Вавилонский Талмуд приступает к ряду относительно не относящихся к делу исследований и выдвигает весьма сомнительные утверждения. Мы не можем здесь подробно рассмотреть их все, но следующий анализ дает лишь некоторые примеры. Гемара начинается с такого комментария [19]:

> «Неужели рабби Тарфон действительно игнорирует принцип *дайо ? Разве дайо* не имеет библейского происхождения? Как учили: Как работает правило *qal vachomer?* работа? И сказал Господь Моисею: «Если отец ее плюнет ей в лицо, разве не будет ей стыдно семь дней?» Насколько же больше ей должно быть стыдно в случае божественного [упрека]? четырнадцать дней? Тем не менее, число дней остается неизменным — семь, ибо достаточно, если закон в отношении данной вещи выводится. быть эквивалентным тому, от чего он происходит!»

В этом отрывке автор Гемары (пожелавший остаться анонимным) предполагает, что, хотя Мишна создает впечатление, будто рабби Тарфон не знал принципа *дайо,* сформулированного мудрецами, на самом деле рабби Тарфон не мог не знать этого принципа, поскольку он имеет торейское происхождение. В

---

19 Источник уже указан.

подтверждение последнего утверждения Гемара приводит *барайту* (утверждение таннаитов, не являющееся частью Мишны), согласно которой аргумент в Числах 12:14-15 является аргументом типа *«каль вахомер* », естественным выводом которого является четырнадцать дней позора, число которых сокращается до семи дней при применении принципа *дайо* .

Обратите внимание, что вопрос *барайты* «Как работает правило *qal vachomer* ?» сформулирован в общих терминах, подразумевая, что ответ на него заключается в том, что аргумент *qal vachomer* по своей сути пропорционален (то есть представляет собой крещендо). Это, конечно, абсурдно, поскольку чисто аргумент a fortiori очень распространен в Танахе, Мишне и даже в Гемаре! В Танахе только 6 из 46 (13%) аргументов a fortiori представляют собой крещендо; в Мишне — только 10 из 46 (22%).

Причина, по которой Гемара сосредоточила внимание именно на этом отрывке, должна быть очевидна. Это *единственный* аргумент «тем более» во всем Танахе, который одновременно произнесен Богом и связан с указанием наказания за конкретное преступление. Ни один из четырех других аргументов «тем более» в Торе не произнесен Богом. А из девяти других аргументов «тем более» в Танахе, произнесенных Богом, два (Иер. 25:29 и 49:12) касаются наказания за грехи, но недостаточно конкретно, чтобы направлять юридическое суждение. Очевидно, что Мишна БК Утверждение 2:5 могло быть обосновано Торой только через Числа 12:14-15.

Итак, этот отрывок из Торы гласит [20]:

---

20 Из племени *Сончино-Чумаш* .

> «14. Если бы отец ее плюнул ей в лицо, разве не следовало бы ей скрываться в стыде семь дней? Пусть ее запрут за пределами стана на семь дней, а после этого приведут обратно. 15. И Мириам была заперта за пределами стана семь дней; и народ не ходил, пока ее не привели обратно».

Однако, на мой взгляд, простое прочтение (*пшат*) этого библейского отрывка, а точнее стиха 14, представляет собой следующий *чистый* (то есть непропорциональный) аргумент a fortiori. Заметьте попутно, что он позитивный субъективный, от малого к большому.

> Вызывание божественного неодобрения (P) является более тяжким преступлением (R), чем вызывание отеческого неодобрения (Q).
>
> Вызывание неодобрения со стороны отца (Q) является достаточно оскорбительным (R), чтобы оправдать изоляцию на семь дней (S).
>
> Следовательно, вызывая Божественное неодобрение (P), достаточно оскорбительно (R), чтобы заслужить изоляцию на семь дней (S).

Конечно, мы могли бы истолковать этот аргумент как *крещендо* (то есть как соразмерный тем более), даже несмотря на то, что в исходном тексте *нет упоминания или намека* на какое-либо количество, кроме семи дней. Для этого нам нужно добавить предпосылку о соразмерности, что довольно легко сделать, учитывая интуитивно понятный этический принцип «мера за меру». Тогда аргумент будет выглядеть так:

> Вызывание божественного неодобрения (P) является более тяжким преступлением (R), чем вызывание отеческого неодобрения (Q).

> Вызывание неодобрения со стороны отца (Q) является достаточно оскорбительным (R), чтобы повлечь за собой изоляцию на семь дней (Sq).
>
> Наказание (S) варьируется пропорционально правонарушению (R).
>
> Следовательно, вызывая божественное неодобрение (P), достаточно оскорбительно (R), чтобы заслужить изоляцию на четырнадцать дней (Sp).

Таким образом, мы можем утверждать, как это делает Гемара, что наказание в случае Божественного неодобрения ограничивалось всего семью днями в соответствии с принципом *дайо* . Этот сценарий возможен, но далеко не очевиден, поскольку, как уже было показано, исходный текст можно просто прочитать как чисто аргумент афоризм. Однако добавление дополнительной предпосылки о соразмерности разумно — мы, естественно, ожидали бы большего наказания за оскорбление Бога, чем за оскорбление отца. Таким образом, тезис Гемары о том, что принцип *дайо* должен был быть неявно применен Богом, поскольку окончательный вывод, данный в Торе, составляет всего семь дней, имеет некоторую достоверность.

Однако следует отметить, что используемый здесь принцип *дайо* не совсем идентичен принципу, применяемому в рассматриваемой Мишне. В Мишне принцип *дайо* служит для ограничения наказания за более тяжкое преступление, не упомянутое в Торе, до конкретного наказания за менее тяжкое преступление, упомянутое в Торе. Таким образом, в Мишне источником информации является закон Торы, тогда как вывод касается чего-то, что не рассматривается непосредственно Торой. И, как мы видели, мотивом

этого ограничения, по-видимому, является предел или ошибочность человеческого суждения.

С другой стороны, в отрывке из Чис. 12:14 источником информации является идея о том, что оскорбление отца заслуживает семидневной изоляции – что не является законом Торы, а, по-видимому, всего лишь интуицией, если не реальным обычаем, – и вывод является Божественным повелением. Здесь не требуется никакого человеческого суждения. Таким образом, аналогия между примером из Чис. 12:14 и примером из Мишны не идеальна; она, безусловно, несколько натянута. Нельзя строго утверждать, что Бог применял принцип мишнаитской *даио* , когда проявил снисхождение к Мириам, ограничив ее наказание семью днями.

Еще одно важное различие, которое следует отметить, заключается в том, что, как мы видели, принцип мишнаитского *дайо имеет (по крайней мере) два формальных выражения. В отношении первого аргумента рабби Тарфона, задуманного как крещендо, дайо* мудрецов служил для блокирования дополнительной посылки о пропорциональности; тогда как в отношении второго аргумента рабби Тарфона, задуманного как чисто а фортиори, *дайо мудрецов* служил для блокирования первоначального обобщения, ведущего к главной посылке. Очевидно, что хотя предполагаемое применение *дайо в Чис. 12:14 можно сравнить с первым дайо* мудрецов , оно не имеет никакого сходства со вторым *дайо* мудрецов !

Действительно, как бы мы ни искали в комментарии к Гемаре (BQ 25a-b) относительно нашей Мишны (BQ 2:5), мы не найдем никаких свидетельств того, что её автор вообще осведомлен о существовании двух совершенно разных аргументов рабби Тарфона в

Мишне, которые подразумевают два совершенно разных *ответа* мудрецов на вопрос о библейском происхождении. Кажется, что автор Гемары, как и многие рассеянные комментаторы после него, сосредоточился только на первом аргументе и не обратил внимания на второй. Таким образом, хотя Гемара, возможно, и показала, что первый *вопрос мудрецов* о библейском происхождении «имеет библейское происхождение», она не показала, что второй *вопрос мудрецов* тоже имеет библейское происхождение. Даже если задним *числом* можно утверждать, что второй вопрос о библейском происхождении в некоторой степени подразумевается в первом, это фактически не указывается в Гемаре.

Насколько мне известно, лишь значительно позже в еврейской истории раввинские комментаторы осознали, что принцип *дайо* имеет два значения. В раввинской терминологии первый *дайо* , используемый мудрецами, применяется «в конце закона» (*аль-соф-хадин*), тогда как второй *дайо,* используемый ими, применяется «в начале закона» (*аль-техелет-хадин*) [21]. Мне не удалось выяснить, кто, когда и в каком именно контексте впервые было введено это различие и терминология. Это важный исторический вопрос, требующий дальнейших исследований.

До настоящего времени я не обнаружил никаких свидетельств того, что различие между двумя типами *дайо* сознательно и явно отмечалось в литературе талмудических времен. Я предполагаю, что это открытие произошло столетия спустя, вероятно, благодаря комментатору-тосафисту (хотя это могло произойти и раньше, и позже). Однако, не зная, в

---

21 См. статью о принципе *дайо в Энциклопедии Талмудита* .

каком именно комментарии и, следовательно, в каком дискурсивном контексте произошло это различие, я не могу сказать, относилось ли оно конкретно к Мишне Бабе Каме 2:5 или, возможно, возникло с каким-то другим конкретным примером.

Судя по расплывчатости терминологии, используемой сегодня раввинскими комментаторами («в конце», «в начале»), маловероятно, что первоначальные или последующие комментаторы, даже если они и понимали применение различия в Коране 2:5, полностью осознавали его точную природу (то есть, что первый *дайо* препятствовал предположению о пропорциональности, тогда как второй *дайо* препятствовал первоначальному обобщению). Я считаю, что такое точное понимание может исходить только из моего вышеприведенного подробного анализа, который является оригинальным.

Здесь я сосредоточился лишь на одном или двух вопросах, поднятых в комментарии к Гемаре (БК 25а-б). Можно привести множество более серьезных критических замечаний в её адрес. К сожалению, у меня здесь нет места, чтобы их подробно рассмотреть. Заинтересованный читатель найдет их в моей книге « *Логика Фортиори»* . В заключение достаточно отметить, насколько важную роль играет логика Фортиори в еврейской герменевтике и юриспруденции, и насколько важно иметь четкое представление о теоретических аспектах аргумента Фортиори, чтобы полностью понимать — и независимо оценивать — раввинские правовые дискуссии.

7. Некоторые раввинские герменевтические принципы

Интересно соотнести некоторые из вышеизложенных рассуждений с некоторыми раввинскими герменевтическими принципами (*мидот*), в частности, с теми, которые перечислены Гиллелем Старшим, рабби Ишмаэлем бен Элишей и рабби Элиэзером бен Хосе ха-Гелили и восходят к временам Мишны. Эти принципы призваны облегчить или направить толкование библейских текстов, особенно с целью формулирования религиозных, политических и гражданских законов.

Первое правило рабби Ишмаэля [22], принцип *кал вахомер* , явно относится к аргументу фортиори. Как мы уже упоминали, помимо описательного названия, в мишнаитской или талмудической литературе очень мало формального анализа этой формы рассуждения, хотя некоторые попытки более подробного анализа встречаются в более поздних раввинских текстах. Принцип *дайо* (достаточности) обычно рассматривается как неявный компонент принципа *кал вахомер* ; но, как мы видели, на практике это не обязательно так.

Второе правило рабби Ишмаэля, принцип *гезера шава* , основанный на том, что термины имеют общие библейские формулировки или намерения, можно считать простой аналогией. Это объясняется тем, что (очевидные) одинаковые формулировки или (предполагаемое) одинаковое «намерение» разных формулировок не дают достаточно явного общего предиката (Р) для сравниваемых субъектов (П и В). Слова явны, но они второстепенны по отношению к тому, что они выражают; поэтому предположение о

---

22 Приводится в начале Сифры *(* галахического мидраша).

том, что Тора подразумевает их как достаточно значимые, чтобы оправдать вывод, является спорным [23]. То же самое можно сказать и о двенадцатом правиле рабби Ишмаэля, которое относится к контекстуальным выводам (*мейняно* , *мисофо* и тому подобное): такое рассуждение является простой аналогией.

Однако третье правило рабби Ишмаэля, принцип *биньян ав* , полностью подпадает под определение сложной аналогии. Фактически, наше приведенное выше описание сложной аналогии является точным описанием рассуждений по принципу *биньян ав* . Когда раввины хотят расширить сферу действия закона Торы (С), они показывают, что некий новый субъект (П) имеет некоторую общую черту (Р) с данным Торой субъектом (В), и, предполагая, что эта черта является *основанием для* закона (это предположение представляет собой обобщение, даже если на первый взгляд оно может показаться прямым прозрением), они переносят закон из данного случая в неопределенный случай.

---

[23] Иными словами, традиционное иудейское убеждение (или догма) о том, что имена являются частью природы вещей, которые они обозначают, если не их самой сущностью, — с точки зрения формальной логики — всего лишь теория. В ней нет ничего очевидного или аксиоматического. Это гипотеза, которая, как и любая другая, должна оставаться открытой для проверки и анализа. Современная лингвистика отвергла бы эту гипотезу, учитывая доказуемый факт, что все языки, включая иврит, эволюционировали с течением времени.

2. Луис Дуарте Д'Альмейда

1. Второсортное представление

Тема аргументации «тем более» рассматривается, в основном с юридической точки зрения, в статье Луиса Дуарте Д'Альмейды (далее — Д'Альмейда) 2017 года [24]под названием *«Аргументация тем более»* [25]. Это претенциозное эссе, в котором мало, если вообще есть, новых идей, и много вопиющих проявлений невежества и ошибочных рассуждений. Именно поэтому его интересно изучить как пример логической самонадеянности. Можно подумать, что эссе, изобилующее нечестностью, ошибками, упущениями и софистикой, не стоит того, чтобы о нем писать и читать; но на самом деле из такого исследования можно извлечь много ценного.

Как мы увидим, автор, Д'Альмейда, заимствует значительную часть своих идей и терминологии из моей работы 2013 года *«Логика фортиори* » (далее — ЛФ), не признавая должным образом своих интеллектуальных заимствований; такая нечестность, безусловно, морально предосудительна и должна быть публично разоблачена. Более того, в своем

---

[24] Профессор юриспруденции (и директор по вопросам равенства и многообразия, что бы это ни значило) в юридической школе Эдинбургского университета. Я был поражен, узнав об этом; читая его эссе, я подумал, что он, возможно, начинающий преподаватель, отчаянно пытающийся сделать себе имя.

[25] Опубликовано в журнале The Modern Law Review (MLR) 2017, 80(2), стр. 202–237. Можно приобрести онлайн по адресу: http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/1468-2230.12252/full . Автор — доцент кафедры юриспруденции Эдинбургской школы права, Эдинбургский университет. Журнал The Modern Law Review, по-видимому, тесно связан с Лондонской школой экономики.

рассмотрении аргумента фортиори он допускает серьезные ошибки и игнорирует некоторые важные аспекты предмета из-за недостаточного понимания и невнимательности к деталям. Кроме того, автор демонстрирует выдающуюся логическую некомпетентность, когда в конечном итоге пытается сформулировать и доказать идеи, которые действительно принадлежат ему. В настоящем обзоре подробно изложены многочисленные недостатки эссе.

Начиная свой анализ аргумента «тем более» с примера « *Он не пьет сидр; он непременно откажется и от виски* » (стр. 204) [26], Д'Альмейда предлагает следующее формальное описание такого аргумента [27]:

> «(1) Существует точка T в масштабе P такая, что для каждого x, если x пересекает T, то x равно Q.
>
> (2) a встречается с T.
>
> (3) b занимает более высокое место, чем a, по шкале P.[28]
>
> Следовательно (из (2) и (3)),
>
> (4) b встречается с T.
>
> Следовательно (из (1) и (4)),
>
> (5) b — это Q" (стр. 208).

---

[26] Он заимствует, после небольших изменений, из работы Давида Даубе (цитата) «Раввинские методы толкования и эллинистическая риторика» (1949) 22 Hebrew Union College Annual 239, 254.

[27] Я убрал курсив с символов и заменил римские цифры на арабские.

[28] Следует отметить, что хотя Д'Альмейда на данном этапе не упоминает возможность эгалитарного или аргумента *a pari* a fortiori, он делает это позже, на стр. 236-237. Там предпосылка (3) принимает форму: «a и b имеют одинаковый рейтинг по шкале P».

В качестве иллюстрации он приводит следующее [29]:

> «(1) Существует точка T в шкале содержания алкоголя, такая, что если напиток достигает T, то наш друг от него откажется.
>
> (2) Сидр встречается с T.
>
> (3) Виски занимает более высокое место, чем сидр, по шкале содержания алкоголя.
>
> Следовательно (из (2) и (3)),
>
> (4) Виски встречается с T.
>
> Следовательно (из (1) и (4)),
>
> (5) Наш друг откажется от виски» (стр. 205).[30]

Он заявляет: «Любой пример этой модели будет дедуктивно обоснованным аргументом» (стр. 207); и я в значительной степени согласен, поскольку она содержит два известных дедуктивных процесса, а именно количественный вывод (величина, большая второй величины, которая, в свою очередь, больше третьей величины, должна быть больше этой третьей величины) и положительную аподосис (*modus ponens* : если антецедент подразумевает консеквент, то если антецедент реализуется, то и консеквент реализуется).

---

[29] Обратите внимание, что формулировка его примера не совсем совпадает с формулировкой его текста. Если принять текст за правильную формулировку, его вывод должен был быть таким: «тогда наш друг откажется от виски» (b — это Q). Такая небрежность может привести к ошибке. См. следующую сноску.

[30] На самом деле, как я покажу далее, эта интерпретация Д'Альмейдой примера из работы Даубе, который он выбрал в самом начале в качестве репрезентативного, формально неверна. Пока что я рассматриваю его изложение буквально и оставляю вопрос о его уместности для дальнейшего рассмотрения. Достаточно сказать, что такая ошибка Д'Альмейды в самом начале его анализа аргумента a fortiori ставит под сомнение его логические знания.

Эту формулу можно более кратко сформулировать следующим образом, если мы будем понимать «соответствует» как «равно или больше»:

Если a ≥ T (2) и b > a (3), то b > T (4);
и x ≥T означает, что x равно Q (1),
а b — это x, поэтому подходит x ≥ T;
следовательно, b равно Q (5).

Обратите внимание, что я добавил поясняющее предложение: «и b — это x, следовательно, подходит x ≥ T», которое в формулировке Д'Альмейды остается неявным. Описанная выше форма аргументации соответствует тому, что я назвал **позитивным субъективным** аргументом a fortiori [31]. Сам Д'Альмейда «любезно» признает это в сноске на 5-6 страницах своего эссе (прим. 8, стр. 206-207) :

« Этот промежуточный вывод — вывод от (ii) и (iii) к (iv) — имеет некоторое структурное сходство с тем, что Сион выделяет как одну (полную) допустимую модель аргумента *a fortiori* : он называет его «позитивным субъективным настроением» «связывающего» аргумента *a fortiori* — он также называет его «парадигмой аргумента a fortiori» — и переводит его как «P больше R, чем (или столько же R, сколько) Q (является R); и Q достаточно R, чтобы быть S; следовательно, тем более (или в равной степени) P достаточно R, чтобы быть S». См. A. Сион, *Логика A Fortiori: инновации, история и оценки* (Женева: Ави Сион, 2013) 10-11, 117».[32]

---

31 Уже в моей книге 1995 года *«Иудейская логика»*.

32 Из указанных Д'Альмейдой номеров страниц неясно, какое именно издание AFL он использует. Чтобы избежать двусмысленности в этом отношении, я предпочитаю ссылаться на свою работу по главам и разделам; например, здесь: глава 1, раздел 3.

Это намек на то, откуда он почерпнул свое понимание аргумента a fortiori: из моей работы. Однако это утверждение неточное, если не сознательное, ложное: нет никакого простого, расплывчатого, частичного «структурного сходства» с моей работой. Как я сейчас покажу, ***все*** **составляющие его аргументационной формы выведены из моей процедуры валидации для положительного субъективного аргумента a fortiori** . Д'Альмейда *лишь изменил используемые символы для терминов и перетасовал* задействованные утверждения (опустив одно важное предложение без объяснения). В такой *переформулировке и перестановке нет ничего плохого* ; плохо то, что *не отдается должное там, где это необходимо* . Хотя он пытается представить себя оригинальным мыслителем, постепенно делающим новые открытия, правда в том, что он не внес новшеств в этом вопросе, а лишь пересказал информацию, уже написанную и опубликованную мной много лет назад.

Я проведу анализ варианта Д'Альмейды, используя свои собственные символы, которые я установил в качестве стандартных в своих предыдущих работах по этой теме из-за их широкой применимости. Это: P (для основного члена), Q (для второстепенного члена), R (для среднего члена) и S (для вспомогательного члена). Эти четыре символа соответствуют (в данном контексте) соответственно его символам b , a , P и Q ; его пятый символ T соответствует моему символу Rs, но у него нет символов для моих Rp и Rq. В AFL 1.3 я представляю позитивный субъективный аргумент a fortiori в следующей форме, основанной на повседневном использовании:

P в большей степени R, чем (или в такой же степени R, как) Q является (основной посылкой);

и Q достаточно R, чтобы быть S (второстепенная посылка);

Следовательно, P достаточно R, чтобы быть S (вывод).[33]

Обратите внимание на простоту и прямоту этого стандартного формата, на то, как он передает всю необходимую информацию в трех положениях: главной посылке, второстепенной посылке и заключении, и как он отражает распространенный дискурс «тем более». Сравните это с пятью положениями Д'Альмейды (плюс два пояснительных предложения). По-видимому, Д'Альмейда оказался не в состоянии осмыслить стандартные три положения. Найдя формулировку слишком концептуальной и прямой для себя, он искал более наглядный и многословный способ выражения – обоснование, которое он мог бы понять. Но, как я покажу более подробно, это обоснование является неадекватным и вредным. Теперь, углубляясь в вышеприведенные три положения, мы получаем:

- *основная предпосылка* :

  P равно R, то есть P в определенной мере или степени равно R (например, Rp);

  Q равно R, то есть Q в определенной мере или степени равно R (например, Rq);

  и Rp больше (или равно) Rq (следовательно: Rp подразумевает Rq [34]).

---

[33] В терминологии Д'Альмейды это звучало бы так: «b» в большей степени «P», чем «a»; и «a» достаточно «P», чтобы быть «Q»; следовательно, «b» достаточно «P», чтобы быть «Q».

[34] Это подразумевается в том смысле, что большее число влечет за собой любое меньшее число. Например, если у меня есть 5 долларов, то у меня, очевидно, есть 3 доллара.

- и *в качестве второстепенной предпосылки* :

  Q равно R, то есть Q в определенной мере или степени равно R (например, Rq);

  Всё, что в определённой степени является R (например, Rs), является S, и

  не является хотя бы в этой мере или степени R (т.е. не является R), *не является* S;

  и Rq больше (или равно) Rs (следовательно: Rq подразумевает Rs).

- в результате чего был сделан *вывод* :

  P равно R, то есть P в определенной мере или степени равно R (например, Rp);

  Всё, что в определённой степени является R (например, Rs), является S, и

  не является хотя бы в этой мере или степени R (т.е. не является R), *не является* S;

  и Rp больше (или равно) Rs (следовательно: Rp подразумевает Rs).

Это подтверждение путем прямого сведения к более широко изученным и понятным пропозициональным формам, обратите внимание. Заключение состоит из четырех компонентов; первый компонент вытекает из большой посылки; второй и третий — из малой посылки; а четвертый — из обеих посылок. Отсюда заключение логически следует из данных посылок.

Если переписать формулу Д'Альмейды с использованием моих символов, мы получим следующий результат, в котором **источники его формулы** в моей предыдущей работе становятся совершенно очевидными (выделены жирным шрифтом):

(1) *Существует точка Rs в масштабе R такая, что точка, пересекающая Rs, — это S.*

Это соответствует второму компоненту моей малой посылки: **всё, что равно Rs или больше, равно S.**

Однако следует отметить, что Д'Альмейда проигнорировал третий компонент, отрицательное придаточное предложение (которое является точной инверсией указанного положительного придаточного предложения): всё , что *не является* хотя бы Rs, *не является* S, возможно, из-за его желания избежать использования обобщающей формы: Q *достаточно R, чтобы* быть S (см. ниже).

(2) *Q встречается с Rs.*

Это соответствует первой и четвертой составляющим моей малой посылки: **Q равно R (Rq), и Rq больше (или равно) Rs.**

(3) *P занимает более высокое место, чем Q, по шкале R.*

Это соответствует всей моей основной посылке (ее трем компонентам), а именно: **P равно R (Rp)** , **Q равно R (Rq)** , и **Rp больше (т.е. больше R), чем Rq.**

Следовательно (из (2) и (3)),

(4) *P встречается с Rs.*

Это соответствует четвертой составляющей моего заключения, а именно: **Rp больше (или равно) Rs** , что следует из третьей составляющей большой посылки и четвертой составляющей малой посылки.

Следовательно (из (1) и (4)),

(5) *P — это S.*

Из первого, второго и четвертого компонентов моего заключения следует, что **P равно R (Rp)** , и

> **Rp больше (или равно) Rs** , а **все, что равно Rs или больше, является** S.
>
> Здесь Д'Альмейда снова проигнорировал отрицательное придаточное предложение (обратное): всё, что *не* является как минимум R, *не является* S, и избежал использования обобщающей формы: P *достаточно R, чтобы* быть S, что подразумевает, что P является S (см. ниже).

Из приведенного выше подробного анализа очевидно, что *не только* его утверждения (2), (3) и (4) выведены из моей работы, как он сам, в некотором смысле, признает, *но и* утверждения (1) и (5) тоже! Его утверждение (1) «Существует точка Rs в шкале R такая, что то, что пересекает Rs, является S» семантически не отличается от моего утверждения « Все, что по крайней мере в определенной мере или степени является R (скажем, Rs), является S»; а его утверждение (5) «P является S» явно включено в мое утверждение «P достаточно R, чтобы быть S», а также подразумевается в заключении моей процедуры валидации. Если бы Д'Альмейда не изменил символы, все это было бы очевидно. Он изменил символы и, как я полагаю, несколько язык, чтобы замаскировать вывод своего предложения из моей более ранней работы и избежать необходимости его признавать.

Формулировка Д'Альмейды на первый взгляд может показаться более лаконичной, чем моя процедура проверки [35], главным образом потому, что он использует краткое, но расплывчатое выражение

[35] В других частях текста я также прибегаю к более кратким формулировкам, например, в таблице 1.2 я привожу: Rp ≥ Rq, Rq ≥ Rs, следовательно, Rp ≥ Rs; а на диаграмме 1.1 я показываю эти соотношения в качестве иллюстрации. В любом случае, моя стандартная форма гораздо короче и точнее отражает то, как мы все на практике выражаем свои рассуждения a fortiori.

«соответствует». Рассмотрим этот термин, который он нигде не определяет. На первый взгляд, кажется, что он просто означает «равн или больше». Однако, поразмыслив, понимаешь, что это не совсем так. Если внимательнее изучить формулу Д'Альмейды, можно заметить, что он невнятно смешивает две разные идеи. Используя его символы, мы можем сказать, что термины a и b (или любой x) являются субъектами по отношению к предикатам P и Q; но в этом случае мы не можем сказать, что a и b (или x) сравнимы с T по шкале P; Мы можем лишь сказать, что значения *P,* соответствующие a и b (или x), сопоставимы с T. Другими словами, не a и b ≥ T, а Pa и Pb ≥ T. Это тонкое различие упускает из виду Д'Альмейда, что свидетельствует о приблизительном функционировании его разума.

На случай, если это различие неясно некоторым читателям, позвольте мне повторить его, используя основной пример Д'Альмейды. Не одно и то же сказать, что сидр (a) и виски (б) содержат больше или столько же алкоголя (P), сколько указано в единице T, и сказать, что содержание алкоголя в сидре (Pa) и в виски (Pb) больше или равно T. Это не придирки, а существенное логическое различие, которое логик должен тщательно отразить в своей формуле, чтобы избежать ошибок в дальнейшем. Таким образом, термин, использованный Д'Альмейдой, «соответствует», был призван сгладить двусмысленность, которую он не смог заметить и устранить. Повторюсь, выражение «a или b соответствует T» не означает, как может показаться на первый взгляд, что a или b ≥ T, а лишь то, что *значение P для a или b* ≥ значению P, обозначаемому T. В моей формулировке, обратите внимание, основные и второстепенные члены P и Q (мои символы) четко отделены от значений среднего члена (R),

соответствующих им, обозначенных Rp и Rq соответственно.

Теперь рассмотрим порядок, в котором Д'Альмейда расположил посылки в своей формуле: (1) и (2) из моей малой посылки, и (3) из моей большой посылки. То есть он поставил малую посылку перед большой. Хронологически, утверждает он, (2) и (3) должны идти первыми, давая (4); затем (4) вместе с (1) дают (5). Тем не менее, он поместил (1) на самое первое место, по-видимому, чтобы подчеркнуть его важность. Почему? Если он мыслит в терминах логического приоритета, почему он соответственно не поместил (3) перед (2)? Несомненно, в первой части его аргументации (3) является большой посылкой, (2) — малой посылкой, а (4) — их заключением. Таким образом, Д'Альмейда не может утверждать, что упорядочивает посылки ни хронологически, ни логически. Кажется очевидным, что он поместил (1) в начало своей формулы, чтобы скрыть его происхождение из моей малой посылки; То есть он переместил его на первое место, чтобы аргумент в целом *выглядел* иначе, чем мой.

Обратите также внимание, что формула Д'Альмейды не указывает нам явно, что (используя его символы) «a есть Q», хотя он позже это осознает, нумеруя это утверждение (2a) и указывая, что оно выводится из (1) и (2). Он явно несколько удивлен этим результатом, говоря: «интересно, что утверждение в (2a) было единственным, которое аргументатор фактически сформулировал явно»; и далее он утверждает, что:

> «Это единственное утверждение… послужило основой для нашей интерпретативной реконструкции дальнейших предпосылок, на которые, как мы полагаем, аргументатор неявно

> опирается… но как только мы расшифровали эти предпосылки в конъюнкцию (1), (2) и (3), утверждение в (2a) больше не нужно формулировать как часть аргумента, чтобы вывод мог быть сделан. В некотором смысле, аргумент в его первоначальной формулировке не включал ни одной из своих ключевых предпосылок» (стр. 206).

Здесь он ссылается на свой главный пример — аргумент о сидре и виски. То, что он говорит, конечно же, полная чушь — всего лишь *рационализация задним числом* . Факт остается фактом: его модель аргумента фортиори лишена той самой посылки, которую он пытался объяснить, что неслыханно в формальной логике. По его словам, хотя большинство людей, использующих аргумент фортиори, применяют утверждение «a есть Q» в качестве своей главной посылки (очень часто упоминая его отдельно), это всего лишь *случайное* следствие «истинного» аргумента фортиори, а не эффективная часть аргумента. Это историческая *случайность* , что люди так говорят, а не нечто присущее рассуждениям фортиори. Это можно охарактеризовать как адаптацию реальности к теории, а не теории к реальности.

В моей соответствующей стандартной форме, основанной на обширных эмпирических исследованиях, с другой стороны, это утверждение, а именно (используя мои символы) «Q является S», явно заложено в малой посылке « Q достаточно R, чтобы быть S», и подразумевается в процедуре проверки в первом и втором компонентах этой посылки.

Более того, Д'Альмейда делает большое акцент (стр. 205 и далее) на открытии и введении понятия порога ,

но это понятие четко изложено и неоднократно подчеркивается в моих более ранних работах. Например, в AFL 1.1 я пишу:

> Очевидно, что условие «R достаточно, чтобы быть» в позитивном настроении или «R недостаточно, чтобы быть» в негативном настроении, даже если оно явно не указано в малой посылке и заключении, абсолютно необходимо для аргумента a fortiori. Если нет предполагаемого порога R, который необходимо достичь или превысить для того, чтобы S было предикатом или подчинялось основным и второстепенным терминам, то аргумент a fortiori не работает (хотя может быть и другой ход мыслей, например, простая аналогия). Это очевидно из того факта, что без этого важнейшего условия мы просто не можем подтвердить аргумент. Запомните это.

Что касается отрицательного придаточного предложения: « все, что *меньше* Rs, *не является* S», Д'Альмейда сознательно или бессознательно его игнорирует. Он, безусловно, не признает его и не объясняет, почему он его игнорирует [36]. Давайте рассмотрим, какова логическая польза этого отсутствующего предложения и насколько оно важно. Отрицательное придаточное предложение дополняет положительное придаточное предложение : « все, что меньше Rs, является S»; оно является его полной противоположностью. Положительное придаточное

---

[36] Как я ясно признаю в AFL 1.3, я должен признаться: «В моей книге *«Иудейская логика* » я не указал третий компонент, который является обратным второму компоненту. В то время я не осознавал значимости этого отрицательного компонента для аргумента a fortiori, то есть, насколько он существенен для такого аргумента; поэтому это важное новое открытие». Однако, поскольку Д'Альмейда ссылается только на мой AFL, он не может использовать мою более раннюю работу в качестве оправдания для того, что он пропустил этот пункт.

предложение говорит нам, что все предметы, равные или превышающие Rs, подразумеваются как S; предложенное общее отрицательное придаточное предложение дополнительно сообщает нам, что все предметы, которые меньше Rs, подразумеваются как не являющиеся S.

a) Имея только утвердительное предложение, мы не могли исключить возможность того, что *все* элементы меньше R также являются S. Логически, утвердительное предложение оставалось бы истинным, даже если бы ни один элемент меньше R не был не S. В этом случае сделанный вывод был бы силлогистическим, а не тем более, просто применением общности к частному, подпадающему под нее. Аргумент был бы таким: поскольку все элементы являются S, отсюда следует, что этот элемент (субъект заключения) является S. По этой причине, по крайней мере, если Rs должно быть *порогом* , то есть границей между противоположностями, то, по крайней мере, отрицательное предложение « *Некоторые* вещи, которые являются R, но меньше R, не являются S» должно быть уточнено. Однако это еще не вся история.
b) Понятие порога не является по сути исключительным. На одном и том же континууме могут быть подъемы и спады, и, следовательно, в нем *может быть более одного* порога. В этом случае позитивное утверждение « все, что не меньше Rs, является S» останется истинным, и предполагаемый вывод из него (этот элемент является S) останется действительным, но понятие достаточности, *присущее* аргументу a fortiori, будет отсутствовать. Аргумент будет логически верным, но не истинно типа a fortiori. Достаточность здесь подразумевает, что ничто

меньше [37]указанного порога не подойдет; то есть он допускает *только один* порог. Таким образом, в то время как достаточность подразумевает порог, порог не подразумевает достаточность. По этой причине мы должны уточнить не только то, что «Некоторые вещи, которые являются R, но меньше Rs, не являются S» (как показано выше), но и в более общем смысле, что « *Все* вещи, которые являются R, но меньше Rs, не являются S».

Таким образом, подлинный аргумент a fortiori требует наличия *общего* отрицательного придаточного предложения (полной инверсии), дополняющего положительное придаточное предложение. Само по себе положительное придаточное предложение не может гарантировать наличие рассуждения a fortiori. Более того, введение понятия порога не гарантирует этого; должно также присутствовать понятие достаточности. Если существуют значения R ниже R, которые также являются S, можем ли мы все еще сказать, что что-то *достаточно R, чтобы* быть S? Нет, эта фраза теряет свою силу. Тем не менее, как я неоднократно показываю в AFL, чтобы считаться аргументом a fortiori, он должен включать в себя идею достаточности. Своего рода вывод был бы возможен и без него, но он не представлял бы собой вывод a fortiori в общепринятом смысле этого слова.[38]

---

[37] Или «больше», в зависимости от ситуации. В позитивной субъективной аргументации, где мы рассуждаем от малого к большому, применимо «меньше», чем пороговое значение; но в позитивной предикативной аргументации, где мы переходим от большого к малому, применимо «больше», чем пороговое значение.

[38] На самом деле, идея достаточности передается не только отрицательным придаточным предложением, но и положительным и отрицательным придаточными предложениями *вместе* . Это станет очевидным в следующем разделе, когда мы рассмотрим вторую форму Д'Альмейды.

Д'Альмейда, очевидно, не осознавал логического значения этого пункта, поскольку решил его отбросить (предположим, он заметил его в AFL – но как он мог его пропустить? он присутствовал с самого начала). Если бы он знал о нем и о его важности, он бы дополнил свою посылку (1) гипотетическим утверждением *a contrario* : «но если x не соответствует T, то x не является Q». Обратите внимание, что в изложении этой информации нет избыточности; она логически необходима, чтобы придать T статус порога , и, более того, чтобы навязать более требовательную идею достаточности . Утаивание этой информации – это не только небрежная, но и неточная формализация.

Мы могли бы сделать вывод, который делает Д'Альмейда (b равно Q), и без этого, но такой вывод мог бы не представлять собой аргумент fortiori. Предположим, что «x равно Q» было бы *категорически* истинным, тогда условное утверждение «если x соответствует T, то x равно Q» все еще было бы истинным, и вывод «b равно Q» был бы верным, но это было бы не аргументом fortiori, а всего лишь силлогистическим применением (из b равно x и x равно Q). Предположим теперь, что *составное условное утверждение* «если x соответствует T, или x меньше T и находится между T1 и T2, то x равно Q» было бы истинным, тогда условное утверждение «если x соответствует T, то x равно Q» все еще было бы истинным, и вывод «b равно Q» был бы верным, но это не было бы подлинным аргументом fortiori, поскольку в нем отсутствовало бы понятие единого порога применимости (т.е. достаточности), которое подразумевает такое рассуждение.

Когда Д'Альмейда обсуждает реальные случаи, он, кажется, в какой-то степени осознает эту проблему.

Например, ссылаясь на первоначальный пример Даубе, где субъект идентифицирован как трезвенник, Д'Альмейда справедливо отмечает: «если мы знаем, что он трезвенник, то тот факт, что он не пьет сидр, не играет никакой роли в аргументе: если он трезвенник, то из этого уже следует, что он, безусловно, откажется от виски» (с. 204); аналогично, ссылаясь на юридический пример о праве собственности, он справедливо отмечает, что это «тем более» (с. 203). Кроме того, его обсуждение недействительных аргументов, кажется, признает возможность колебаний в данных (с. 209-210). Однако он не интегрирует эти выводы в свою формализацию; то есть он не включает необходимое общее отрицательное предложение.

В своем формальном изложении Д'Альмейда не осознает, что в случаях, когда «x является Q» *безусловно* (как в примерах с трезвенником и собственностью, упомянутых выше), утверждения «если x соответствует T, то x является Q» *и* «если x *не* соответствует T, то x *является* Q» оба истинны. Если бы он знал это логическое следствие, он бы понял, что его посылка «если x соответствует T, то x является Q» недостаточна для того, чтобы гарантировать истинность аргумента a fortiori. Это самопротиворечие *с* его стороны, поскольку он признал (используя пример на стр. 203), что аргумент с безусловным «x является Q» «не является a fortiori».

Хотя Д'Альмейда и демонстрирует понимание того, что утверждение «если x соответствует T, то x является Q» не подразумевает дополнения «если x не соответствует T, то x не является Q» — или, как он выражается, «соответствие x пороговому значению [T] является достаточным условием того, что x является Q, а не необходимым» (стр. 210), он не корректирует свою формулу соответствующим

образом. Он осознает, что, имея только положительное придаточное предложение, без соответствия T x логически все еще может быть Q (или может и не быть), но он не добавляет превентивное придаточное предложение к своей формулировке. Другими словами, он должен был сделать «соответствие x пороговому значению [T]» *не только* «достаточным условием», *но и* «необходимым условием».

В итоге, предполагаемая формализация аргумента фортиори, предложенная Д'Альмейдой, *не исключает* , как следовало бы, случайных ситуаций, когда все x, независимо от того, соответствуют ли они условию T или нет, являются Q. Аналогично, она не исключает, как следовало бы, случайных ситуаций, когда x, удовлетворяющее какому-либо другому порогу (порогам) ниже T, вполне может быть Q. Даже имея доступ к моей формулировке аргумента фортиори, которая содержит необходимую отрицательную посылку, т.е. (используя его символы) «если x не соответствует условию T, то x не является Q», он игнорирует её. По этой причине он приходит к утверждению (см. ниже), что достаточность не является существенной для аргумента фортиори. Или же он игнорирует необходимую отрицательную посылку, *чтобы* отвергнуть идею о том, что достаточность присуща аргументу фортиори, тем самым отличая свою формулу от моей.

Следует также отметить, что некоторые из собственных юридических примеров Д'Альмейды содержат формулировки, указывающие на достаточность. Из его тринадцати юридических примеров четыре содержат такие лингвистические маркеры: «считается достаточно важным» (стр. 203), «недостаточно конкретным» (стр. 212), «недостаточная причина для» (стр. 212), «уместно в

случае» (стр. 217). Действительно, в *его собственных собственных примерах* В своих рассуждениях, рассматривая юридические и неюридические примеры , а также в более формальных контекстах, он свободно использует выражения «достаточно», «достаточно» и «достаточно» для уточнения. Трудно представить, как аргумент a fortiori можно было бы полностью изложить и объяснить без использования подобной терминологии.

Например: «И, судя по изложенному аргументу, мысль такова: если сидр, несмотря на низкое содержание алкоголя, тем не менее, уже содержит настолько много алкоголя, что наш друг от него откажется, — если он уже слишком крепкий для нашего друга, чтобы тот его принял, — то, конечно же, и виски содержит *достаточно много* алкоголя, чтобы наш друг от него отказался» (стр. 204). Или еще: «но, с точки зрения закона, даже эта более веская причина недостаточно сильна, важна или весома, *чтобы* оправдать принятие нового решения по этому вопросу налогоплательщиком» (стр. 214). (Выделено мной.)[39]

Эти примеры показывают, что Д'Альмейда на практике прибегает к языку достаточности. Хотя он и старается исключить подобный язык из своей формулы аргумента fortiori, это не означает, что мысль о достаточности не подразумевается им на подсознательном уровне. Тем не менее, очевидно, что он не осознает абсолютную необходимость идеи достаточности, то есть идеи о том, что аргумент fortiori включает в себя мысль «достаточно для» в малой посылке (и, следовательно, в заключении). Он, безусловно, не пытается явно включить её в свою формулу. Хотя он явно признает идею порога, используя термин T, для формального признания идеи

[39] См. также примеры на стр. 209, 212-3, 216, 220, 221, 225.

достаточности необходимо добавить к ней вышеупомянутое отрицательное предложение.

Занимая позицию, *противоречащую* приведенным выше примерам из его собственного эссе, Д'Альмейда прямо отвергает и оспаривает требование достаточности, заявляя (снова в сноске 8):

> «Формализации Сиона также не отражают того факта, что аргументы *a fortiori* не являются — и уж точно не обязательно — аргументами в пользу выводов вида '…достаточно (недостаточно/подразумевает/не подразумевает) … для того, чтобы быть (подразумевать) …'. Более того, семантика '…достаточно (или недостаточно) для того, чтобы быть *x* ' не всегда позволяет делать выводы о том, что '… является *x* '; я могу быть достаточно высоким, чтобы быть баскетболистом, и при этом не быть им».

Здесь Д'Альмейда снова демонстрирует своё недостаточное понимание методов формальной логики. Заключение «P достаточно R, чтобы быть S» — это *максимально выводимое из данных посылок* . В этом заключении условие достаточности («достаточно для») может быть в конечном итоге оставлено невысказанным, если оно нам не понадобится в данном контексте; но если оно нам *понадобится* для последующего этапа рассуждений, оно становится доступным нам посредством вывода. Мы можем сделать более простой вывод «P достаточно S», как это делает он, и большинство из нас обычно так поступает в повседневном общении; но при этом мы теряем некоторую потенциально полезную информацию.

С другой стороны, в малой посылке условие достаточности является *необходимым условием для того* , чтобы сделать указанный вывод (полностью, с формулировкой «достаточно», или частично, без нее); его просто нельзя опускать. Даже если мы явно не признаем его в своей формулировке, на подсознательном уровне это существенный фактор в аргументации; он делает аргумент понятным и убедительным для нас. Тем более рассуждение (в позитивном субъективном наклонении) *должно* отражать следующую закономерность: P больше R, чем (или столько же R, сколько) Q, и Q *достаточно R, чтобы* быть S; следовательно, P достаточно R, чтобы быть S. Эта закономерность составляет саму суть такого рассуждения.

Повторюсь, предпосылка (1) Д'Альмейды, с её позитивной отсылкой к порогу, частично признаёт достаточность. Рассматривая приведённый выше анализ его формулы, мы видим, что эта позитивная гипотетическая предпосылка возникла из малой предпосылки. Он просто переместил её в другое место. Тем не менее, он не сохранил вышеупомянутую негативную составляющую малой предпосылки, то есть обратную позитивной гипотетической предпосылки. Безусловно, вывод, который он делает, «b есть Q», логически следует из его предпосылок; но это не доказывает, что аргумент носит характер a fortiori. Характер a fortiori связан с понятием «достаточно». Возможно, он не осознал решающую роль, которую оно играет [40].

---

[40] Возможно, на него также повлияло желание отличить свою формулу от моей и представить свою как оригинальную и независимую, мало понимая, что таким образом он делает свою формулу логически неадекватной в качестве представления аргумента a fortiori.

Что касается его возражения о том, что «я могу быть достаточно высоким, чтобы быть баскетболистом, и всё же не быть им», он приводит это как доказательство того, что если мы примем, что форма «P достаточно R, чтобы быть S» подразумевает «P есть S», мы ошибочно предполагаем, что потенциал (быть S) является действительностью (быть S) [41]. Но это не то, о чём идёт речь в этом импликации (от «достаточно ли R, чтобы быть» к «есть»). Вопрос здесь в том, что утверждает малая посылка *в данном случае* . Если она утверждает, что предикат является действительностью, то заключение должно делать то же самое; и если она утверждает, что предикат является потенциальностью, то заключение должно делать то же самое. Безусловно, аргумент a fortiori в том виде, в котором я его представил, не поддерживает вывод о действительности (в заключении) из потенциальности (в малой посылке), как он ошибочно предполагает. Взяв за пример Д'Альмейду, безусловно, верно, что нельзя сделать вывод о том, что мужчина является баскетболистом, исходя из того, что он достаточно высок, чтобы соответствовать этому определению. Но ни один правдивый и обоснованный аргумент «тем более» этого не делает.

Если (как в предложенном им примере) малая посылка состоит в том, что человек ростом 180 см достаточно высок, чтобы *быть* баскетболистом (что на самом деле маловероятно и, следовательно, *не*

---

[41] Обратите внимание на его попытку педантизма, когда вместо простого «не подразумевает» он говорит: « Семантика „…достаточно (или недостаточно), чтобы быть *x* “ не всегда позволяет делать выводы о том, „…является *x* “». Этот снобистский язык призван показать, что он глубоко изучил семантику «достаточного». Но он, безусловно, нигде этого не делал, в то время как я подробно изучил это в AFL. Неудивительно, что его утверждение неверно.

является нашей малой посылкой), то правильным выводом будет то, что человек ростом 185 см достаточно высок, чтобы *быть* баскетболистом (что на самом деле маловероятно и, следовательно, выглядит как неверный вывод). Но если малая посылка состоит в том, что человек ростом 180 см достаточно высок, чтобы *потенциально быть* баскетболистом (без подразумеваемого утверждения, что он им является), то правильным выводом будет то, что человек ростом 185 см достаточно высок, чтобы *потенциально быть* баскетболистом (*без (подразумевая, что он является одним из них*). Аргумент может быть сформулирован любым способом (то есть, общий символ «S» здесь означает более конкретно либо «фактически S», либо «потенциально S»), *в зависимости от фактической ситуации* . Заключение следует из второстепенной посылки; оно не может добавить дополнительной информации.[42]

Короче говоря, это замечание Д'Альмейды на самом деле не имело никакого отношения к моему изложению аргумента a fortiori! Оно лишь демонстрирует его собственное невежество в области логики. Как и следовало ожидать от Д'Альмейды, символ «S», используемый здесь для обозначения предиката (малой посылки и заключения), имеет очень широкое значение. Он включает в себя любой термин, описательный или нормативный, любой полярности или модальности, простой или составной — он не ограничивается простыми предикатами актуальности. Я говорю это ясно, и это, в любом

---

[42] Можно вывести «может быть» из «есть», но не наоборот. Аналогично, в его основном примере вывод может заключаться либо в том, что друг откажется, либо в том, что он откажется пить, в зависимости от формулировки второстепенной посылки. Можно вывести «будет» из «будет», но не наоборот.

случае, общеизвестно в логике (например, в текстах по силлогизмам). Более того, далее (стр. 207-208) сам Д'Альмейда настаивает на этой общности символа:

> «Мы можем принять следующую упрощенную формулировку, чтобы подчеркнуть тот факт, что следствие условного утверждения в первой посылке нашего аргумента — и, следовательно, заключение аргумента — представляет собой любое утверждение, описательное или нормативное, включающее элемент, соответствующий пороговому значению: '…тогда x есть Q'. Чтобы было ясно, суть моего замечания не просто в том, что следствие может быть либо описательным, либо нормативным утверждением. Суть, в более общем смысле, заключается в том, что нет оснований полагать, что следствие обязательно должно быть утверждением, в котором что-либо предикативируется относительно элемента, соответствующего пороговому значению. Все, что необходимо, — это чтобы следствие каким-либо образом включало элемент, соответствующий пороговому значению».

Таким образом, его возражение не только недействительно, но он впоследствии прямо от него отрекается. Из этого эпизода я вынужден заключить, что Д'Альмейда искал какой-то хитрый способ оспорить мою формулировку аргумента a fortiori, чтобы создать у читателей впечатление, будто он его превзошел. Более того, следует отметить, что даже здесь, где он демонстрирует осведомленность о множестве возможных предикатов, «описательных или нормативных», он лишь смутно повторяет то, что я давно уже подробно рассматривал, в частности, в

AFL 4. Там я четко различаю онтические [43], логико-эпистемические и этико-правовые аргументы a fortiori и принимаю во внимание всевозможные варианты содержания таких форм. Нигде он об этом не упоминает, чтобы это выглядело как его собственное наблюдение. Это нечестные методы работы.

Вдобавок ко всему, Д'Альмейда еще и осмеливается заявить (опять же, в сноске 8):

> «Но формализации Сиона, на мой взгляд, слишком грубы, чтобы в полной мере отразить его идеи. Они также потенциально могут сбивать с толку. В своих объяснениях он иногда использует схему типа «Rx» для обозначения точки на данном континууме R, в которой находится определенный *элемент* x, что предполагает, что «x» следует рассматривать как индивидуальную константу, но иногда он также использует ее для обозначения соответствующего порога на континууме (например, точки, которой должен достичь *любой* элемент *x,* чтобы обладать определенным свойством), что сделало бы « *x* » переменной; и в результате он приходит к выводу, что аргумент a *fortiori* упорядочивает *три элемента* (P, Q и S), а не только два, «в соответствии с их положением на общем континууме» (*там же* , 21)».

Здесь претенциозный новичок Д'Альмейда расхаживает вокруг, осмеливаясь назвать мою работу по формализации «грубой» и «потенциально

---

[43] В настоящее время широко используется слово «ontical»; также иногда используются эквивалентные слова «ontal» (встречается, например, в Enc. Brit.) и «ontic» (встречается, например, в тексте У. Винделбанда).

запутанной». Это фальшивая критика со стороны человека, отчаянно ищущего предлог для негативного суждения, не найдя в моей работе никаких реальных недостатков. Вся его критика — это дымовая завеса, призванная скрыть его интеллектуальные долги. Ему необходимо продемонстрировать критическое отношение, чтобы создать впечатление (для других, а может быть, и для себя самого), что он работал самостоятельно, без ссылки на мою работу. Но, как мы видели, его формализации напрямую и исключительно (пусть и несовершенно) вытекают из моих; в них нет ничего нового. Если мои формализации «грубые», то почему он счел нужным «заимствовать» их, бесстыдно, даже не сказав ни слова благодарности, выдавая за свои собственные открытия? Если они потенциально запутанны, то почему он нашел их настолько поучительными, что извлек из них все то, что, по его словам, является его собственными открытиями?

Более того, у Д'Альмейды хватает *наглости* предполагать, что я не способен отличить переменную от константы! Судя по его упоминанию символа Rx, Д'Альмейда, похоже, ссылается на следующий отрывок из AFL 1.3:

> Положительные малые посылки и заключения (обозначаемые как « *суффективные* », поскольку они касаются достаточности) копулятивных аргументов имеют следующие четыре общих компонента. Символы X и Y здесь обозначают символы P или Q и S в зависимости от наклонения; то есть, мы можем иметь «P достаточно R, чтобы быть S», «Q достаточно R, чтобы быть S», «S достаточно R, чтобы быть P» или «S достаточно R, чтобы быть Q». Предложение вида « X достаточно R, чтобы быть Y » означает: X является R, т.е. X в определенной мере или степени R (например, Rx);

> все, что по меньшей мере в определенной мере или степени R (например, Ry), является Y, а все, что не по меньшей мере в этой мере или степени R (т.е. не является Ry), не является Y; и Rx больше (или равно) Ry (отсюда: «Rx подразумевает Ry»).

Меня удивляет, что Д'Альмейда счёл такой простой отрывок интеллектуально сложным. По-видимому, он не знаком с понятием переменной переменных, то есть *переменной, значения которой являются переменными, а собственные значения которой (в свою очередь) являются константами* .[44]

В цитируемом отрывке я хотел бы проанализировать пропозициональную форму, которую я называю «суффективной», разложив её на более простые составляющие, чтобы подтвердить аргументы a fortiori, включающие её. Начну с того, что в обоснованных аргументах a fortiori такие пропозициональные утверждения возникают только в малых посылках и заключениях позитивных аргументов. Это означает, что нам необходимо проанализировать четыре *конкретные* (копулативные) формы, а именно: «Q достаточно R, чтобы быть S» и «P достаточно R, чтобы быть S» (в субъективном аргументе), и «S достаточно R, чтобы быть P» и «S достаточно R, чтобы быть Q» (в предикативном аргументе). Однако, будучи ленивым человеком и не желая утомлять читателей, я предлагаю проанализировать все четыре формы сразу, используя в качестве *общих* символов X для подлежащего и Y

---

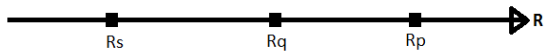
[44] Как ни странно, в сноске 9 он, кажется, прибегает к теории переменных переменных. Он говорит о возможности «более сложных форм», приводя в качестве примера: «Для каждого x, если x является D1, то x пересекает T»; «Для каждого x и каждого y, если x является D1, а y является D2, то y занимает более высокое место, чем x, в шкале P»; и так далее». Однако он не развивает эту мысль дальше, поэтому трудно точно догадаться, что он имел в виду.

для предиката. Таким образом, X обозначает Q, P или S, в зависимости от случая, а Y обозначает S, P или Q, в зависимости от случая.

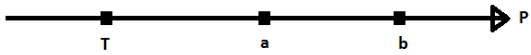
Таким образом, X и Y здесь являются удобными заменителями переменных P, Q, S, значения которых (очевидно) представляют собой различные константы. Никакого недопонимания относительно того, что я здесь делал, быть не может, поскольку чуть дальше в том же разделе я пишу: «Вышеприведенная общая форма суффективного предложения, конечно же, будет конкретизироваться по-разному в зависимости от ориентации рассматриваемого связочного аргумента a fortiori», и далее я представляю формы, подразумеваемые в терминах лежащих в основе переменных (P, Q, S), вместо ранее упомянутых переменных переменных (X, Y). Очевидно, у Д'Альмейды не хватило терпения читать дальше и учиться.

Хотя вполне возможно, что этот простой приём прошёл мимо ушей Д'Альмейды, я подозреваю, что он просто изо всех сил пытался найти какой-нибудь недостаток в моей работе, чтобы подкрепить своё ложное утверждение о её «грубости» и «потенциальной путанице»; я оставляю читателю судить об этом. Более того, его утверждение о том, что «в результате» этой предполагаемой путаницы между константами и переменными я «прихожу к выводу», что « аргумент *a fortiori* упорядочивает *три элемента* (P, Q и S)», выглядит странным, как и его предположение, что аргумент a fortiori на самом деле упорядочивает «всего два элемента» на общем континууме. Как моё утверждение о трёх элементах может вытекать из этой путаницы? Он не объясняет. Что касается его утверждения о двух элементах, оно снова демонстрирует удивительное непонимание им довольно простых вещей.

Во-первых, не совсем точно говорить, что я упорядочиваю элементы P, Q и S вдоль R; скорее, я упорядочиваю соответствующие им *значения* R, а именно Rp, Rq и Rs, соответственно, вдоль R. Это видно из диаграммы, которую я нарисовал в AFL 1.3 и которая приведена ниже. Эта диаграмма показывает, что в позитивном субъективном настроении любой элемент со значением R на уровне или справа от порогового значения Rs является S; это объясняет, почему P, как и Q, подчиняется предикату S. Следует добавить, что любой элемент со значением R слева от Rs не подчиняется S.



Во-вторых, поскольку эти три значения среднего члена *в равной степени присутствуют* в его формулировке аргумента a fortiori как T (для Rs), a (для Rq) и b (для Rp) вдоль шкалы P (i/o R) [45], нет оснований для его гневной тирады. Как показывает следующая иллюстрация, в его собственной формулировке на самом деле (как и должно быть) три элемента! Эта диаграмма показывает, что любой элемент со значением P на уровне или справа от порога T является Q; это объясняет, почему b, как и a, является Q.



[45] Нет необходимости повторять здесь то, на что я подробно указал ранее, а именно, что Д'Альмейда смешивает понятия (используя свои символы) a и Pa, а также b и Pb. То есть он не различает, как я (используя свои символы), P от Rp и Q от Rq.

По всей видимости, поскольку он не уточняет своё утверждение, Д'Альмейда не считает порог T (или, возможно, предикат Q, к которому он открывает дверь) частью аргумента. Но правда в том, что если бы T был помещен между терминами a и b, аргумент был бы недействительным (как Д'Альмейда охотно признаёт на стр. 209-210). А если бы T был расположен выше вдоль P, чем два других термина, то аргумент был бы от мажорного к минорному, а не от минорного к мажорному (как Д'Альмейда охотно признаёт на стр. 210-211). Таким образом, положение T вдоль P очень важно. Иллюстрацию нельзя понять, не включив в неё T. И это не имеет ничего общего с интерпретацией символов как переменных или констант — это применимо в любом случае. Поэтому здесь я снова подозреваю, что Д'Альмейда просто *выдумал* что-то негативное о моей работе, чтобы создать у наивных читателей впечатление, что он критически мыслящий, независимый — и, откровенно говоря, совершенно превосходящий других — мыслитель.

Я заметил, что эту роль часто играют новички в какой-либо области, стремящиеся выглядеть осведомленными и авторитетными: они придумывают нелестные комментарии о работах своих предшественников, чтобы в глазах читателей занять более высокую позицию, находясь при этом в положении снисходительного наблюдателя. Они надеются, что это удержит читателей от обращения к первоисточнику и самостоятельной оценки, а также, конечно, от того, чтобы увидеть ошибки в их собственном, неубедительном изложении по сравнению с ним. Это больше похоже на преднамеренную клевету, чем на научный дискурс. В случае с Д'Альмейдой было очень важно удержать читателей от моей книги AFL, потому что большая

часть его «работы» явно напрямую заимствована из неё, и он замалчивает множество важных материалов. Возможно, ему бы это сошло с рук, если бы я уже был мертв; но я всё ещё жив и всё ещё вполне способен дать отпор.

Подводя итог увиденному: Д'Альмейда предлагает теорию аргумента a fortiori таким образом, что кажется её создателем, фактически, пионером в этой области. Но, как выясняется, его теория полностью и исключительно основана на моей гораздо более масштабной предыдущей работе. Более того, предложенная им формализация неполна – он упустил логически важный элемент (обратную сторону исходной гипотетической). Он пытается замаскировать источник своего предложения, не упоминая мою работу и не признавая, что чему-то у неё научился; а также создавая фантастическую критику моей работы, которая лишь ещё больше раскрывает ограниченность его понимания.

2. Второсортная концепция

Представленная Д'Альмейдой концепция аргумента фортиори не только вторична, но и второсортна (или третьесортна, или четвертосортна). Далее (стр. 209-211) Д'Альмейда пытается расширить свою теорию, принимая во внимание отрицательные термины и отношения, а также указывая на недействительные формы. В этом контексте он представляет «второй тип» аргумента фортиори следующим образом (курсив мой):

«(1) Существует точка T в масштабе P такая, что для каждого x, если x *не* пересекает T, то x является Q.

(2) *не* соответствует T.

(3) b занимает *более низкое место,* чем a, по шкале P.

Следовательно (из (2) и (3)),

(4) b *не* соответствует T.

Следовательно (из (1) и (4)),

(5) b равно Q.”

Он объявляет это «правильным выводом» (и я в значительной степени согласен). Введя эту вторую форму, Д'Альмейда заключает: «Следовательно, существуют две формы a fortiori». Он не говорит, существуют ли другие возможные формы; поэтому, кажется, он утверждает, что существуют *только* две формы. Действительно, он называет раздел « *Две* формы a fortiori» (выделено мной). Обратите внимание, во всяком случае, что отличает эту форму от предыдущей: в предложениях (1), (2) и (4) «x соответствует T» заменяется на «x не соответствует T»; а в (3) b ниже a (вместо выше) по шкале P. Эту формулу можно более кратко сформулировать следующим образом, если мы интерпретируем «не соответствует» как «меньше чем»:

Если a < T (2) и b < a (3), то b < T (4);

и x < T означает, что x равно Q (1),

и b — это x, поэтому подходит x < T;

следовательно, b равно Q (5).

Что представляет собой эта вторая форма аргумента? Поскольку она идет от главного члена (а) к второстепенному (б), причем оба члена являются субъектами, ее можно считать соответствующей тому, что я назвал **отрицательным субъектным** аргументом a fortiori. То есть аргументу стандартной формы:

P в большей степени R, чем Q (или в такой же степени R, как Q)

Однако P — это R, *чего недостаточно* , чтобы быть S (второстепенная посылка);

Следовательно, Q недостаточно R , чтобы быть S (вывод).[46]

Д'Альмейда не указывает на это и здесь снова не признает прямо свою зависимость от моей работы, хотя в сноске 8 он отмечает, что:

> «Сион различает «связывающие» и «импликативные» аргументы a fortiori, каждый из которых имеет четыре наклонения, в общей сложности восемь различных допустимых моделей. Все восемь моделей представляют собой модели аргументов с двумя посылками, объединяющие четыре термина (или тезиса, в зависимости от случая) P, Q, R, S, и все они имеют заключение вида «…достаточно (недостаточно/не подразумевает/не подразумевает) … чтобы быть (подразумевать)».

---

[46] В терминологии Д'Альмейды это звучало бы так: «a» больше «P», чем «b»; и «a» недостаточно «P», чтобы быть «Q»; следовательно, «b» недостаточно «P», чтобы быть «Q». Обратите внимание, что в этом контексте Д'Альмейда определяет «a» как больше, чем «b», тогда как в моем случае мое «P» остается больше, чем мое «Q».

К этому он, как мы уже видели, наивно добавляет: «Но формализации Сиона, я думаю, слишком грубы, чтобы отдать должное его прозрениям», подразумевая, что его переформулировка моих открытий более точна. Таким образом, из моего списка четырех (или восьми) наклонений аргумента a fortiori Д'Альмейда фактически претендует только на два: позитивное субъективное и негативное субъективное. Следует также отметить, что даже его наблюдение о том, что сравнительная предпосылка иногда выражается в обратной форме, то есть с «ранжирует ниже» вместо «ранжирует выше», отнюдь не ново. Я ясно указываю на это в AFL 1.1: «На практике основная предпосылка иногда может быть преобразована».

Как я сейчас покажу, именно формализации Д'Альмейды (а не мои) слишком грубы, чтобы в полной мере отразить мои идеи. В моей работе прозрение и технический прогресс всегда идут рука об руку, взаимно подпитывая друг друга; ни то, ни другое невозможно без другого. Как мы видели в предыдущем разделе, я подтверждаю позитивный субъективный аргумент путем прямого сведения к ряду условных утверждений и количественных сравнений: составляющие, найденные в посылках, используются для полного построения заключения, которое подтверждает его действительность. Как мы также видели, первая формула Д'Альмейды полностью и исключительно выводится из этого процесса подтверждения, даже если он этого не признает или не осознает. Мы также отметили, что он не упомянул важное общее отрицательное утверждение, содержащееся в малой посылке (и, следовательно, в заключении), и проявил некоторую путаницу в отношении используемых терминов.

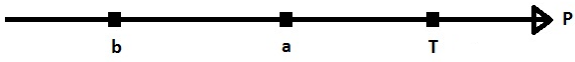
Во второй формуле Д'Альмейды произошло обратное: он действительно упоминает указанное отрицательное

придаточное предложение, но на этот раз не упоминает дополнительное положительное придаточное предложение (т. е. положительное обратное отрицательному гипотетическому предложению). В результате единство двух наклонений формально не очевидно в его схеме, хотя его можно интуитивно почувствовать. Тем не менее, можно сказать, что вторая форма Д'Альмейды может быть подтверждена с использованием того же самого набора утверждений (перечисленных в предыдущем разделе) – а это значит, что его вторая форма полностью и исключительно основана на моем процессе проверки, так же как и его первая форма (даже если во втором случае, я подозреваю, он действовал по аналогии с первой формулой).

Указанная простота проверки обусловлена тем, что положительные и отрицательные субъективные аргументы представляют собой *один и тот же аргумент, выраженный двумя способами и проверяемый одним и тем же способом* . Именно поэтому мы можем (используя стандартную форму) свести любой из них к *абсурду* , обратите внимание. Учитывая, что P более R, чем Q, отсюда следует, что (а) если Q достаточно R, чтобы быть S, то P достаточно R, чтобы быть S; *и* что (б) если P недостаточно R, чтобы быть S, то Q недостаточно R, чтобы быть S. Положительные и отрицательные аргументы — две стороны одной медали. Это очевидно из того, что оба аргумента имеют абсолютно одинаковый процесс проверки, повторюсь. Именно по этой причине второй аргумент Д'Альмейды представляется действительным *prima facie* .

Теперь вторую форму Д'Альмейды можно проиллюстрировать, как показано ниже (сравните это с предыдущей иллюстрацией первой формы), поскольку она показывает нам, что b<a<T вдоль

континуума P, а также указывает, что всё, что меньше T, является [47]Q.



В стандартной форме этот аргумент можно было бы выразить следующим образом:

> a содержит больше P, чем b;
>
> и a *недостаточно* P, чтобы *не быть* -Q;
>
> Следовательно, b *недостаточно* P, чтобы *не быть* -Q.

Обратите внимание на двойное отрицание; вместо положительной формы «достаточно ли P, чтобы быть Q» мы находим здесь форму «недостаточно ли P, чтобы быть не-Q». Последнее является истинным смыслом положительного следствия и заключения Д'Альмейды «является Q», хотя он об этом не знает. Если бы он знал об этом, он сформулировал бы следствие и заключение как «не является Q» [48]. В этом случае его вторая форма была бы правильной отрицательной параллелью его положительной формы; то есть ее малая посылка и заключение имели бы форму «недостаточно ли P, чтобы быть Q». Кроме того, не было смысла в том, чтобы Д'Альмейда

---

[47] Здесь я еще раз напоминаю читателям, что символы a и b у Д'Альмейды являются двусмысленными, поскольку относятся как к самим субъектам a и b, так и к соответствующим им значениям P (т.е. Pa и Pb).

[48] В сноске 10 он пишет: «Не имеет значения, что следствием условного утверждения… и, следовательно, заключением… является утверждение, что b является Q. Мы получили бы вывод точно такого же рода, если бы следствием условного утверждения в первой посылке было утверждение, что b не является Q». Это явно показывает, что он не осознавал формальной связи между двумя своими формами.

поменял местами роли терминов a и b, сделав b меньшим элементом (вместо большего, как в первой форме). Даже если эти решения сами по себе не вредны, они усложняют проверку, поскольку затемняют единство второй формы с первой (то есть они заставляют нас переформулировать набор составляющих с этими произвольными изменениями).

Таким образом, в заключение по вопросу валидации, вторую форму Д'Альмейды можно валидировать точно так же, как мы валидировали его первую форму, но для этого нам пришлось бы внести небольшие изменения с одной или другой стороны (чтобы следовать или отменить изменения, внесенные им из-за незнания последствий). Если бы его первая форма была сформулирована точно, с отсутствующим обратным предложением «если x не соответствует T, то x не является Q», он бы сразу увидел в ней вторую форму (с предикатом Q). В качестве альтернативы, если бы его вторая форма была сформулирована точно, с отсутствующим обратным предложением «если x соответствует T, то x не является Q», он бы сразу увидел в ней первую форму (с предикатом не-Q). И ему следовало бы оставить относительные значения символов a и b неизменными, либо как $b > a$, либо как $b < a$, чтобы подчеркнуть параллелизм между двумя формами.

Однако, как мы видим, Д'Альмейда разработал свою вторую форму интуитивно, по аналогии с первой формой, изменяя полярность некоторых ее элементов, не выявляя их точных формальных связей. В обеих формах он совершает одну и ту же ошибку, опуская (отрицательную или положительную) обратную предпосылку (1); и по этой причине формальные связи между двумя формами для него невидимы. Следовательно, его вторая форма также *не* сводится *к абсурду* к его первой форме (или наоборот), как это

должно было бы быть, если бы он должным образом формализовал их обе. Очевидно, что понимание Д'Альмейдой формализации и валидации весьма ограничено. Тот факт, что Д'Альмейда сделал именно такой выбор, показывает, что он не до конца осознавал, что делает. Он новичок, ни в коем случае не вправе снисходительно отзываться о моей работе. Мои логические знания и методология намного превосходят его.

Более того, следует подчеркнуть, что, хотя две формулы Д'Альмейды являются допустимыми (за исключением одного существенного упущения в каждой, повторюсь) в качестве процессов проверки, *сами по себе они не являются* аргументами a fortiori. В лучшем случае (учитывая указанный недостаток) это формулы, которые аргументы a fortiori *подразумевают попутно* ; но они не обладают характерным «оттенком» аргумента a fortiori. Две обычные формы субъективного аргумента (повторюсь, кратко): « P более R, чем Q; и Q достаточно R, чтобы быть S, следовательно, P достаточно R, чтобы быть S» и « P более R, чем Q; и P недостаточно R, чтобы быть S, следовательно, Q недостаточно R, чтобы быть S». Именно эти формы используются (полностью или частично) в нашем повседневном дискурсе, а не более сложные аргументы, которые я сформулировал для целей логической проверки. В изложении Д'Альмейды основное внимание уделяется последнему подтексту, в значительной степени игнорируя или отвергая основную идею.

Истинность этого утверждения легко прослеживается, если мы сформулируем его основной (неюридический) пример, используемый им для иллюстрации и развития первой формы; в качестве

стандартного позитивного субъективного аргумента a fortiori он будет выглядеть следующим образом:

> Виски содержит больше алкоголя, чем сидр;
>
> А сидр настолько крепкий, что нежелателен для этого человека;
>
> Следовательно, виски содержит достаточно много алкоголя, чтобы быть нежелательным для этого человека.

Моя точка зрения заключается в том, что этот аргумент, более близкий к повседневному дискурсу, вполне способен быть *убедительным сам по себе* . Это *истинная форма* аргумента a fortiori такого рода. Обычно нам не нужно разбирать более сложные рассуждения, которые я определил как простую *процедуру проверки* и которые Д'Альмейда (по большей части) сделал своими собственными. Аргумент a fortiori на практике не следует путать с теоретическим процессом проверки, который его подкрепляет. Процесс проверки необходим главным образом логикам и студентам логики для сведения новых и более сложных утверждений к более простым, уже хорошо известным. Но форма, используемая на практике, живет своей собственной жизнью.

Процедура валидации *не заменяет* феноменологический аргумент; она лишь стремится обосновать последний более широко известными и лучше понятыми логическими и математическими формами рассуждений. Дискурс валидации может действовать в сознании людей более или менее осознанно, когда они думают, говорят или слышат аргументы a fortiori; но это фоновое мышление не заменяет основную мысль. Валидация не делает общепринятый аргумент, который она подтверждает, избыточным; последний остается основным и

истинным выражением рассуждений a fortiori. Это научно очевидно из анализа сотен примеров в мировой литературе на протяжении всей истории.

Д'Альмейда не понимал этого различия, которое я достаточно ясно излагаю в своей работе; в результате он пытался игнорировать основной аргумент a fortiori и приравнивать такой аргумент к процедуре валидации. Для него дискурсивная форма, как, например, в «Он не пьет сидр; он, безусловно, откажется от виски», является лишь случайным производным от его более сложной формы, которую он считает «истинным» аргументом a fortiori. Но верно и обратное – феноменологическая форма (в полном виде, как «Он не так уж *любит алкоголь»). «Что касается* сидра, он, конечно же, откажется от виски» — это «истинная» форма аргумента фортиори, тогда как процедура проверки — это лишь лежащая в основе подсознательная мысль, которую (повторюсь) логик извлекает, чтобы научно её обосновать. Как мы видели ранее, Д'Альмейда меняет порядок вещей, предполагая, что мы извлекаем общепринятую форму из его модельной формы.

Более того, если мы посмотрим на его пример: «Он не пьет сидр; он, безусловно, откажется от виски», мы увидим, что Д'Альмейда ошибочно истолковывает это как *положительный ответ. субъективный* аргумент, тогда как, строго говоря, это *отрицательный аргумент.* Аргумент *предикативен* , поскольку общим подлежащим для малой посылки и заключения является «он», в то время как «сидр» и «виски» являются (частью) предикатов. При правильной интерпретации аргумент должен звучать (например): « ***Этот человек недостаточно алкоголичен, чтобы пить сидр; более того, он недостаточно алкоголичен, чтобы пить виски*** » (это малая посылка и заключение, а невысказанная большая

посылка: «Чтобы пить виски, нужно быть более алкоголиком, чем чтобы пить сидр»). Из этого мы видим, что Д'Альмейда настолько невежественен в отношении логики a fortiori, что неправильно оценил *форму своего основного примера* ! Он позиционирует себя как эксперт, но с самого начала своего исследования совершает элементарную ошибку. (Да, я смеюсь вслух; или, по крайней мере, посмеиваюсь.)

Это привлекает наше внимание к *очень важному упущению* в теоретическом рассмотрении Д'Альмейдой аргумента a fortiori. После представления своей второй формы Д'Альмейда справедливо замечает (стр. 211):

> «То, что в праве существуют две формы аргументов a fortiori, не является чем-то совершенно новым. В континентальной юриспруденции юристы и ученые проводят различие между аргументами *a maiore ad minus* (буквально «от большего к меньшему») и аргументами *a minore ad maius* («от меньшего к большему»), которые они определяют как два вида аргументов a fortiori (хотя «a fortiori» буквально означает «от более сильного»)».

А в сноске 11 он добавляет, среди прочих ссылок:

> «См. также, вне контекста юриспруденции, рассуждения Сиона о различии в ориентации между тем, что он определяет как позитивное (от основного термина к второстепенному тезису) и негативное (от второстепенного термина к

основному тезису) настроение аргументов a fortiori».[49]

Таким образом, он помещает свои две формы аргументации в более широкий исторический контекст [50]: первая форма представляет собой аргументацию «от меньшего к большему», а вторая — «от большего к меньшему». Всё это хорошо, но это лишь часть истины. Более того, он искажает мою работу и снова демонстрирует своё невежество в отношении логики a fortiori, предполагая, что я приравниваю позитивные настроения аргументации a fortiori к рассуждениям от большего к меньшему, а негативные — к рассуждениям от меньшего к большему. На самом деле это относится только к предикативным аргументам; что касается субъективных аргументов, то здесь верно обратное!

Хотя большинство комментаторов об этом не знают, выражения «от малого к большому» и «от большого к малому» применимы не только к позитивным и негативным субъективным аргументам соответственно, но и к негативным и позитивным **предикативным аргументам** соответственно (обратите внимание на изменение полярности). Как я

---

[49] Здесь снова обратите внимание на негативный оттенок в упоминании моей работы Д'Альмейдой: он утверждает, что мое обсуждение «выходит за рамки юриспруденции», намеренно игнорируя мой анализ многочисленных правовых принципов и примеров из Талмуда, римского права и других правовых систем. См. AFL, Часть II и соответствующие Приложения.

[50] На самом деле, в моей книге «AFL» содержится наиболее полное из когда-либо предпринятых исследований истории аргумента «тем более». Д'Альмейда упоминает « юристов и ученых континентальной юриспруденции», даже не называя их имен, и игнорирует более древние корни. В его эссе практически нет признаков глубокого исторического исследования. Очевидно, что он не удосужился прочитать «AFL», а лишь бегло просмотрел его.

показал на многочисленных примерах в AFL, предикативная аргументация *часто встречается во всех дискурсах* , включая юридический, и её нельзя просто игнорировать ни в одной теории аргументации a fortiori. Но факт остаётся фактом: большинство людей знают только о субъективной аргументации a fortiori, а не (или почти не знают) о предикативной аргументации a fortiori (даже если они её используют).

Д'Альмейда, по-видимому, тоже имеет это «слепое пятно», потому что, хотя он, вероятно, сталкивался с этой формой аргументации в моей работе, он полностью игнорирует её в своей. В его эссе даже нет краткого упоминания о предикативной аргументации; и он рассматривает только две формы аргументации a fortiori (положительную и отрицательную субъективные формы) вместо четырёх, как я. Почему такое важное упущение, я могу только догадываться. Возможно, ему было лень читать то, что я написал об этом. Более вероятно, что он немного почитал, но не смог понять отличительные особенности предикативной аргументации, и поэтому ему было слишком сложно перевести её на свой язык; поэтому он просто полностью проигнорировал её, даже не упомянув. В любом случае, как мы видели выше, он неверно истолковывает форму своего основного примера как субъективную, тогда как на самом деле она является предикативной.

Следует также отметить, что *два* из тринадцати юридических примеров, которые Д'Альмейда приводит в своей работе, не являются субъективными. Один (на стр. 232-233) — позитивный предикатив, а другой (на стр. 212) — негативный консеквентный (т.е. импликационный эквивалент негативного предикативного); я подробно анализирую эти два примера в следующем разделе. Он не замечает различной структуры этих аргументов; в частности,

что позитивный предикатив, хотя и позитивный, переходит от главного к второстепенному, а негативный консеквентный, хотя и отрицательный, переходит от второстепенного к главному. Эти два аргумента теоретически можно было бы переформулировать в субъективной форме с помощью разумных неформальных манипуляций; но это не отражало бы первоначальную формулировку и замысел аргументов. Это показывает, что Д'Альмейда проявил научную небрежность; чтобы проверить свою гипотезу о том, что две придуманные им формы исчерпывающе охватывают юридическую область, ему следовало бы, по крайней мере, проанализировать все имеющиеся эмпирические данные [51].

В рамках AFL я провожу очень подробные исследования подобного рода, составляя списки, анализируя и классифицируя *сотни* примеров из самых разных литературных источников. Д'Альмейда удовлетворился лишь четырьмя примерами, очень небольшой выборкой. На стр. 204 он обещает, что «предшествующие выводы будут проверены на нескольких примерах из судебных решений», а на стр. 212 хвастается, что будет «рассматривать некоторые примеры из реальных судебных решений — не только для иллюстрации, но и как средство проверки того, действительно ли предложенные мной схемы отражают аргументы» — всё это для того, чтобы придать его тезису видимость научной строгости. Но в действительности он не проверяет свои концепции добросовестно и систематически. Именно поэтому его

[51] Следует добавить, что тот факт, что только 2 из 13 аргументов, выбранных Д'Альмейдой, не являются субъективными, а предикативными или консеквенциальными, не означает, что эта пропорция верна для всех юридических аргументов a fortiori. Для оценки вероятной доли в мире в целом потребовалась бы гораздо большая выборка случаев.

теория аргумента a fortiori остаётся узкой и поверхностной.

Упущение Д'Альмейдой положительных и отрицательных предикативных аргументов a fortiori является серьезным вопросом. Предикативные аргументы формально не могут быть сведены к субъективным, даже несмотря на то, что положительные субъективные и отрицательные предикативные аргументы имеют некоторые общие черты (в частности, оба являются аргументами от малого к большому), а отрицательные субъективные и положительные предикативные аргументы также имеют некоторые общие черты (в частности, оба являются аргументами от большого к малому). Возможно, Д'Альмейда игнорировал предикативные формы, потому что полагал, что они имплицитно присутствуют в субъективных; но если это так, то он ошибался. Я подробно рассматриваю этот вопрос в AFL 3.5 под заголовком «перевод» и прихожу к выводу, что « смешанные переводы (от предикативных форм к субъективным или наоборот) скорее вербальные, чем истинно логические ».[52]

Теперь я кратко покажу, чтобы еще раз продемонстрировать некомпетентность Д'Альмейды, как он *мог бы* представить предикативную аргументацию в своей характерной манере (хотя сам он этого не сделал, повторюсь). Это поможет всем увидеть их отличия от субъективной аргументации.

---

[52] Это верно, пока мы рассматриваем только целые термины. Если же термины подразделить на части, то становится возможной формальная теория таких преобразований. Это очевидно из того факта, что в материальных случаях мы можем неформально перевести многие аргументы. Более тщательное исследование показывает, что это возможно благодаря подразделению изначально задействованных терминов. Однако, несмотря на важность этого подхода, я лично пока не пошел по этому долгому пути.

Главное отличие, которое следует отметить, заключается в том, что если в субъективной аргументации малая посылка и заключение имеют в качестве *субъекта большой и малый термины (P, Q)* , а в предикативной аргументации малая посылка и заключение имеют в качестве субъекта мажорный термин (S), а в качестве *предиката — большой и малый термины (P, Q)* (отсюда и разные названия, которые я дал этим формам).

Стандартный положительный предикативный аргумент a fortiori выглядит следующим образом (с использованием моих символов):

> Для того чтобы стать P, требуется больше R, чем для того, чтобы стать Q.
>
> и S достаточно R, чтобы быть P;
>
> Следовательно, S достаточно R, чтобы быть Q.

С точки зрения Д'Альмейды, это можно перефразировать следующим образом (с использованием его символов):

> (1) Существует точка T в масштабе P такая, что для каждого x, если T удовлетворяет (уровню P, необходимому для) x, то Q равно x.
>
> (2) T встречается с б.
>
> (3) b занимает более высокое место, чем a, по шкале P.
>
> Следовательно (из (2) и (3)),
>
> (4) T встречается с a.
>
> Следовательно (из (1) и (4)),
>
> (5) Q — это a.

Стандартный отрицательный предикатный аргумент a fortiori выглядит следующим образом (с моими символами):

> Для того чтобы стать P, требуется больше R, чем для того, чтобы стать Q.
>
> Однако S — это R, *этого недостаточно* , чтобы быть Q;
>
> Следовательно, S — это R, *но этого недостаточно* , чтобы быть P.

С точки зрения Д'Альмейды, это можно перефразировать следующим образом (с использованием его символов):

> (1) Существует точка T в масштабе P такая, что для каждого x, если T *не* удовлетворяет (уровню P, необходимому для) x, то Q равно x.
>
> (2) T *не* соответствует b.
>
> (3) b занимает *более низкое место,* чем a, по шкале P.
>
> Следовательно (из (2) и (3)),
>
> (4) T *не* соответствует a.
>
> Следовательно (из (1) и (4)),
>
> (5) Q — это a.

Таким образом, из второй формы следует, что Д'Альмейда должен был сформулировать свой основной пример следующим образом:

> (1) Существует точка T в шкале алкоголизма, такая что для каждого x, если T ниже уровня алкоголизма, необходимого для употребления x, то этот человек откажется от x.

(2) T ниже уровня алкоголизма, необходимого для употребления сидра.

(3) Употребление сидра занимает более низкое место, чем употребление виски, по шкале алкоголизма.

Следовательно (из (2) и (3)),

(4) T ниже уровня алкоголизма, необходимого для употребления виски.

Следовательно (из (1) и (4)),

(5) Этот человек откажется от виски.

Обратите внимание, что я намеренно опустил необходимые дополнительные (инверсные) придаточные предложения, как это сделал бы он. Таким образом, мы показали, что Д'Альмейда вполне мог бы сформулировать позитивные и негативные предикативные аргументы так же, как и позитивные и негативные субъективные аргументы, при условии, что он завершал бы свои аргументы фразой «Q есть a» вместо «b есть Q» — и, конечно же, корректировал бы все остальные их особенности, как было указано выше. То, что Д'Альмейда этого не сделал, я полагаю, объясняется сравнительной сложностью формулирования предикативных аргументов. Вероятно, он счел эту задачу слишком сложной и поэтому избегал упоминания этой темы.

Я полагаю, что Д'Альмейде было трудно усвоить эти формы рассуждений, потому что его способ выражения аргумента «тем более» настолько искусственен и неуклюж. Сравните его изложения с моими стандартными формулировками. Очевидно, мои гораздо более понятны и убедительны, поскольку они лучше отражают то, как люди естественным образом рассуждают «тем более».

В следующей таблице очень кратко, в стиле, аналогичном методу Д'Альмейды, перечислены четыре формы (связочного) аргумента a fortiori для целей обобщения и взаимного сравнения:

Положительное субъективное (+s) :	Отрицательное субъективное (-s) :
Если a ≥ T (2) и b > a (3), то b > T (4);	Если a < T (2) и b < a (3), то b < T (4);
и x ≥T означает, что x равно Q (1),	и x < T означает, что x равно Q (1),
а b — это x, поэтому подходит x ≥ T;	и b — это x, поэтому подходит x < T;
следовательно, b равно Q (5).	следовательно, b равно Q (5).
От малого к большому, b>a>T.	От мажора к минору, b<a<T.
Положительный предикативный признак (+п) :	Отрицательный предикативный (-п) :
Если T ≥ b (2) и b > a (3), то T > a (4);	Если T < b (2) и b < a (3), то T < a (4);
и T > x подразумевает, что Q равно x (1),	и T < x подразумевает, что Q равно x (1),
а a — это x, поэтому подходит T > x;	а a — это x, поэтому подходит T < x;
следовательно, Q является (5).	следовательно, Q является (5).
От мажора к минору, T>b>a.	От малого к большому, T<b<a.

Следует отметить, что приведенное здесь описание двух предикативных аргументов в формах, аналогичных тем, которые использовал Д'Альмейда для описания своих двух субъективных аргументов, не призвано придать достоверность описанию Д'Альмейды (которое, как уже объяснялось, является неполным и не отражает фактического использования), а лишь показать ограниченность его понимания. Тот факт, что он не осознал и не попытался формализовать предикативную аргументацию a fortiori, свидетельствует о недостаточной глубине и широте его понимания предмета. Ему не хватало терпения и интеллекта, необходимых для серьезного и тщательного изучения этого вопроса, и он довольствовался лишь демонстрацией.

Обратите внимание, я здесь не критикую Д'Альмейду за то, что он не обсуждает различия между связочным и **импликационным аргументом** . Это сравнительно не так важно, и он, по крайней мере (как мы видели в его сноске 8), обращает внимание на мое различие между этими формами. Более того, мы уже цитировали его слова (на стр. 208): « нет оснований полагать, что следствие обязательно должно быть утверждением, в котором что-то предикативно относится к элементу, соответствующему порогу. Все, что необходимо, это чтобы следствие каким-то образом включало элемент, соответствующий порогу». Мы можем истолковать это как его осознание и признание того, что «следствие» (т.е. вспомогательный элемент) не обязательно должно быть связочным, но может (в определенных случаях) быть импликационным.

Тем не менее, следует отметить, что осведомленность Д'Альмейды об этом дополнительном варианте аргумента a fortiori носила довольно неформальный

характер, представляя собой лишь наблюдение, которое он не пытается развить в формальном ключе. На самом деле, он мог бы довольно легко предложить четыре импликационных аргумента, аналогичных описанным выше четырем копулятивным аргументам, путем следующих изменений в формулировках.

Вместо предложения в его посылке (1) о том, что «если x соответствует T, то x равно Q» или «если x не соответствует T, то x равно Q» (для положительных и отрицательных субъективных предложений соответственно), он бы написал: «если x подразумевает нечто, что соответствует T, то x подразумевает Q» или «если x подразумевает нечто, что не соответствует T, то x подразумевает Q» (для положительных и отрицательных антецедентов соответственно). Аналогично, вместо предложения в посылке (1) о том, что «если T соответствует x, то Q равно x» или «если T не соответствует x, то Q равно x» (для положительных и отрицательных предикатов соответственно), он бы написал: «если T подразумевает нечто, что соответствует x, то Q подразумевает x» или «если T подразумевает нечто, что не соответствует x, то Q подразумевает x» (для положительных и отрицательных консеквенций соответственно). Заключения были бы соответственно изменены, *mutatis mutandis* . То есть, вместо «b равно Q» или «Q равно a» следовало бы использовать выражения «b подразумевает Q» и «Q подразумевает a» соответственно.

Здесь, пожалуйста, не следует истолковывать мою формулировку импликационных аргументов a fortiori в характерной для Д'Альмейды манере как одобрение его подхода; повторюсь, я считаю его неадекватным по ряду причин. Моя цель здесь — лишь показать, что теория аргументов a fortiori Д'Альмейды еще более ограничена по своему охвату, чем могла бы быть. Моя

цель — привлечь внимание и подчеркнуть недостаток логических навыков и проницательности у Д'Альмейды при формулировании его теории. Такого приближения и ограниченности можно было бы ожидать от дилетанта.

Еще одним вопиющим и важным упущением в теории аргумента фортиори Д'Альмейды является **аргумент крещендо** . Как я показываю в AFL, многие комментаторы аргумента фортиори заметили, что иногда люди завершают такой аргумент одним и тем же предикатом, а иногда — *количественно большим или меньшим предикатом* . Большинство исследователей не знали, как формально решить эту проблему. Я решаю эту проблему формально и очень подробно (в AFL 2.2-2.3); поэтому Д'Альмейда должен был знать об этом, если бы читал это исследование. Однако, похоже, он пропустил это исследование, возможно, из-за лени.

Ни одно исследование аргумента фортиори, не рассматривающее вопрос соразмерности и не определяющее точно, когда и почему мы можем сделать соразмерный вывод, не заслуживает доверия. Следовательно, это упущение является очень серьезным недостатком в подходе Д'Альмейды к аргументу фортиори. Д'Альмейда, тем не менее, поднимает этот вопрос попутно (на стр. 217-218) с помощью юридического примера, в котором предикат вывода количественно больше, чем предикат малой посылки, из которой он, по-видимому, следует. Он комментирует этот необычный вывод следующим образом:

> «…аргумент a fortiori сам по себе является аргументом, оправдывающим применение к целевому объекту того же вывода, что и к

> источнику. …это, конечно, не исключает возможности того, что истец действительно имела право на большую сумму, даже на 100 000 фунтов стерлингов больше; просто для этого ей потребуется отдельный аргумент».

Этот комментарий означает, что он не рассматривает количественно увеличенный (или, предположительно, уменьшенный) вывод как часть аргумента a fortiori, а как нечто, что должно быть установлено с помощью «отдельного аргумента», не уточняя, каким может быть это дополнительное рассуждение. Его комментарий отчасти верен, поскольку он допускает расширенный вывод в определенных случаях (в отличие от многих других комментаторов, которые склонны отвергать такой результат сходу); но он лишь интуитивен, сделан без формального рассмотрения и последующего анализа. Вместо этого он отвлекается на несвязанный вопрос о силе вывода a fortiori по сравнению с его посылками (мы рассмотрим этот другой вопрос позже).

Таким образом, очевидно, что Д'Альмейда не стал утруждаться исследованием аргумента крещендо. Как я показываю в своем исследовании этой темы, аргумент крещендо является частным случаем аргумента фортиори, в котором присутствует *дополнительная предпосылка* о пропорциональности. Другими словами, аргумент крещендо — это аргумент фортиори, объединенный с аргументом пропорциональности. Люди, которые думают о «крещендо», намереваются думать о «фортиори» с излишним пафосом. Дополнительная предпосылка берет чисто фортиори заключение и корректирует его в соответствии с требованием пропорциональности, которое в некоторых случаях фактически оправдано.

Действительно, там, где такая корректировка оправдана и полезна, ее логически следует применять; это не вопрос выбора, не крайняя мера. Эту корректировку можно было бы отождествить с «отдельным аргументом», который Д'Альмейда интуитивно предполагает; но он не углубляется в этот вопрос. В любом случае, мой анализ рассматриваемого примера вы найдете в следующем разделе, где я расшифровываю все юридические примеры Д'Альмейды.

Д'Альмейда также кратко поднимает вопрос об **аналоговой аргументации** ближе к концу своего эссе (на стр. 237); но и здесь он не упоминает о моем формальном изучении этой темы **(** в AFL 5.1). Вот что он пишет:

> «Однако, похоже, существуют и важные различия между аргументами a fortiori и теми видами аргументов, которые юристы и теоретики обычно называют «аналогическими» аргументами. Одно из существенных различий заключается в том, что даже в полностью реконструированных аргументах по аналогии сравнение между элементами — между исходным и целевым случаем — не опирается на выявление какого-либо объединяющего правила, определяющего их соответствующие общие черты. В полностью реконструированном выводе a fortiori, с другой стороны, соответствующая объединяющая шкала должна быть указана в посылках, чтобы аргумент мог быть реализован. Однако более широкое исследование этого различия я должен оставить на другой раз».

Это показывает, что Д'Альмейда не провел формального исследования этого вопроса, как следовало бы, чтобы четко отличить аргумент a fortiori от других, хотя и в некоторой степени сопоставимых, форм аргументации. В этом случае, кроме того, его интуитивная оценка неверна. Как я покажу, в правильно сформулированном аналоговом аргументе, подлежащем формальной проверке, действительно существует «объединяющее правило», и его необходимо определить. Как часто бывает, он говорит, не имея знаний, самонадеянно; и вдобавок ко всему, самонадеянно представляет себя потенциальным спасителем в этом вопросе, подвиг которого он, однако, «должен отложить на другой день»![53]

Теперь давайте подведем итог тому, что мы обнаружили во втором разделе: Д'Альмейда представляет вторую форму аргумента «теории против воли», похожую на первую, за исключением того, что она содержит определенные отрицательные элементы. При рассмотрении этой дополнительной формы мы обнаруживаем, что она была построена интуитивно, по простой аналогии, без глубокого понимания ее точной формальной связи с предыдущей формой. Это очевидно из формальных и символических решений, принятых в ней. Более того, вторая форма, как и первая, лишена важной

[53] В сноске 9 Д'Альмейда пишет: «Я подробно обсуждаю аргументы по аналогии в работе Л. Д'Альмейды и К. Мишелона «Структура аргументов по аналогии в праве», Argumentation (2016), доступной по адресу http://link.springer.com/article/10.1007/s10503-016-9409-3 (последнее посещение 26 ноября 2016 г.)». Я не обращался к этой статье, поскольку он не ссылается на мою формальную работу по этой теме. Я предполагаю, что это не является окончательным исследованием в области формальной логики, поскольку в настоящем эссе, написанном им позже, он подразумевает, что эти вопросы все еще остаются открытыми.

информации (а именно, полной инверсии исходного гипотетического утверждения) и допускает некоторую двусмысленность. Действительно, это упущение в обоих случаях объясняет, почему Д'Альмейда сделал неверный выбор при построении второй формы по аналогии с первой и почему он не увидел более глубокой связи между своими двумя формами.

Более того, Д'Альмейда, по-видимому, считает свою двухформенную теорию аргумента фортиори исчерпывающей. Это наивно с его стороны. Даже его собственный выбор юридических примеров должен был эмпирически указать ему на существование других форм. Таким образом, он не понимает, что аргумент фортиори не всегда субъективен, а может быть и предикативным. Он, по-видимому, даже не замечает этой формы аргументации, хотя она подробно рассматривается в моих работах. Аналогично, он не обращает внимания на мои формальные исследования импликационных аргументов, аргументов крещендо и аналоговых аргументов и не усваивает их. Следовательно, осведомленность и понимание Д'Альмейдой аргумента фортиори остаются весьма ограниченными.

3. Использованные примеры

Я просмотрел все тринадцать *юридических примеров* аргумента a fortiori, которые приводит Д'Альмейда, и обнаружил, что они имеют следующие формы [54]: семь являются положительными субъективными (стр. 203, 217, 225b, 226a, 226b, 227-8, 229), один из которых представляет собой крещендо (стр. 217); три являются

[54] Я добавляю суффиксы a и b к номеру страницы, когда на одной странице находятся два примера.

отрицательными субъективными (213-4, 216, 225a); один является субъективным, но не цитируется полностью, поэтому я не смог определить, задуман ли он как положительный или отрицательный (стр. 220); один является положительным предикативным (стр. 232-3); и один является отрицательным консеквенциальным (стр. 212). Д'Альмейда явно интерпретирует только четыре из этих аргументов в терминах своей первой и второй форм (стр. 203, 212, 213-4, 227-8). Ниже представлены мои интерпретации всех тринадцати приведенных аргументов в стандартной форме:

Семь *положительных субъективных* (от малых до больших) аргументов a fortiori следующие:

- Пример на стр. 203: Голосование за форму правления (P) важнее (R), чем голосование за представителя в законодательном органе (Q). Если голосование за представителя в законодательном органе (Q) достаточно важно (R), чтобы его следовало гарантировать всем (S), то голосование за форму правления (P) достаточно важно (R), чтобы его следовало гарантировать всем (S). Д'Альмейда правильно интерпретирует этот аргумент с помощью своей первой формы (на стр. 230-231).
- Пример на стр. 217: Хорошо воспитанная женщина, чей брак был счастливым и благополучным (P), имеет больше заслуг, чем плохо воспитанная женщина, чей брак закончился разводом и раздорами (Q). Если плохо воспитанная женщина и т. д. (Q) имеет достаточно заслуг (R), чтобы ей была присуждена выплата в размере 350 000 фунтов стерлингов, то хорошо воспитанная женщина и т. д. (P) имеет достаточно заслуг (R), чтобы ей была присуждена большая выплата (скажем) в размере 450 000 фунтов

стерлингов. Обратите внимание, что этот аргумент не является чисто аргументом «тем более», а *скорее аргументом «нарастания»* , так что он опирается на дополнительную, хотя и неявную, предпосылку пропорциональности, а именно: выплаты должны быть пропорциональны степени лояльности.

- Пример на стр. 225б: Изъятие картотеки клиентов работодателя (P) наносит больший (скажем) ущерб (R), чем составление или копирование списка его клиентов (Q). Если составление или копирование списка клиентов работодателя (Q) наносит ущерб (R) в достаточной степени, чтобы считаться нарушением обязанности действовать добросовестно со стороны работника (S), то изъятие картотеки клиентов работодателя (P) наносит ущерб (R) в достаточной степени, чтобы считаться нарушением обязанности действовать добросовестно со стороны работника (S) [55].
- Пример на стр. 226а: Пароход обладает большей мощностью, чтобы уступить дорогу, чем парусное судно. Если парусное судно (Q) обладает достаточной мощностью (R), чтобы по закону быть обязанным уступить дорогу траулеру, который своими огнями указывает, что он затонул (S), то пароход (P) обладает достаточной

[55] Обратите внимание, что хотя первоначальная формулировка, а именно «если составление или копирование сотрудником списка клиентов работодателя является нарушением обязанности действовать добросовестно», кажется, ставит «нарушение обязанности» перед «сотрудником» (что предполагает предикативное рассуждение), на самом деле в ней в качестве подлежащего используется «это», а в качестве предиката — «нарушение обязанности и т. д.», и это «это» означает «сотрудник», составляющий или копирующий список и т. д. (следовательно, это субъективное рассуждение).

мощностью (R), чтобы по закону быть обязанным уступить дорогу траулеру и т. д. (S).

- Пример на стр. 226б: Название «граммофон», под которым изделие широко известно (P), более точно описывает природу изделия (R), чем хвалебное слово, такое как «совершенство», ставшее отличительной чертой товаров конкретного производителя (Q). Если хвалебное слово, такое как «совершенство» (Q), достаточно точно (R), чтобы отказать в регистрации (S), то название «граммофон», под которым изделие широко известно, достаточно точно (R), чтобы отказать в регистрации (S).
- Пример на стр. 227-228: Деревянный корабль (P) подвергается большей опасности от легковоспламеняющихся материалов, чем металлический корабль (Q). Если металлический корабль (Q) подвергается достаточной опасности от легковоспламеняющихся материалов (R) из-за наличия в трюме (S) бочек с бензином, то деревянный корабль (P) подвергается достаточной опасности от легковоспламеняющихся материалов (R) из-за наличия в трюме (S) бочек с бензином [56]. Обратите внимание, что далее говорящий ставит под сомнение этот аргумент, утверждая, что корабль будет уничтожен задолго до того, как возможный пожар достигнет трюма; это фактически отрицание основной посылки. Но первоначально изложенный аргумент в любом случае остается формально верным; и именно это

[56] Обратите внимание, что в исходной формулировке этого примера: «Все, что можно сказать против этих бочек с бензином на стальном или железном судне, тем более применимо к ним на деревянном судне», — металлические и деревянные суда выступают в роли подлежащих, а то, что «сказано» или «применено» против бочек с бензином, — в роли сказуемого.

нас здесь интересует. Д'Альмейда правильно интерпретирует этот аргумент с помощью своей первой формы, хотя и с некоторыми модификациями (на стр. 228-229).

- Например, на стр. 229: Более крупные транспортные средства (P) создают больше препятствий на дороге (R), чем более мелкие транспортные средства (Q). Если более мелкие транспортные средства (Q) создают достаточно препятствий (R), чтобы их ограничивали определенные правила (S), то более крупные транспортные средства (P) создают достаточно препятствий (R), чтобы их ограничивали те же самые правила (S) [57]. Обратите внимание, что здесь снова выступающий ставит под сомнение аргумент, утверждая, что упомянутые правила предназначались только для более мелких транспортных средств; это снова фактически отрицание основной посылки. Но первоначально изложенный аргумент в любом случае остается формально верным; и именно это нас здесь интересует.

Три *отрицательных субъективных* (от основных к второстепенным) аргумента a fortiori следующие:

- Пример на стр. 213-214: Вопрос, по которому есть спорный момент (P), более значим (R), чем вопрос, по которому нет спорного момента (Q). Если вопрос, по которому есть спорный момент (P), недостаточно значим (R), чтобы возобновить рассмотрение дела (S), то вопрос, по которому нет спорного момента (Q), недостаточно значим (R), чтобы возобновить рассмотрение дела (S).

[57] Здесь, опять же, хотя в первоначальной формулировке ограничения упоминаются до транспортных средств, аргумент явно носит субъективный характер, поскольку в нем говорится о том, что первые «применимы к» (т.е. отсылают к) вторым.

Д'Альмейда правильно интерпретирует этот аргумент с помощью своей второй формы.

- Пример на стр. 216: Заключенный, обвиняемый в совершении правонарушения (P), имеет более серьезные проблемы с законом (R), чем заключенный , не обвиняемый в совершении правонарушения (Q). Если у заключенного, обвиняемого в совершении правонарушения (P), проблемы с законом (R) недостаточно серьезны для лишения его временного водительского удостоверения (S), то у заключенного, не обвиняемого в совершении правонарушения (Q), проблемы с законом (R) недостаточно серьезны для лишения его временного водительского удостоверения (S).
- Пример на стр. 225a: Суд сессии (P) занимает более высокое положение в судебной системе (R), чем гражданский иск в Шерифском суде (Q). Если Суд сессии (P) недостаточно высок (R), чтобы пересматривать акты и постановления Суда юстиции (S), то иск в Шерифском суде недостаточно высок (R), чтобы пересматривать такие акты и постановления (S) [58].

Единственный *субъективный* аргумент a fortiori с неопределенной полярностью таков:

- Пример на стр. 220: этот пример недостаточно подробен, поскольку Д'Альмейда не цитирует решение суда. Приведена основная предпосылка: иностранный гражданин, приехавший в

[58] Здесь, хотя в оригинальной формулировке упоминаются «акты и постановления Суда юстиции» перед «Сессионным судом» и «гражданское дело в Шерифском суде», это объясняется лишь тем, что говорящий использует грамматически пассивный залог; в активном залоге последние суды являются субъектами рассмотрения первых актов и постановлений. Таким образом, аргумент является субъективным, а не предикативным, как показано.

принимающую страну в детстве или родившийся там (P), более связан с ней (R), чем иностранный гражданин, приехавший в принимающую страну уже взрослым (Q). Это свидетельствует о субъективном характере аргумента. Однако из остальной части цитаты неясно, каковы были первоначальные второстепенная предпосылка и вывод.

Единственный *положительный предикативный* (от главного к второстепенному) аргумент a fortiori таков:

- Например, на стр. 232-233: Для применения суровых наказаний (P) требуется большая снисходительность (R), чем для применения легких наказаний. Если Конвенция (S) достаточно снисходительна (R), чтобы допускать более строгие наказания (P), то она (S) достаточно снисходительна (R), чтобы допускать более мягкие наказания (Q). Обратите внимание, что здесь выступающий снова ставит аргумент под сомнение, указывая на то, что упомянутая Конвенция на самом деле не обязательно допускает более мягкие наказания; это снова фактически отрицание основной посылки. Но первоначально изложенный аргумент в любом случае остается формально верным; и именно это нас здесь интересует.

  Д'Альмейда исходит из того, что этот пример можно представить в одной из двух предложенных им форм. Я мог бы, несколько изменив терминологию, переформулировать этот аргумент как позитивный субъективный (от малого к большому) : мягкие наказания (P) более допустимы (R), чем строгие наказания (Q). Если строгие наказания (Q) достаточно допустимы (R), чтобы быть разрешенными Конвенцией (S), то

мягкие наказания (P) достаточно допустимы (R), чтобы быть разрешенными ею (S). Но первоначальная формулировка аргумента ставит Конвенцию в качестве субъекта, а наказания — в качестве предикатов:

> « *В области прав человека тот, кто может сделать больше, не обязательно может сделать меньше . Европейская конвенция [о правах человека] допускает при определенных условиях некоторые очень серьезные формы обращения, такие как смертная казнь (статья 2(1), второе предложение), одновременно запрещая другие, которые по сравнению с ней можно считать довольно мягкими, например, «незаконное» задержание на короткий срок (статья 5(1)) или высылка гражданина (статья 3(1) Протокола № 4). Тот факт, что к человеку можно применить одну из первых упомянутых форм обращения, не может служить основанием для применения к нему одной из вторых упомянутых форм, даже если он согласен или попустительствует…* »

Вступительное предложение «тот, кто может сделать больше, не обязательно может сделать меньше» отрицает рассматриваемый аргумент a fortiori, где «он» обозначает Конвенцию, а «делать больше» и «делать меньше» обозначают соответственно более строгие и более мягкие наказания. Более того, последнее предложение «Тот факт, что это… и т. д.» помещает более строгие наказания в малую посылку, а более мягкие — в заключение. Все это подразумевает, что рассматриваемый аргумент a fortiori, по

мнению говорящего, является предикативным. Даже если в этом случае мы сможем перестроить аргумент и подогнать его под первую форму Д'Альмейды (т. е. в позитивную субъективную форму, как показано), это будет искусственной интерполяцией. Интерпретация примеров должна, насколько это возможно, придерживаться заданных параметров.

Единственное *негативное последствие*[59] (от малого к большому) аргумент a fortiori выглядит так:

- Пример на стр. 212: Для того чтобы утверждать, что лошади соответствуют определенному закону (P), требуется большая описательная точность (R), чем для того, чтобы утверждать, что коровы соответствуют тому же закону (Q). Если простое указание количества животных (S) является описательно точным (R), но недостаточно для того, чтобы утверждать, что коровы соответствуют закону (Q), то простое указание количества животных (S) является описательно точным (R), но недостаточно для того, чтобы утверждать, что лошади соответствуют ему (P).

  Следует отметить, что Д'Альмейда неверно интерпретирует этот аргумент, используя свою вторую форму. Я мог бы, несколько изменив термины, переформулировать его как отрицательное субъективное (от главного к второстепенному) : Поскольку к описанию лошадей требуется большая точность, чем к описанию коров, и в данном случае обе породы были описаны одинаково, просто числом, отсюда

[59] Отрицательный консеквенциальный аргумент относится к импликационному аргументу a fortiori так же, как отрицательный предикативный аргумент относится к копулятивному аргументу such argument.

следует, что: описание коров (P) было относительно точнее (R), чем описание лошадей (Q); следовательно, если описание коров (P) было недостаточно точным (R), чтобы удовлетворить статут (S), то описание лошадей Q было недостаточно точным (R), чтобы удовлетворить статут (S). Однако такая формулировка аргумента теряет первоначальный смысл, в котором он был выражен:

> « *Описание «скота» как «2 лошади, 4 коровы» недостаточно конкретно, чтобы соответствовать требованиям закона [раздел 4 Закона о договорах купли-продажи 1882 года]. В деле «Карпентер против Дина» было установлено, что описание «21 дойная корова» является недостаточным. Мы обязаны следовать этому решению. Более того, коровы здесь даже не описаны как дойные. Поэтому описание еще менее конкретно, чем в том случае. Что касается двух лошадей, то тем более их описание недостаточно, поскольку даже судья Лопес, выразивший особое мнение в деле «Карпентер против Дина», считал, что, поскольку лошадей обычно описывают по цвету, в случае с лошадьми требуется большая степень детализации, чем в случае с коровами. Поэтому договор купли-продажи был недействителен в отношении лошадей и коров* » .

Обратите внимание на форму основной посылки: « в случае с лошадьми требовалась большая степень детализации, чем в случае с коровами» (выделено мной), которая явно носит предикативное (или,

> если подумать, консеквентное) значение, а не субъективное (или антецедентное); и обратите внимание, что в ней лошади расположены *выше коров* . Это говорит нам о том, в каком настроении на самом деле думал судья, вынесший решение. В предложенной переработанной версии коровы (напротив) расположены выше лошадей. Таким образом, если мы хотим точно отразить ход мыслей судьи, мы должны использовать консеквентную форму.

Причина, по которой я представил все примеры Д'Альмейды в стандартной форме, заключалась в проверке того, соответствуют ли они его первой и второй формам, даже если он протестировал всего четыре примера (как уже упоминалось). Как оказалось, эти усилия стоили того, поскольку показали, что два из выбранных им примеров на самом деле не вписываются в его двухформовую схему. Другая причина, по которой я сформулировал примеры один за другим в стандартной форме, заключалась в том, чтобы показать, насколько легко следовать и верить рассматриваемым аргументам, когда они представлены в такой форме. Сравните сложности, связанные с формулировками Д'Альмейды: его две формы — это неуклюжие приспособления, которые не соответствуют обычному человеческому рассуждению a fortiori.

Д'Альмейда приводит лишь один неюридический пример аргумента «тем более», а именно пример с сидром и виски на стр. 204, который он позаимствовал у Даубе, а затем модифицировал. Он использует его в качестве основной иллюстрации для развития своей первой формы, а также (как мы увидим далее) для разработки более развернутой версии, включающей буквальное толкование выражения «тем более». Хотя он возвращается к этому примеру во многих

контекстах, тем не менее (как мы уже видели) он допускает существенные ошибки и упущения в его анализе. Юридические примеры, которые он приводит для своей первой формы на стр. 203 и на стр. 227-228, уместны. Он не приводит неюридического примера своей второй формы, предпочитая иллюстрировать ее с помощью юридического примера на стр. 212-213, касающегося коров и лошадей, который (как мы только что видели) он также неверно истолковывает, и примера на стр. 213-214, который он читает правильно. Он не приводит иллюстраций для более сложной, буквально «тем более», версии своей второй формы.

Ещё один пример, который Д'Альмейда упоминает вскользь (в сноске 35), — это талмудический аргумент, упомянутый Хайамом Маккоби, описанный как «пародийный» аргумент a fortiori. Д'Альмейда не пытается исследовать этот абсурдный аргумент с помощью своих собственных аналитических инструментов и объяснить, почему он неверен. Он лишь замечает, что он «иллюстрирует, что может пойти не так, когда нет (истинной) предпосылки, определяющей шкалу (и соответствующий порог), с которой можно сравнивать источник и цель»; но он не указывает точно, где именно находятся ошибки, как следовало бы. В любом случае, эта его приблизительная оценка неверна.

Он не проявляет любопытства и не проводит дальнейших исследований по этому вопросу, хотя пример весьма сомнительный – настолько сомнительный, что, как говорят, человека, предложившего его, отлучили от церкви за это. Я подробно рассматриваю этот аргумент в AFL 13.4.

Там я формулирую его следующим образом [60]: « Брак с дочерью замужней женщины (P) является более незаконным (R), чем брак с самой замужней женщиной (Q); и брак с женой другого мужчины (Q) является достаточно незаконным (R), чтобы быть запрещенным (S); следовательно, брак с дочерью жены другого мужчины (P) является достаточно незаконным (R), чтобы быть запрещенным (S)». Затем я объясняю, что аргумент действительно технически верен, но все же должен быть неверным, поскольку его вывод противоречит одной из его посылок.

Ошибка заключается в основной посылке, которая была построена путем обобщения данных о *собственной* жене (на которой можно жениться) и дочери (на которой нельзя жениться) на *всех* жёнах и дочерях (то есть, включая тех, кто не является собственной). Хотя это утверждение действительно верно для собственной жены и дочери, оно неверно для любых других жён или дочерей. Д'Альмейда не мог знать этого объяснения, поскольку он не изучал способы построения посылок аргумента a fortiori.

4. Более веские причины, в прямом смысле слова?

Теперь перейдем к тому, куда нас ведет статья Д'Альмейды после представления двух форм

---

60 Более подробная информация приведена там. Мое изложение основано на цитате Мозеса Мильцинера (приведенной в *«Дерех Эрец Рабба»* , глава I): «Если брак со своей дочерью запрещен, хотя брак с ее матерью разрешен, насколько же более незаконным должно быть жениться на дочери другой замужней женщины, если брак с ее матерью, замужней женщиной, прямо запрещен?»

аргумента a fortiori и анализа нескольких конкретных примеров с их использованием.

Д'Альмейда справедливо указывает на множество деталей, касающихся аргумента фортиори. Например, на то, что «аргументаторы могут оставлять многие важные элементы своих выводов невысказанными», и что «некоторые из этих элементов иногда будут непрозрачными… даже для самих аргументаторов», добавляя: «и это, безусловно, включает в себя соответствующую шкалу» (с. 225). И он справедливо утверждает, что теоретическое знание аргумента фортиори облегчает подтверждение или опровержение данного аргумента фортиори, с которым мы можем столкнуться (с. 227). Хотя его следует поздравить с такими наблюдениями, его также следует упрекнуть в том, что он создает у читателей впечатление, будто это его собственные наблюдения, хотя это не так.

Он пытается представить себя оригинальным исследователем; но, как мы сейчас подробно покажем, когда он пытается быть по-настоящему оригинальным, он терпит сокрушительное поражение. Это как человек, который рисовал по номерам (и делал это плохо) и думает, что это делает его оригинальным произведением искусства. Д'Альмейда спрашивает (на стр. 214), почему люди используют такие выражения, как «тем более» или «с более вескими основаниями», которые, кажется, подразумевают, что вывод буквально «имеет большую силу», чем предпосылки, из которых он выведен. Это хороший вопрос, который необходимо задать и на который нужно ответить.

Он указывает, что в некоторых случаях аргумент, кажется, предполагает возможность того, что «что-то может быть менее или более допустимым, чем что-то

другое», но справедливо отвергает это как «бессмысленное» и «не подлежащее буквальному толкованию», утверждая, что «что-то либо допустимо, либо нет; допустимость не является вопросом степени» (с. 215). Я уже ясно изложил эту мысль. В AFL 26.3, в ответ на использование Стефаном Гольцбергом выражения «ещё более запретно», я говорю: « Очень часто вспомогательный термин не допускает никаких мер или степеней… так что то, что говорится о нём в малой посылке, неизбежно остаётся тем же в заключении. Например, нечто «императивное» или «чёрное» не может быть более или менее таковым — либо это так, либо нет». Здесь Д'Альмейда снова претендует на проницательность, которая изначально принадлежит не ему, а мне.

Далее, цитируя Арнольда Кунста, использующего выражения «более незаконный» и «менее незаконный» в своем описании талмудического принципа, Д'Альмейда пытается выглядеть умным, саркастически говоря: « *Более* незаконный? *Менее* незаконный?» — как будто до сих пор никто не осознавал абсурдность подобных утверждений. Обратите внимание, что я подробно рассматриваю в AFL 8.5 талмудический принцип, перефразированный Кунстом. Последний, по-видимому, ссылается на Мишну *Бейца* , 5:2, где сравниваются субботы и праздники, а не большие и малые праздники, как он предполагает [61]. Более того, оригинальная формулировка не такая, как у Кунста: «более

[61] Насколько мне известно, не существует принципа, подобного описанному Кунстом, который бы выводил запреты на «главных праздниках» из запретов на «второстепенных праздниках» или разрешения на последних из запретов на первых. Законы Пурима и Хануки не связаны с законами Песаха, Шавуота и Суккота. Первые, второстепенные праздники, были добавлены в иудаизм значительно позже последних, главных праздников; и законы, относящиеся к ним, очень отличаются.

незаконный» и «менее незаконный», а *chayav* (что означает «виновный», в переводе Сончино) и *kal vachomer* (что означает «насколько больше»). И ее смысл ясно состоит в том, что то, что запрещено на праздники, запрещено и в субботу; И наоборот, то, что разрешено в субботу, разрешено и в праздники: никакой разницы в степени не подразумевается [62].

Д'Альмейда также справедливо (по крайней мере, на первых порах) отвергает идею о том, что предпосылка может быть менее «прочно обоснованной», чем вывод, сделанный на её основе (стр. 216). Он также кратко рассматривает юридический пример, в котором количество в предполагаемом выводе больше, чем количество, указанное в предпосылке; но, по его мнению, такой аргумент, хотя и включает в себя рассуждение a fortiori, дополнительно включает в себя «отдельный аргумент» (стр. 217). Я уже (в предыдущих двух разделах) представил этот пример как крещендо. Очевидно, что Д'Альмейда не изучал мои предыдущие работы по аргументации крещендо и не пытался самостоятельно разработать связанные с ней формальности; он остается по существу неосведомленным об этом важном аспекте логики a fortiori на протяжении всей своей работы.

Тем не менее, Д'Альмейда не полностью отвергает использование таких многозначительных выражений, как «тем более» или «с более вескими основаниями», как всего лишь «риторический приём» (с. 218). Он считает, что существует «смысл, в котором это вполне

---

[62] Д'Альмейда не упоминает мой анализ этого талмудического отрывка, очевидно, не потрудившись его прочитать. Он предпочитает цитировать Кунста, которого называет учёным, хотя я показал в AFL 14.3, что понимание Кунстом аргумента a fortiori было весьма поверхностным. Это было просто восхваление со стороны Д'Альмейды, попытка выглядеть интеллектуалом; но он сделал ставку не на ту лошадь.

уместно», и пытается разработать более сложные аргументационные формы в поддержку этого утверждения. Это, по сути, *кульминация* его тезиса о «тем более», его единственная попытка оригинального мышления. Как мы увидим, это *полная чушь* . Ему не удаётся доказать то, что он пытался доказать, и даже сделать это хоть сколько-нибудь убедительным. Хуже того, его попытка сделать это с точки зрения логики тщетна; и, кроме того, она разработана в очень софистической манере.

стоит сделать следующие **предварительные замечания .**

Я не знаю, кто первым придумал латинское выражение « *a fortiori ratione* » (с более вескими основаниями). Очевидно, кто-то должен был это сделать, и название, данное такому аргументу, прижилось и широко используется до сих пор. Очевидно, тот, кто придумал это название, сознательно или, по крайней мере, подсознательно представлял, что вывод такого аргумента каким-то образом рационально «сильнее» (более убедительный, более надежный, более аргументированный), чем предпосылка(и), из которой он был выведен. Эта идея, что аргумент приводит к тому, что мы могли бы охарактеризовать как « ***эпистемическую выгоду*** », на самом деле была логически невозможна, ошибка; но он этого не осознавал, или, может быть, он осознавал это, но просто имел склонность к гиперболе. Тем не менее, с тех пор, как было придумано выражение *«a fortiori ratione»* , многие люди восприняли его буквально и предположили, что оно означает именно то, что и написано. Время от времени логики-любители пытаются защитить эту идею и выставляют себя на посмешище, пытаясь это сделать.

Кратко рассмотрим историю исследований аргумента a fortiori. **Аристотель** (Греция, 384-322 до н.э.) [63], по всей вероятности, первый, кто размышлял над таким аргументом, в своей *«Риторике»* 2:23(4) называет его «более и менее», а в « *Топике »* 2:10 — « в большей и меньшей степени»; на практике он предпочитает аналогичную нейтральную формулировку. Аристотель действительно обсуждает и иногда использует аргументы a crescendo, а также иногда прибегает к логико-эпистемическим аргументам a fortiori. Но нельзя сказать, что он где-либо предполагал, что заключение аргумента a fortiori может быть эпистемически «сильнее», чем предпосылка (предпосылки), на которой он основан; его формулировки всегда предполагают эпистемическое равенство, если не ослабление.

Известный римский юрист **Цицерон** (106-43 до н.э.) [64]в своих *«Топиках»* §23 также говорит о «большем» (*maiore*) и «меньшем» (*minori*) ; и он использует онтические, а не логико-эпистемические иллюстрации такого аргумента. Интересно, что нигде там или где-либо ещё (насколько мне известно) он не использует латинское выражение « *a fortiori ratione* »; и что ещё более важно, он нигде не намекает на упомянутую идею эпистемической выгоды. Примерно то же самое можно сказать и об эллинистической перипатетике III века н.э. Александре Афродисийском [65]. Аналогично и в иудейской логике, хотя она и основана на библейских и талмудических текстах. Существует множество утверждений, предполагающих тем более и даже нарастающее

---

63 Подробное изложение теории и практики Аристотеля см. в разделе AFL 6.1 и Приложении 4.2. Там я привожу полные цитаты и точные статистические данные.

64 См. AFL 6.5.

65 См. AFL 6.6.

рассуждение, но ни одно из них не содержит языка или комментариев, несомненно подразумевающих эпистемическое расширение [66].

Таким образом, неясно, кто придумал выражение « *a fortiori ratione* » или кто первым предположил, что оно подразумевает эпистемическую выгоду. Возможно, эта идея предшествовала выражению и привела к его появлению; но, на мой взгляд, более вероятно, что выражение было впервые придумано довольно неосознанно, а затем кем-то его развил. Оба эти события могли произойти до Цицерона или между ним и упомянутым Александром; или же они могли возникнуть позже, в христианские времена. Я не знаю точной хронологии, и, возможно, уже слишком поздно её определить. Хотя это не имеет большого значения — нет сомнений в том, что данное выражение неточное, а подразумеваемая им идея логически несостоятельна.

Несомненно также и то, что Д'Альмейда не первый, кто, вдохновленный упомянутым выражением, отстаивает идею эпистемической выгоды. Например, не так давно (в 2002 году) Пётр Ленартович и Йоланта Коштейн предложили следующее в качестве «истинного» аргумента a fortiori: « если иррационально и неэмпирично сомневаться в том, что [малая] Q является S, то ещё более иррационально и неэмпирично сомневаться в том, что [большая] P является S;» и позже я показал, почему их предложение является ложным [67]. Совсем недавно (в 2012 году) Юбер Марро пытался обосновать аналогичную идею, и я показал, что он тоже глубоко

---

66 Что касается талмудического учения о *возражении* против аргументов a fortiori, см. AFL 13.4. См. также в приложении 2 к AFL конкурирующие аргументы в Песахим 6.2 и в Сота 6.3.

67 См. AFL 24.3.

ошибается [68]. Очевидно, Д'Альмейда не удосужился прочитать эти и другие главы AFL, что могло бы отговорить его от подобных глупостей.

Теперь давайте подробнее рассмотрим конкретные предложения Д'Альмейды. Он, снова используя иллюстрацию с сидром и виски, представляет себе более сложный сценарий, в котором: «утверждение в (5)» (т. е. вывод о том, что мужчина откажется от виски) «может быть подкреплено более убедительно, чем утверждение в (2a)» (т. е. более ранний косвенный вывод о том, что мужчина откажется от сидра). Для начала он представляет себе следующий простой сценарий (стр. 218):

> «Возможно, наш друг, несмотря на свою принципиальную позицию отказа от напитков с содержанием алкоголя выше определенного уровня, в некоторых случаях будет готов сделать исключение из этого принципа. У него будут свои причины, по которым он не будет пить хотя бы некоторые алкогольные напитки: допустим, причина в том, что напитки с содержанием алкоголя выше определенного уровня вызовут у него ужасную головную боль. Но он может оказаться в ситуации, когда у него также будут причины выпить, и эти причины могут перевесить его причины не делать этого: представьте, например, что сын нашего друга, винодел, преподносит ему свежевыжатое вино и очень хочет узнать мнение отца о его вкусе».

Прежде чем рассматривать дальнейшие сложности, которые вносит Д'Альмейда, и предлагаемые им

---

68 См. AFL 30.3 и 30.5.

решения, давайте сначала рассмотрим этот простой сценарий. В первоначальной иллюстрации с сидром и виски мы утверждаем, что, поскольку сидр, имеющий меньшее содержание алкоголя, был отвергнут (неким человеком), тем более следует, что виски, имеющий большее содержание алкоголя, также будет отвергнут (этим человеком). Этот аргумент не говорит нам о том, является ли субъект (мужчина) трезвенником или нет; он также не сообщает нам, какое содержание алкоголя он сможет выдержать, если предположить, что он не трезвенник.

Как нам теперь сообщают, «принципиальная позиция» мужчины в отношении алкогольных напитков, вероятно, объясняется головными болями, которые они могут вызывать при определенном содержании алкоголя [69]. Эта дополнительная деталь сама по себе не влияет на вывод a fortiori из отказа от сидра как отказа от виски, обратите внимание. Но она предполагает, что если бы алкогольный напиток не *вызывал* у него головных болей, мужчина вполне мог бы согласиться его выпить. Таким образом, похоже, что мужчина не является трезвенником, то есть не против алкоголя как такового, а просто выступает против определенного уровня потребления алкоголя из-за его пагубных последствий. Это означает, что могут быть исключения из его отказа от алкоголя: он вполне может *не* отказываться (то есть не принимать) напитки с содержанием алкоголя ниже порога, при котором начинаются головные боли.

Далее, Д'Альмейда также выдвигает идею о том, что сын мужчины может уговорить его попробовать вино,

---

[69] Следует отметить, что Д'Альмейда упоминает «степень» содержания алкоголя, но не количество напитка с таким содержанием алкоголя, которое вызвало бы головную боль. Однако маловероятно, что в реальной ситуации количество усвоенного алкоголя окажется несущественным.

которое он (сын) произвел. Если содержание алкоголя в этом вине ниже порога, при котором у мужчины начинают болеть голова, такое баловство, конечно, не вызовет проблем; то есть первоначальный аргумент «тем более» останется неизменным [70]. Но если вино достаточно крепкое, чтобы вызвать у него головную боль, ситуация кардинально меняется, потому что он может (скажем, из любви к сыну) все же согласиться выпить немного вина, даже если оно крепче сидра, от которого он отказывается.

В этом случае мы больше не можем автоматически аргументировать отказ от менее крепкого напитка (например, сидра) отказом от более крепкого напитка (а именно, крепкого вина). Мы все еще можем делать это *при определенных условиях* , если мужчина не находится под давлением и не пробует крепкое вино; но если это условие не выполняется, то есть если сын *просит отца выпить немного крепкого вина, то на аргумент «тем более» уже* нельзя полагаться . Это неизбежно приведет к неверному выводу, а именно, что он откажется пить крепкое вино, хотя на самом деле нам сказано, что он не откажется. В этой ситуации аргумент «тем более» необходимо будет полностью пересмотреть. Как?

Очевидно, что средний термин (содержание алкоголя или головная боль) и вспомогательный термин (мужчина откажется пить напиток) первоначального аргумента «тем более» необходимо изменить. Теперь вопрос, *определяющий* отказ или принятие мужчиной крепкого вина, — это уже не содержание алкоголя или головная боль, а желание сына. Мы можем построить новый аргумент «тем более» следующим образом, но

---

[70] Вино обычно содержит 8-14% алкоголя, сидр — 4-8%, а виски — 40-60% (согласно информации, найденной в интернете). Давайте для примера предположим, что рассматриваемое вино очень разбавлено (менее 8%), а сидр очень крепкий (более 8%).

очевидно, что этот аргумент сильно отличается от предыдущего. В нем появился новый средний термин (R), а именно: «важность для сына», и новый вспомогательный термин (S), а именно: « мужчина согласится выпить напиток ».

> Крепкое вино (P) для сына (R) важнее сидра (Q).
>
> Если сидр (Q) настолько важен для сына (R), что его отец примет его (S);
>
> тогда крепкое вино (P) настолько важно для сына (R), что отец примет его (S).

По правде говоря, этот новый аргумент «тем более» довольно надуманный (на мой взгляд), поскольку он по-прежнему относится к сидру. Нам на самом деле не нужно делать *вывод* о том, что отец согласится выпить крепкое вино своего сына, поскольку мы уже знаем это как *данность* нового сценария. Таким образом, все, что сделал этот новый сценарий, — это сделал первоначальный аргумент «тем более» (вывод об отказе от крепкого вина из отказа от сидра) применимым *тогда и только тогда, когда сын не* просит отца попробовать вино. В случае, если сын просит отца об этом, аргумента «тем более» *нет* , а есть лишь данное утверждение, а именно, что отец согласится попробовать.

Это и есть то «исключение», о котором говорилось в описанном выше сценарии. Первоначально широкая «принципиальная позиция», согласно которой мужчина откажется от напитков, вызывающих головную боль, становится более ограниченной и применима только в том случае, если «причины, по которым мужчина хочет выпить» (а именно, желание сына) не «перевешивают» его «причины, по которым он этого не хочет» (а именно, его страх перед головной болью). В случае, если первые причины перевешивают вторые, он согласится выпить. Таким

образом, попытка Д'Альмейды усложнить логику аргумента «тем более» пока не удалась. Ни один из рассмотренных нами сценариев не привел к появлению модифицированной формы аргумента «тем более».

Смутно предчувствуя эту неудачу, Д'Альмейда пытается представить более сложную ситуацию (стр. 218-219):

> «Теперь предположим, что чем выше содержание алкоголя в напитке, тем сильнее будет головная боль у нашего друга, вплоть до почти парализующей. В этом случае, кажется, очевидно, что чем выше содержание алкоголя в определенном напитке, тем сложнее будет перевесить его аргументы против его употребления. Другими словами, диапазон аргументов, которые могут перевесить его аргументы против употребления виски, уже, чем диапазон аргументов, которые могут перевесить его аргументы против употребления сидра. Но это означает, что у нашего друга есть более веские аргументы против употребления виски, чем против употребления вина; и, следовательно, вывод о том, что он откажется от виски, также в некотором смысле сильнее — его сложнее опровергнуть — чем вывод о том, что он откажется от сидра».

В этом новом сценарии Д'Альмейда предполагает, что головная боль, вызванная алкоголем, является изменчивой; то есть она меняется в зависимости от содержания алкоголя в напитках, так что чем больше алкоголя, тем сильнее боль. Раньше головные боли определялись одним пороговым значением вдоль горизонтальной линии, отслеживающей содержание

алкоголя. Теперь же есть две переменные, изменяющиеся одновременно. Мы можем представить это с помощью графика с двумя переменными, где вертикальная ось отслеживает боль, а горизонтальная — содержание алкоголя. Сам график, однако, по-прежнему представляет собой линию, пусть и наклонную или, возможно, изогнутую; и рассуждения, по сути, те же, как если бы график был горизонтальным. Изменилось лишь положение порогового значения. Если раньше пороговым значением была *любая степень* головной боли (символ T), то теперь пороговым значением является *определенная более высокая степень* головной боли (символ U, например). Формально ничего не изменилось; изменилось лишь точное значение порогового значения.

Поведение мужчины, как нам сообщают, мотивировано противоречивыми интересами: он хочет максимально избежать головных болей, но в то же время хочет угодить сыну, *если* сможет выдержать боль. Таким образом, для него возникает вопрос: *до какой точки* на кривой возможен компромисс? Хотя мужчина может согласиться выпить крепкое вино, если сын попросит, может существовать порог, после которого просьба сына будет проигнорирована, поскольку боль станет «парализующей». Виски, по-видимому, окажется для него слишком крепким, а вот вино сына — вполне терпимым. Таким образом, предлагаемая сложность не так велика, как кажется на первый взгляд. Следовательно, вопреки внешнему виду, этот новый сценарий не радикально отличается от предыдущего.

А именно: существует континуум значений содержания алкоголя и, соответственно, болевых ощущений; вдоль этой линии находится новый порог U (невыносимая боль), более высокий, чем

предыдущий порог T (любое количество боли). В верхнем диапазоне, начиная с точки U и выше, мужчина *категорически* откажется от любого напитка, даже если сын пожелает обратного; в этом диапазоне можно обоснованно построить аргумент a fortiori, переходящий от отказа от одного крепкого напитка к отказу от еще более крепкого. В среднем диапазоне, между U и T, аналогичный аргумент a fortiori можно (как и прежде) сформулировать *условно* , при условии, что сын не попросит отца выпить; но если сын попросит отца выпить, мужчина, скорее всего, согласится, несмотря на связанную с этим боль (и аргумент a fortiori будет неприменим). Наконец, в нижнем диапазоне, ниже точки T, при отсутствии боли, мужчина может без колебаний принять возможную просьбу сына (и аргумент a fortiori не требуется).

Что касается логики a fortiori, то новый, более сложный сценарий Д'Альмейды столь же неактуален, как и предыдущий, более простой сценарий. То есть, ни один из сценариев не делает возможной или необходимой новую, более сложную форму аргумента a fortiori. Мы по-прежнему имеем дело с тем же старым стандартом аргумента a fortiori, но применяем его избирательно, в зависимости от предполагаемых ситуаций. Как было объяснено выше, в некоторых ситуациях аргумент a fortiori применим безусловно; в других — только условно; в третьих — неприменим; а в третьих — вообще неактуален.

Обратите внимание, что если в первом случае Д'Альмейда говорит о «причинах» выпить или отказаться от напитка, то во втором он говорит о «целом ряде причин», чтобы еще больше усложнить ситуацию.

Похоже, Д'Альмейда пытается разработать систему «причин» для совершения или несовершения чего-либо, но испытывает трудности с её формулировкой. Давайте попробуем ему помочь. Для начала нам известно, что существуют два напитка x и y; оба напитка x и y «соответствуют» пороговому значению T; и в напитке y содержится больше алкоголя, чем в x. Далее, оказывается, что у субъекта («нашего друга») есть причины пить y (назовём их «За-y») и причины против пить y (назовём их «Против-y»); и «За-y» может быть более или менее убедительным, чем (или равным) «Против-y». Аналогично, у субъекта есть причины пить x (назовём их «За-x») и причины против пить x (назовём их «Про-x»); и «За-x» может быть более или менее убедительным, чем (или равным) «Против-x». Кроме того, обозначим Ky как чистый результат Con-y минус Pro-y (или наоборот), а Kx как чистый результат Con-x минус Pro-x (или наоборот); и эти два значения необходимо сравнить.

Если после такого сравнения выясняется, что Ky «уже» (что, предположительно, означает, в целом менее убедительно), чем Kx, то – по мнению Д'Альмейды – вывод (5) можно считать «более обоснованным», чем вывод (2a). Этот расчет, кажется, смутно витает в обыденном уме Д'Альмейды. Предполагаемая мысль далеко не ясна; но даже если аргумент можно прояснить и сформулировать более научным образом, следует ли из этого предполагаемый вывод о том, что этот вывод логически «сильнее» предыдущего? Есть ли здесь какое-либо основание для утверждения Д'Альмейды о том, что «вывод о том, что он откажется от виски, также сильнее, в некотором смысле – его труднее опровергнуть – чем вывод о том, что он откажется от сидра»? Конечно, нет.

При работе с логическим выводом, независимо от длины аргументов, установленный принцип гласит, что заключение никогда не может быть более надежным, чем посылки [71]. В дедукции надежность заключения такая же, как у наименее надежной посылки, если не меньше. В индукции результат неизбежно менее надежен, поскольку в обобщении или аддукции всегда присутствует гипотеза. Конечно, утверждения, полученные индукцией, со временем могут становиться более надежными из-за все большего количества доказательств (по сравнению с предыдущим периодом), приводимых в их поддержку; но такие утверждения всегда остаются менее надежными по сравнению с надежностью доказательств (малых или больших), подтверждающих их.

Конечно, если посылки двух различных аргументов имеют разный уровень убедительности, будь то из-за того, что один является индуктивным, а другой дедуктивным, или из-за того, что их посылки имеют разную степень достоверности, то и их соответствующие выводы также будут иметь такой же уровень убедительности, и мы можем сказать, что один «сильнее» другого. Но здесь это не так. Вспомним, что (2a) первоначально выводится положительным аподосисом из (1) и (2), тогда как (5)

---

[71] Это пример применения того, что я назвал принципом дедукции, или пятым законом мышления. Проще говоря, он гласит, что мы не можем получить больше информации или уверенности из дедуктивного аргумента, чем вложили в него. Более радикальное утверждение звучало бы как «мусор на входе — мусор на выходе»: если наши посылки неинформативны или слабы, мы не можем ожидать, что наши дедуктивные выводы будут более информативными или сильными. Этот закон логики можно сравнить с законом физики, называемым вторым законом термодинамики, который предсказывает, что беспорядок (энтропия) в материальном мире неизбежно будет увеличиваться в целом.

выводится таким же образом из (1) и (4), причем последний выводится из (2) и (3) путем количественного сравнения. Это означает, что (2a) и (5) имеют *общие посылки (1) и (2)* и различаются только посылкой (3), которой нет у (2a), но есть у (5).

Следовательно, поскольку все задействованные процессы вывода были дедуктивными (т.е. одинаково обоснованными, на 100% достоверными), единственное возможное логическое различие, которое можно постулировать в надежде на эпистемическую выгоду, заключается в том, что (3) каким-то образом добавляет некоторую убедительность к (5), которая не добавляется к (2a). Но это противоречит разуму: дополнительная посылка может уменьшить убедительность (если она содержит некоторые индуктивные сомнения) или оставить ее неизменной (если она абсолютно достоверна), но она никогда не может увеличить убедительность! Ни один сценарий, каким бы сложным он ни был, не может обойти или смягчить этот элементарный принцип логики. Можно с уверенностью предсказать, поскольку (2a) *требует для своего вывода меньше информации,* чем (5), что (2a) всегда будет либо более достоверным, либо, по крайней мере, таким же достоверным, как (5), никогда менее достоверным.

Очевидно, Д'Альмейда сам себя запутал в своих тщетных попытках найти логически невозможное решение. Приведенный выше расчет «причин» касается не логики (как он предполагает), а психологии и этики. Его содержание не эпистемологическое, а онтическое и телеологическое. Такой расчет был бы направлен на определение того, какой образ действий субъект должен предпочесть в данных обстоятельствах. Мы, конечно, могли бы построить аргумент a fortiori, используя сравнительную главную посылку, например:

«причины, относящиеся к x (P), более убедительны (R), чем причины, относящиеся к y (Q); причины, относящиеся к y (Q), достаточно убедительны (R), чтобы побудить этого человека сделать то-то и то-то (S); следовательно, причины, относящиеся к x (P), достаточно убедительны (R), чтобы побудить этого человека сделать то-то и то-то (S)». Это был бы допустимый аргумент a fortiori, включающий в себя термины, *которые* , по-видимому, имеет в виду Д'Альмейда. Но применим ли в данном случае подобный аргумент «тем более» (или, возможно, другой подход)? Я его не вижу.

Или же мы могли бы попытаться придумать аргумент с нарастанием, в котором пропорциональная дополнительная предпосылка касается эпистемического статуса [72]. Возможно: « Умозаключение P основано на большем количестве причин (R), чем умозаключение Q, и Q основано на достаточном количестве причин (R), чтобы быть надежным (S); следовательно, P основано на достаточном количестве причин (R), чтобы быть надежным (S). Более того, учитывая, что надежность (S) изменяется пропорционально количеству причин (R), то, поскольку причин для P больше, чем для Q, надежность P выше, чем надежность Q». Но, конечно, это искусственно созданная, порочная аргументация — на самом деле, второстепенную предпосылку (и, следовательно, заключение), связывающую надежность (S) с количеством причин (R), невозможно установить на практике.

Следует подчеркнуть, что использование слова «причины» в данном контексте весьма обманчиво. Как мы видели, здесь оно относится не к элементам, имеющим *объективное эпистемическое значение* в

---

72 См. AFL 2.3 и 4.2.

рассматриваемом аргументе a fortiori, как, очевидно, думает Д'Альмейда и хочет, чтобы мы так думали, а лишь к элементам, воспринимаемым субъектом (обсуждаемым человеком) как *более или менее субъективно значимый к его личному решению* пить или не пить. Это два совершенно разных значения слова «причины», и Д'Альмейда совершенно заблуждается и, очевидно, пытается заблуждать и нас этой банальной *двусмысленностью* .

Термин «причины» в своем основном, эпистемологическом смысле относится к *эмпирическим и/или Логические основания для веры в фактическое или теоретическое утверждение* : наблюдения, которые индуктивно укрепляют или ослабляют тезис, являются «причинами» для веры или неверия в него; тот факт, что тезис дедуктивно согласуется (если не выводится из) более широкого контекста знаний, является «причиной» в его пользу, в то время как тот факт, что он самопротиворечит или противоречит какому-либо наблюдению или текущим научным убеждениям, является «причиной» против него. «Причины», которые здесь приводит Д'Альмейда, рациональны только во вторичном смысле, используемом в практической философии: здесь этот термин относится к ценностям и мотивам, к *суждениям, которые влияют на выбор и волю субъекта по отношению к какому-либо объекту или образу действий или против них* .

В первичном смысле «причины» относятся к *причинам* доктринального вывода, тогда как во вторичном смысле они относятся к *причинам* физического или психического результата. Первое относится к процедурным вопросам: оно касается познания, процесса приобретения знаний; второе относится к результирующим содержательным вопросам: оно касается бытия, обладания, действия.

Это совершенно разные познавательные явления, хотя для обоих используется одно и то же слово. Попытка Д'Альмейды доказать эпистемическую выгоду смешивает эти два значения термина «причины», будь то из-за невежества и неразумия или из-за нечестности.

Обратите внимание также на использование Д'Альмейдой неоднозначных реляционных терминов, таких как «диапазон причин», «способный противодействовать», «в пользу», «более узкий», которые показывают, насколько расплывчато он понимает даже тот расчет «причин», на котором основывается его тезис. Что такое «диапазон причин»? Означает ли это просто набор причин или подразумевается какое-то более сложное количественное сравнение между этими причинами? В каком смысле один такой диапазон причин «узче» другого? Это просто вопрос количества причин или причины должны быть каким-то образом взвешены? Что означает «противодействовать… в пользу»? Относится ли это к простому количественному превосходству или к какой-то причинно-следственной связи? Эти незаданные и неотвеченные вопросы свидетельствуют о нечеткости мыслительных процессов Д'Альмейды.

В заключение, сценарии, предложенные Д'Альмейдой в защиту своей гипотезы об эпистемической прибыли, логически её не подтверждают. Он считает, что, придумав достаточно сложную историю, сможет заставить нас поверить в его кульминацию, — но всё это явно плод его воображения. Если внимательно проанализировать каждый элемент его рассуждений, станет ясно, что ни одна из его попыток не работает. И действительно, повторюсь, немыслимо, чтобы какая-либо попытка сработала.

Попытка доказательства Д'Альмейды не чем иным, как комичным. Она состоит в добавлении посылки (6) к его более ранней схеме (включающей предложения (1) – (5)), благодаря чему можно сделать новый вывод (7) (стр. 219-220):

> «(6) Для любых двух напитков x и y, если оба x и y соответствуют T, и если y занимает более высокое место по шкале содержания алкоголя, чем x, то диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу отказа нашего друга от y, обусловленную тем фактом, что y имеет такое содержание алкоголя, уже, чем диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу отказа нашего друга от x, обусловленную тем фактом, что x имеет такое содержание алкоголя.
>
> Следовательно… (7) Диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу отказа нашего друга от виски, обусловленную тем фактом, что виски имеет такое содержание алкоголя, уже, чем диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу отказа нашего друга от сидра, обусловленную тем фактом, что сидр имеет такое содержание алкоголя».

Я не хочу высмеивать Д'Альмейду (по крайней мере, не слишком сильно), но, безусловно, приведенную выше формулировку можно охарактеризовать как очень расплывчатую и довольно запутанную! Это все равно что говорить с набитым ртом. Он объединяет слишком много вещей в одно утверждение. Никто так не рассуждает, используя столь запутанные и неясные утверждения, по той простой причине, что такое когнитивное поведение неизбежно приводит к

ошибкам. Он прибегает к множественным дефисам, потому что не знает, как четко и точно сформулировать свою мысль: как разбить ее на более мелкие части, а затем логически связать их вместе.

Он пытается защитить свою презентацию, говоря: «несмотря на сложную на вид формулировку, [она] констатирует простой тезис». Его цель сформулирована явно: «установить не просто вывод о том, что наш друг откажется от виски — то есть утверждение в (5), — но и дальнейшее утверждение о том, что этот вывод «тем более» оправдан или что он «еще сильнее» следует из соответствующих предпосылок». Но его средства достижения этой цели далеко не ясны и далеко не убедительны. Ему определенно не удается продемонстрировать, что вывод (5) может быть эпистемически «сильнее», чем вывод (2a).

Его утверждение об эпистемической выгоде слишком грубо сформулировано. Ему не удаётся полностью конкретизировать то, что он имеет в виду, и эффективно убедить других. Урок, который быстро усваивается при работе с формальной логикой, заключается в том, что то, что на первый взгляд кажется мыслимым или разумным, при более тщательном рассмотрении может оказаться немыслимым или неразумным. Опыт учит, что сам факт наличия мысли не гарантирует её ценности. Необходимо продолжать углубляться в мысль, пока она не станет абсолютно ясной и несомненной, прежде чем придать ей убедительность. Не следует обманываться заманчивыми внешними проявлениями. Следует избегать расплывчатого или приблизительного мышления. Бесполезно надеяться, что никто не заметит недостатков, и вам это сойдёт с рук. Кто-то обязательно в конце концов разоблачит некомпетентную попытку.

Д'Альмейда предлагает своего рода процесс проверки своего аргумента (посредством последовательных промежуточных выводов: «Следовательно (из (1) и (2))» … «Следовательно (из (2) и (3))» … «Следовательно (из (1) и (4))» … «Следовательно (из (2), (3) — которые вместе подразумевают (4) — и (6))). Обратите внимание, что логически отсутствует здесь, между (6) и (7), утверждение о том, что сидр и виски являются напитками и, следовательно, относятся к x и y; но это не так важно. Важно то, что Д'Альмейда *нигде фактически не подтверждает* идею эпистемической выгоды, которая является его фактическим тезисом. Все, что он подтверждает, в лучшем случае (по правде, как показано ниже, даже этого нет), — это результат вычисления так называемых «причин», которые он смутно проецирует, — остальное — это его грубое *неверное толкование* того, что это означает или подразумевает. Следовательно, процесс проверки Д'Альмейды — это не логика, а грубость. софистика.

Следует отметить и подчеркнуть, что дополнения (6) и (7) представляют собой *подготовку* . То есть, Д'Альмейда намеренно разработал дополнительную посылку (6) таким образом, что вывод (7) неизбежно следует, когда переменные x и y заменены терминами «сидр» и «виски». Здесь нет никаких дополнительных рассуждений; нет рассуждений, которые были бы связаны с предшествующим аргументом a fortiori (т. е. с предложениями (1) – (5)) и при этом существенно его усиливали. Посылка (6) — это самостоятельный тезис с переменными x и y, а (7) — это применение этого же самостоятельного тезиса с конкретными терминами «сидр» и «виски». Единственное задействованное рассуждение — это просто применение данного общего правила к конкретным терминам, приведенным в пункте «если и x, и y

соответствуют T, и если y занимает более высокое место в шкале содержания алкоголя, чем x, то…».

Безусловно, антецедент (6) содержит элементы предшествующего аргумента a fortiori, а именно (2) «x соответствует T» и (3) « y занимает более высокое место, чем x, по шкале содержания алкоголя», а также их совместное следствие (4) «y соответствует T»; однако антецедент (6) не содержит посылку (1) и, следовательно, не подразумевает заключение (5). Консеквент (6) также содержит косвенные ссылки на аргумент a fortiori, подразумевая, что субъект может отказаться пить y («наш друг отказывается от y») и что y содержит некоторое количество алкоголя («y имеет такую степень содержания алкоголя, какую имеет»); это также создает впечатление связи с аргументом a fortiori, поскольку последний имеет схожие следствия из (5) (« Наш друг откажется от y») и из (3) («Виски занимает… место по шкале содержания алкоголя»).

Тем не менее, несмотря на эти частичные отсылки к аргументу a fortiori, нельзя сказать, что предложение (6) имеет с ним какую-либо существенную логическую связь. Ключевые элементы о двух «диапазонах причин», один из которых «уже», чем другой, — они совершенно не связаны с аргументом a fortiori. Это всего лишь его слова. Единственная связь между ними заключается в том, чтобы искать ее в воображении Д'Альмейды и его желании, чтобы они были связаны. Он, очевидно, считает, что его расплывчатый расчет «причин» имеет значение, но он никоим образом не доказывает это утверждение. Выдвижение утверждения не является доказательством его обоснованности.

Из этого следует, что утверждение «если-то» в (6) является обманом; оно специально создано для того,

чтобы подтасовать желаемый результат. Очевидно, оно выведено задним числом из (7), чтобы создать иллюзию, что (7) — это заключение, тезис с доказательством. Но (7) — это явно выдумка, тезис без доказательства. Антецедентное предложение в (6) вставлено, чтобы указать нам на предшествующий аргумент a fortiori, чтобы он казался релевантным для нынешней попытки расширения (т.е. предложений (6) и (7)), но консеквентное предложение в (6), а именно «тогда диапазон причин [и т. д.]», не имеет к нему логической связи — это просто , повторюсь, его произвольное утверждение. Добавленная посылка (6) вводит из ниоткуда смутно продуманный «расчет причин» Д'Альмейды; он не доказывается каким-либо серьезным образом. Следовательно, (7) — это *предрешенное заключение* ; То есть это не заключение аргументативного процесса, а сфабрикованный и совершенно ложный результат. Это наводит на вопрос.

Иными словами, ***можно поставить на его место любой тезис, и точно так же получить запрограммированный результат!*** Например, в утверждениях (6) и (7) можно было бы с таким же успехом сказать «шире», а не «уже». Или даже: (6) Для любых двух напитков x и y, если и x, и y соответствуют T, и если y занимает более высокое место в шкале содержания алкоголя, чем x, то зависимость Микки Мауса от y делает его толще, чем зависимость Дональда Дака от x; следовательно, (7) зависимость Микки Мауса от виски делает его толще, чем зависимость Дональда Дака от сидра. Это показывает, насколько надуманным и смешным является аргумент Д'Альмейды. Допустимо всё что угодно, поскольку гипотетическая предпосылка (6) является *логической ошибкой* , то есть её антецедент и консеквент логически не связаны.

Если тщательно деконструировать таким образом утверждения (6) и (7), становится очевидно, что нельзя утверждать, что они доказывают главный тезис о том, что заключение (5) является или даже может быть буквально сильнее (2a), даже если бы мы приняли его утверждение о том, что задействованные «причины» имеют эпистемическое значение, что (по уже изложенным причинам) мы, конечно, не принимаем и не можем принять. Использование длинных терминов через дефис в его дополнительных утверждениях не является главной проблемой, заметьте; даже с более простыми и ясными терминами эти утверждения были бы бесполезны и вводили бы в заблуждение. Главная проблема заключается в их логической несогласованности с аргументом a fortiori (т.е. (1) – (5)). Развитие идеи эпистемической выгоды у Д'Альмейды явно изобилует ошибками, удивительно многочисленными ошибками.

Тем не менее, длинные термины с дефисами играют важную *психологическую* роль в том, что аргументы Д'Альмейды принимаются, поскольку люди, читающие предложения (6) и (7), мысленно вовлекаются в попытку осмыслить эти термины, и, находя их слишком сложными, вскоре перестают пытаться их понять, а затем наивно предполагают, что содержащие их предложения (6) и (7) должны означать нечто разумное и логически правдоподобное, поскольку их автор верил в них, а редакторы и издатели их проигнорировали. Я не полагаю, что Д'Альмейда сознательно хотел обмануть; но я думаю, что он, по крайней мере, подсознательно был готов обмануть. Такая интеллектуальная небрежность не может быть совершенно безобидной; автор должен был на каком-то уровне осознавать свой обман, но он предполагал, что ему это сойдет с рук.

Следует отметить, что Д'Альмейда не считает, что аргумент a fortiori всегда подразумевает эпистемическую выгоду. Как он выражается: «утверждение о том, что вывод о цели вывода a fortiori «сильнее» подкреплен, чем параллельный вывод о его источнике, по-видимому, является лишь типичным, а не обязательным утверждением того, кто приводит аргумент a fortiori» [73]. Разница, по его словам, обусловлена «элементами, которые являются характерными, но не существенными компонентами выводов a fortiori» (стр. 222). Что это за элементы? По-видимому, оговорка «и нет никаких опровергающих соображений», вставленная в его посылки (1) и (4), и дополнительная посылка (6) (стр. 223).

Это размышление возникает, когда Д'Альмейда с опозданием осознает противоречие в своем сценарии между первоначальным предположением о том, что мужчина хочет избегать чрезмерного употребления алкоголя, и его последующим допущением, что мужчина может все равно принять такие напитки, и пытается исправить проблему, переформулировав свою первоначальную посылку в условной форме с оговоркой, что «нет никаких опровергающих

[73] Утверждение Д'Альмейды о том, что аргумент a fortiori не всегда подразумевает эпистемическую выгоду, создает двусмысленность. Говорит ли он, что его предполагаемый «расчет оснований» (а) всегда применим, но не всегда применяется? Или он утверждает, что он (б) не всегда применим? Если он выбирает (а), почему он не говорит об этом открыто, а вместо этого ссылается на обычное поведение? Если он выбирает (б), ему следует уточнить, при каких именно условиях он неприменим. В любом случае, ссылка на неуказанные «противоречащие соображения» не решает этот вопрос. Предположительно, если такие соображения вступают в игру, они опровергают не только сам аргумент a fortiori, но и примененный к нему расчет оснований. Но можно ли опровергнуть расчет оснований независимо от аргумента a fortiori? Этот вопрос Д'Альмейда оставляет без ответа.

соображений» (стр. 221). Это приводит его к обсуждению «опровержимых условных предложений», и он подтверждает необходимость «какого-либо дополнения, указывающего на отсутствие исключений», если мы хотим «делать дедуктивно обоснованные выводы» (стр. 222). Но эта оценка Д'Альмейды неуместна по двум причинам.

Во-первых, как я объяснил ранее, когда мужчина действительно находится под влиянием просьбы сына попробовать его вино, аргумент a fortiori фактически аннулируется, и вместо него действует данное утверждение о том, что он согласится выпить. Это верно как в более простом сценарии, где мужчина боится любой головной боли, так и в более сложном сценарии, где мужчина боится невыносимой головной боли, как мы видели. Таким образом, аргумент a fortiori как таковой не может содержать в себе модифицирующее предостережение — предостережение логически находится вне его [74]. Правильно сформулированный аргумент a fortiori всегда обладает дедуктивной силой; его нельзя справедливо квалифицировать как «опровержимый», предполагая, что его посылки истинны. Обращение Д'Альмейды к понятию «опровержимых» аргументов — это всего лишь попытка завуалировать недостатки своего проекта с помощью псевдоинтеллектуальной двусмысленности.

Во-вторых, в рамках формальной логики невозможно построить аргумент, используя такие расплывчатые оговорки, как «и нет никаких опровергающих

---

[74] Д'Альмейда на стр. 222 отмечает, что некоторые люди могли бы выдвинуть это возражение, и признает, что «в этом мнении есть доля правды»; но он предпочитает (не приводя здесь точных причин) игнорировать возражение и все равно вставить указанную расплывчатую оговорку в свой аргумент. В следующем абзаце я объясню, почему это плохой выбор.

соображений» или «при прочих равных условиях». Это признание с самого начала того, что не удалось сформулировать полный аргумент, подлежащий формальной проверке. Это неточность и неопределенность, маскирующиеся под точность и решительность. Ситуации, которые Д'Альмейда описывает гипотетически, могут быть ассимилированы в рамках формальной логики, но только тем способом, который я подробно описал ранее в своих подготовительных замечаниях. Его попытка сделать это другим способом лишь демонстрирует ограниченное понимание рассматриваемых вопросов.

Несмотря на приведенное выше замечание Д'Альмейды о том, что эпистемическая выгода типична, но не необходима, что предполагает применимость его дополнений на практике к большинству, но не ко всем конкретным случаям, я по-прежнему утверждаю, что эпистемическая выгода логически неприменима, никогда, независимо от того, что он или другие люди себе представляют. Следует также отметить, что он не только не может должным образом сформулировать и обосновать свой тезис, но и пытается защитить его лживыми средствами. Он воображает, что ему достаточно сказать следующее, чтобы сделать свое предложение убедительным (стр. 220):

> «Я думаю, что этот третий шаг вывода, или что-то подобное, — это то, что нам нужно выявить, чтобы осмыслить идею о том, что вывод, сделанный в аргументе a fortiori относительно объекта вывода, является выводом, который следует «еще в большей степени» из соответствующих посылок, чем параллельный вывод об источнике».

Обратите внимание на запасной вариант: «или что-то подобное» – это означает, что в глубине души он понимает, что его введение предложений (6) и (7) расплывчато и невероятно, но надеется, что кто-нибудь другой предложит более точное и убедительное обоснование его фарса.

До сих пор Д'Альмейда действовал в *основном в неформальном* ключе, развивая свой тезис на примере сидра и виски (плюс некоторые символы, а именно T, x и y). Но далее он пытается перейти к *более формальному выражению* , переформулируя упомянутые выше два дополнительных утверждения в более общих терминах (с добавлением символов P и Q) следующим образом (стр. 223):

> «(6) Для каждого x и каждого y, если и x, и y встречаются с T, и если y занимает более высокое место, чем x, по шкале P, то диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу того, что y имеет P в той степени, в которой это так, уже, чем диапазон причин, способных опровергнуть причину (причины) в пользу того, что x имеет P в той степени, в которой это так.
>
> Следовательно… (7) Диапазон причин, способных опровергнуть причину(ы) в пользу того, что b является Q, обусловленную тем фактом, что b имеет P в той степени, в какой оно есть, уже, чем диапазон причин, способных опровергнуть причину(ы) в пользу того, что a является Q, обусловленную тем фактом, что a имеет P в той степени, в какой оно есть».

На практике эта так называемая «формализация» лишь *еще больше скрывает* неэпистемическое

истинное значение термина «причины», использованного в исходном сценарии. В более неформальном изложении истинное значение более очевидно, поскольку мы все еще помним повествование, на котором оно основано, а именно историю человека, связанную с алкогольными напитками. Но в этом относительно формальном изложении больше нет фонового повествования, раскрывающего истинное значение термина. Фактически, без какого-либо логического обоснования, Д'Альмейда обобщил свое изложение от неэпистемических «причин» к эпистемическим. Эта экстраполяция ошибочна, поскольку эти два набора «причин» принципиально различны, как мы уже видели.

Следует отметить, что далее (на стр. 223-224) он по аналогии разрабатывает аналогичный набор дополнений для своей второй формы аргумента «тем более», то есть для формы, касающейся «несоответствия» порогу. Это, разумеется, такой же ложный аргумент, как и предыдущая, позитивная форма.

В своем заключительном слове Д'Альмейда заявляет (стр. 233):

> «Моя цель в этом разделе — проиллюстрировать иллюстративную силу аргументационных схем, изложенных и объясненных в предыдущих разделах, и развеять возможное возражение о том, что работа с этими схемами вносит определенную сложность, которая скорее препятствует, чем помогает нашему пониманию и оценке реальных примеров аргументов «тем более», используемых в судебных решениях. Я надеюсь показать, что эти схемы не просто очень полезны, но и необходимы

> для надлежащего анализа таких реальных аргументов».

Я бы возразил, без злого умысла, что его подход к аргументу фортиори действительно более запутан, чем необходимо. Мои стандартные формы гораздо проще и точнее представляют аргумент фортиори. Зачем использовать плохую имитацию, когда можно использовать настоящую? Зачем везти больную лошадь, когда есть здоровая?

Ранее я утверждал, основываясь на сравнении формул Д'Альмейды для аргумента a fortiori с моими предыдущими выводами, что его подход полностью и исключительно основан на моем, пусть и несовершенным образом. Это не могло быть случайным независимым открытием, поскольку он признает, что имеет доступ к моей работе. Если у кого-то еще оставались сомнения относительно того, разработал ли он самостоятельно положения (1) – (5), то теперь из приведенного выше анализа положений (6) и (7) должно быть ясно, что ему не хватало логического понимания и навыков для этого.

Очевидно, что, хотя он и может выражать мысли, почерпнутые у других, он не способен формулировать и обосновывать собственные идеи. Как только он пытается самостоятельно углубиться в неизведанную область, он безнадежно теряется. Его легкомысленное отношение к идее эпистемической выгоды является абсолютным доказательством его логической некомпетентности. Д'Альмейда, несомненно, не является оригинальным логиком, не овладел тонким искусством исследования в области формальной логики. Конечно, он заслуживает похвалы за проявленный интерес к логике a fortiori и попытки открыть новые горизонты; но попытка — это не то же

самое, что успех. Он, очевидно, не внес в эту область абсолютно ничего.

5. Выступление Питера Китинга

В целом, игра Д'Альмейды напоминает мне персонажа Питера Китинга из знаменитого романа Айн Рэнд *«Источник»* , который я читал в подростковом возрасте и который меня очень вдохновил. Этот вымышленный персонаж олицетворяет собой «второго человека», человека, не обладающего собственными творческими способностями, который заимствует идеи и продукты (в его случае, в области архитектуры) у подлинного новатора, «первого человека» (в романе его воплощает Говард Роарк). Китинг — архитектор второго сорта, чьи строительные планы представляют собой скопированные и вставленные из работ других архитекторов проекты, который, тем не менее, пользуется большим успехом и восхищением коллег просто потому, что его коллеги так же лишены видения и здравого смысла, как и он.

Как мы видели, в своей статье 2017 года *«Аргументация фортиори»* Д'Альмейда бесстыдно делает вид, что открывает и раскрывает две формы аргументации фортиори, хотя всё, что он представляет, уже явно содержится в моей работе 2013 года *«Логика фортиори»* (и, по сути, даже задолго до этого, в моей работе 1995 года *«Иудейская логика* »), и хотя он неохотно признаёт, всего лишь в сноске, что поверхностно знаком с моей работой. На протяжении всего эссе он предстаёт как оригинальный и независимый исследователь логики, который медленно, но верно прокладывает себе путь к новым и важным открытиям. Он представляет свою

работу как новаторское исследование в области логики фортиори, хотя в ней почти нет ничего нового, и, кроме того, много ошибок и упущений. Он ни разу не признаёт своего интеллектуального долга перед моей работой.

Таким образом, Д'Альмейда ворует и присваивает себе идеи и результаты, появившиеся в результате многолетних исследований и размышлений по данной теме. Даже если он не использует точно те же формулировки и символы, чтобы избежать текстового плагиата, это все равно является плагиатом идей. Возможно, мы имеем дело не с человеком, занимающимся сознательным, систематическим присвоением чужих идей, а с тем, кто бегло просмотрел одну-две главы моей работы — которая очень обширна по охвату, подробна и обстоятельна — и выделил несколько фрагментов, понятных его ограниченному интеллекту, затем перефразировал их в более удобную для него формулировку и представил себя их автором. Возможно, это было просто проявлением эгоизма; но это все равно предосудительно.

Единственная идея, которую Д'Альмейда не украл у меня, но на авторство которой я могу претендовать (мне всё равно), — это его представление о том, что заключение аргумента a fortiori является (или может быть) буквально «сильнее» эпистемически, чем его посылки (или, точнее, чем более ранний побочный эффект от них). Это представление, которое я обозначил (для краткости) как «эпистемическая выгода», противоречит универсальному логическому принципу. Д'Альмейда легкомысленно игнорирует этот установленный принцип и пытается доказать свою позицию, вводя различные сложности в свою схему a fortiori. Как я подробно показал (в предыдущем разделе), его попытка

продемонстрировать эпистемическую выгоду полна софистики различного рода и поэтому совершенно невероятна. Если бы требовалось доказательство того, что Д'Альмейда интеллектуально не способен представить свои две основные формы аргумента a fortiori без ссылки на мою работу, его многогранная попытка продемонстрировать эпистемическую выгоду предоставляет такое доказательство.

Позвольте мне внести ясность: я считаю, что нет ничего плохого в передаче результатов исследований других людей. Именно для этого я и пишу – для расширения и распространения знаний. Я хочу, чтобы знания передавались и были доступны всем. Мои мотивы исключительно благожелательны – я занимаюсь этим не ради славы или богатства. Именно из искреннего сострадания к удивительному невежеству многих людей в области логики и философии я посвятил много лет своей жизни исследованиям и написанию работ по этим темам, а также потратил немало денег и времени на распространение своих результатов. Но я настаиваю на правильном цитировании, чтобы люди знакомились с оригинальной теорией, а не с её подделкой. Меня возмущает не то, что Д'Альмейда использует мою работу, а его вопиющее упущение, заключающееся в том, что он не упомянул, что это моя работа. Меня не льстит его подражание, потому что оно сделано нечестным и неуважительным образом.

Ему достаточно было лишь четко заявить в самом начале своего эссе что-то вроде: «Я благодарен Ави Сиону за его работу по формализации аргумента «теоретически», которая вдохновила меня применить его в современной юридической сфере». Так поступают честные люди. Это благородный поступок. В таком случае я бы просто изучил, раскритиковал или похвалил его работу с точки зрения точности и

полноты, или, возможно, действительно новых идей. Но он выбрал низкий путь, путь Питера Китинга. По-видимому, он думал, что ему это сойдет с рук, потому что моя работа издана самостоятельно. На это указывает его странное утверждение в сноске 8: «В этой поразительной (и изданной самостоятельно) книге, которая включает, помимо прочего, подробное исследование темы, Сион…». Почему «и изданной самостоятельно», спрашиваю я?

Похоже, Д'Альмейда относится к числу тех, кто считает, что если книга «издана самостоятельно», то, какой бы «яркой» она ни была и каким бы «подробным» исследованием ни являлась, она не имеет социального или юридического статуса. Для него самоиздание подразумевает « *отсутствие одобрения какого-либо авторитетного источника* » и, следовательно, « *фактически несуществующее, не нуждающееся в должном признании* ». Хотя он и считается экспертом в области права, очевидно, он считает, что автор, издавший книгу самостоятельно, — это тот, у кого можно свободно «заимствовать» материалы, не вызывая общественного неодобрения и не нарушая авторские права. Это, конечно, типичное отношение для тех, кто пользуется чужими книгами. Д'Альмейда, очевидно, считает, что надежность и авторитет книги проистекают не из ее внутренней достоверности и ценности, а из одобрения каких-то анонимных «рецензентов», нанятых известным «редактором» или «издательством» [75].

Но, на мой взгляд, «экспертная оценка» — это огромная афера: если сами «эксперты» не знают ничего лучше или не умнее, как они могут заметить

---

[75] Более подробно об этой теме можно прочитать в моем эссе «Самоиздание и издание другими издательствами», опубликованном в качестве главы 6 в данном томе.

источники или ошибки? Если их можно обмануть поддельной работой, то какой от них толк? Именно поэтому я обычно избегаю обращения к «другим публикациям». Как могут люди, которые знают меньше или менее умны, судить о работе тех, кто на самом деле знает больше?

В данном случае, если бы рецензенты, нанятые журналом The Modern Law Review, обладали знаниями и навыками в области логики a fortiori, они бы наверняка заметили нечестность, ошибки, упущения и софистику Д'Альмейды. Поскольку они этого не сделали, но одобрили публикацию статьи « *Аргументируя a fortiori* как есть», мы должны сделать вывод, что они не обладали знаниями или навыками, а сами притворялись. Тем не менее, редакторы и издатели The Modern Law Review доверили им задачу рецензирования и отбора! За эти годы я часто убеждался в том, что слепой ведет слепого.

В конце первой страницы своей статьи Д'Альмейда высокопарно пишет: «За полезные комментарии и обсуждения я благодарен…», перечисляя имена восьми человек (меня среди них нет), а также «Эдинбургскую исследовательскую группу по теории права», «аудитории в Оксфорде и Лиссабоне» и «двух анонимных рецензентов журнала The Modern Law Review». Из этого мы должны сделать вывод о его большой скромности и открытости, а также о поддержке многих, предположительно, влиятельных лиц и учреждений. Опять же, это типичное поведение человека, воспринимающего информацию из вторых рук. Такие люди живут в своем собственном мире, оторванном от реальности.

Чтобы еще больше подчеркнуть свою независимость и оригинальность, Д'Альмейда принижает мою работу, упоминая ее лишь в конце эссе, и то кратко,

вскользь, в сноске, как бы между прочим, как нечто второстепенное . И даже тогда, как мы видели, у него хватает наглости прибегать к фальшивой критике и снисходительному отношению к моей работе, что лишь подчеркивает ограниченность его логического мышления. Стоит отметить, что он ни разу не писал мне со смиренными вопросами или даже высокомерной критикой до публикации; и он никогда не сообщал мне о завершении и публикации своего эссе (о котором он, в конце концов, упоминает и критикует). Все его тексты и критика были написаны тайком, за моей спиной, как и следовало ожидать от человека, занимающегося интеллектуальным воровством и клеветой.

Я, конечно, не утверждаю, что критики быть не должно. Критика, безусловно, приветствуется – более того, она является *необходимым условием* интеллектуального прогресса. Но критика должна быть направлена на реальные технические или доктринальные недостатки и являться результатом более глубоких исследований и понимания, чем то, что подвергается критике. Выдумывать мнимые недостатки, заниматься манипуляциями и намеками, чтобы казаться выше других, – вот что предосудительно. Истинный интеллектуал с глубоким уважением относится к реальности; для него или нее мысль не является инструментом манипуляции.

На протяжении всего эссе Д'Альмейды мы видим использование языка, указывающего на новые открытия, сделанные им. В самом начале, в аннотации, и снова во введении, он утверждает, что аргументы a fortiori до сих пор «недостаточно хорошо поняты» и «не привлекли особого внимания», и позиционирует себя как тот, кто «добьется определенного прогресса» и «выявит форму» таких аргументов:

> «Но чем именно они отличаются и почему они важны? Это менее ясно. Несмотря на свою популярность, аргументы a fortiori плохо изучены и не привлекают особого внимания со стороны теоретиков права. В этой статье я попытаюсь продвинуться в этом вопросе. Я буду преследовать две цели. Первая — выявить форму аргументов a fortiori, сформулировав те предположения, которые, хотя обычно и не озвучиваются, являются необходимыми элементами аргументов такого рода» (с. 202).

Это *обман* , поскольку уже существует опубликованная работа (мой AFL), объемом около 700 страниц формата A4, в которой тема аргумента a fortiori рассматривается скрупулезно, как на формальном уровне, так и в историко-критической перспективе (включая научное описание и оценку около 30 теорий по этому вопросу). Он знает о ней, даже если, очевидно, не читал ее целиком, а, возможно, лишь несколько страниц тут и там; и, как мы видели, он в значительной степени опирается на нее, пусть и некомпетентно; тем не менее, он не признает ее должным образом, чтобы создать ложный образ своей работы как необходимой и новаторской.

Я могу привести еще множество фраз или предложений, призванных создать образ инновации в процессе: «Итак, давайте начнем с попытки определить ее элементы и структуру»; «Чтобы начать понимать аргумент» (стр. 204). «Теперь, определяя это предположение… мы выделили то, что я назову «скалярным» свойством: свойство… которым что-то может обладать либо больше, либо меньше. И мы также ясно дали понять, что в этой шкале существует

соответствующий порог»; «Похоже, что в аргументе происходит следующее…»; «Вот первая попытка реконструкции…»; «Это нужно будет доработать, но это направляет нас на правильный путь…» (стр. 205). «Я сказал, что наша работа по реконструкции еще не завершена — возможно, в… аргументе есть нечто большее, чем мы обнаружили до сих пор»; «Мы можем попытаться начать выделять форму этого аргумента: общую форму, то есть форму подобных аргументов. Что нам следует сказать? Вот первая, половинчатая попытка» (стр. 206). «Но, как я уже сказал, нам еще многое предстоит выяснить» (стр. 208). «Наше обсуждение до сих пор выявило три простые, но важные особенности a fortiori» (стр. 209). «средство проверки того, действительно ли предложенные мной схемы отражают эти аргументы» (стр. 212).

И в довершение всего, в заключении (стр. 237) Д'Альмейда, вводя в заблуждение, заявляет:

> «…до сих пор научным кругам уделялось очень мало внимания подобным выводам, которые оставались довольно малоизвестными как для юристов-практиков, так и для теоретиков. Данная статья была попыткой исправить это положение дел. Я стремился выявить отличительную форму выводов a fortiori и показать, как знание их структурных особенностей может помочь нам оценить реальные примеры аргументации как с точки зрения логической обоснованности, так и с точки зрения содержательной корректности».

Утверждение о том, что аргументам a fortiori «до сих пор уделялось очень мало внимания со стороны ученых» и что они «остались довольно

малоизвестными для… теоретиков», — это, конечно же, наглая ложь. Она призвана создать впечатление, что Д'Альмейда совершил прорыв в теории. Но, как мы видели, это не так. Она также призвана создать впечатление, что он ученый, способный отличать научную работу от ее отсутствия. Но его поведение на протяжении всего эссе демонстрирует, что он является полной противоположностью ученого; он понятия не имеет, что такое настоящая научная работа: присвоение им чужих идей (моих) без должного указания источника; его неспособность полностью прочитать и усвоить крупную работу (AFL) перед тем, как пытаться ее критиковать; использование им фальшивой критики, чтобы отвлечь читателей от источника своих идей — все это свидетельствует о его некомпетентности в научной работе.

Как уже упоминалось, в AFL я до мельчайших деталей, предложение за предложением, слово за словом, анализирую работы практически всех, кто хоть что-то написал об аргументе a fortiori: вот *это и* есть научная работа. И она немаленькая: некоторые из этих анализов длиннее самих текстов, и на их выполнение ушли месяцы ежедневной, добросовестной работы. Настоящее эссе, касающееся предполагаемого вклада Д'Альмейды, написано с таким же добросовестным вниманием к деталям и длиннее статьи, которую оно оценивает. Очевидно, Д'Альмейда не просто невежественен, но и нечестен. Он не изучал литературу тщательно перед написанием своей статьи, но притворяется, что знает её.

Справедливости ради, работа Д'Альмейды написана неплохо. Он развивает тему таким образом, что в ней виден некоторый потенциал, если бы только он потрудился изучить её более подробно и уделил больше внимания личной этике. Как преподаватель, я ясно вижу все те аспекты аргументации a fortiori,

которым он научился у меня, и испытываю некоторое удовлетворение от этого. Что действительно утомляет, так это его претенциозность, и, конечно же, все ошибки, упущения и софистика в его работе, на которые мы здесь указали.

Здесь я говорю, в первую очередь, о логических аспектах его эссе; меня не столько интересуют юридические применения или принципы, которые он рассматривает. Я не пытаюсь оценить его знания и понимание современного права. Моя единственная забота здесь, по сути, касается вопросов формальной логики. Д'Альмейда вполне мог бы признать мои формализации аргумента a fortiori и продолжить свой анализ юридического дискурса сколько душе угодно. Что вызывает у меня негодование, повторюсь, так это то, что он фактически незаконно претендует на мои предыдущие формальные выводы.

Некоторые читатели, возможно, справедливо зададутся вопросом, почему я потратил столько времени на опровержение работ очень незначительного игрока в области логики и философии. Я сам задавал себе тот же вопрос: если я считаю этого человека довольно невежественным и неумным, зачем вообще с ним возиться? Конечно, мне было бы лучше потратить время на критику Канта или Витгенштейна и других известных писателей, которые нанесли гораздо больший вред логике и философии. Существуют сотни, если не тысячи, второсортных (или третьесортных, или четвертосортных, или пятисортных) писателей и лекторов, подобных Д'Альмейде, которые говорят всякую глупость. Невозможно критиковать их всех подробно, как было бы идеально.

Честно говоря, мне совершенно наплевать, что этот конкретный экземпляр говорит или не говорит. Тем не

менее, поскольку я проделал очень важную новую работу в области логики a fortiori, я считаю себя её хранителем. Я считаю своим долгом, пока я жив и здоров, защищать эту конкретную область от некомпетентных захватчиков. Попытка Д'Альмейды оказать влияние на эту область нуждалась в оценке. Тот факт, что эта оценка выявила его многочисленные недостатки, не умаляет её ценности. Мы можем учиться на ошибках других, а также на их хорошей работе. Мы можем многому научиться в области логики, наблюдая за проделками софистов.

Позвольте мне теперь немного порассуждать на социальные темы. Недостойное поведение, подобное тому, что продемонстрировал Д'Альмейда, кажется, стало довольно распространенным явлением в некоторых академических кругах в наши дни. Похоже, что в этой среде честность не высоко ценится, или же ее отсутствие недостаточно осуждается. Существует сильное давление, требующее высокой производительности, но низкое качество продукта не считается слишком серьезной проблемой. Проблема такого культурного контекста заключается в том, что он наносит большой вред науке. Серьезные работы подвергаются критике со стороны людей, которые не знают, о чем говорят; и в конечном итоге третьим лицам становится трудно отличить зерна от плевел. Таким людям было бы разумнее молчать, чем говорить глупости и затуманивать воду. Подстрекаемые тщеславием, стремясь быть замеченными и восхищенными, они просто выставляют себя на посмешище, демонстрируя свое невежество на публике, и вводят в заблуждение многих людей. И мало кому в конечном итоге это важно: достаточно одобрения какого-либо издателя, учреждения или знаменитости, чтобы убедить их.

Я также хочу привести этот случай в качестве примера и привлечь внимание к плачевному состоянию академической среды и академических публикаций, по крайней мере, в области философии и логики (хотя, как я понимаю, это верно и для других областей). Очевидно, что друзья или коллеги Д'Альмейды по факультету (по крайней мере, те, кого он упоминает по имени), а также двое *анонимных лиц* Рецензенты журнала Modern Law Review , по сути, все не обладали необходимыми логическими знаниями и навыками, чтобы должным образом оценить рассматриваемую статью и указать на ошибки. *Мы не знаем их квалификации и прошлых интеллектуальных достижений, тем не менее, к ним относятся и представляют их как авторитетов* . И печально то, что это не исключение. «Престиж» учреждения и некоторых сотрудников не делает рецензентов невосприимчивыми к невежеству и некомпетентности. Их одобрение, очевидно, зачастую на самом деле имеет небольшую или даже нулевую объективную ценность. Должность не гарантирует знаний или навыков – она лишь обозначает положение.

Авторы научных работ по логике и философии не смогут создать качественный материал, если их мотивацией будет лишь личная амбиция – желание выделиться и произвести впечатление на коллег, а может быть, получить или сохранить определенные академические должности или даже просто финансовую выгоду. Такие мотивы могут породить только «фейковые новости». Логика – это не игра и не эгоцентризм, а серьезное человеческое начинание, направленное на благополучие человека. Хорошие рассуждения иногда спасают или улучшают жизни, а плохие – подвергают их опасности или негативно влияют на них. Удачный аргумент в суде может

привести к справедливости, а неудаленный – к несправедливости.

Исследователи в области логики и философии должны быть мотивированы истиной, как идеалистической, так и фанатичной. Они должны рассматривать научную истину как *священную цель* всех исследований. Они должны рассматривать исследования как *духовный акт* , акт, требующий от них силы добродетели. Только так они смогут работать тщательно и неустанно, пока не достигнут действительно достоверных результатов. В области логики нет места для лжелогиков, которые манипулируют или имитируют логическую теорию, чтобы создать видимость подлинных логиков. Логика — это научная дисциплина, а не игровое поле или театральная сцена.

В заключение я хотел бы поразмышлять об обычно оглушительном молчании авторов статей, касающихся аргумента «тем более», в ответ на мои подробные критические замечания по поводу их работ. Обычно они не отвечают; а если и отвечают, то лишь с негодованием отрицают какие-либо интеллектуальные нарушения. Никто из них не пишет мне в ответ: «О, спасибо, я действительно благодарен вам за то, что вы так подробно проанализировали мою работу и указали мне на ее недостатки!» Как говорится в *Дхаммападе* (ст. 76), в более духовном контексте:

> « *Относитесь к человеку, который указывает вам на ваши недостатки, как к сокровищу, спрятанному в земле* » .

И это древнее произведение мудрости добавляет, что человек, указывающий людям на их недостатки, «будет любим добрыми и ненавидим дурными» (§77).

Мне кажется, что искренний искатель истины всегда будет рад исправлению. Поэтому я делаю вывод, что те, кто не проявляет благодарности – либо угрюмо отказываясь отвечать на критику, либо громко отрицая ее, независимо от представленных доказательств, – такие люди не могут быть истинными научными исследователями. Я жду, как Д'Альмейда отреагирует на нынешнюю резкую критику его статьи.

Прескрипт и постскрипт

Когда несколько месяцев назад я наткнулся на эссе Д'Альмейды, у меня произошла следующая переписка по электронной почте (это было в марте 2017 года). Завершив анализ этой переписки, я рад сказать, что мои первоначальные впечатления, выраженные в электронных письмах, были вполне уместны.

- От Ави Сиона: «Господин Д'Альмейда. Я автор книги «Логика А Фортиори». Я только что нашел в интернете вашу статью «Аргументация А Фортиори» и бегло ее просмотрел. Должен сказать, моя первая реакция — это негодование. Негодование по поводу того, что вы проявляете так мало уважения к моей работе, которую, как я подозреваю, вы прочитали всего одну-две главы, причем поверхностно, и при этом используете большую часть терминологии и идей, содержащихся в ней, без должного указания источника. У вас хватает наглости в одной лишь сноске назвать мои формулировки «слишком грубыми, чтобы отдать должное его идеям» и сделать другие несправедливые замечания по этому поводу! Помимо нечестности, могу сказать, что есть вещи, которые вы не поняли и неправильно истолковали. Сейчас я слишком

занят, чтобы писать статью, разоблачающую это, но надеюсь сделать это в будущем. И это будет самоиздание».

- От Луиса Дуарте Д'Альмейды: «Уважаемый господин Сион. Прочитав некоторые тексты на вашем сайте, я не могу сказать, что удивлен ни тоном, ни содержанием вашего письма. С нетерпением жду возможности прочитать вашу статью. С наилучшими пожеланиями».
- От Ави Сиона: «С вашей стороны нет ничего постыдного».
- От Луиса Дуарте Д'Альмейды: «Уважаемый г-н Сион. Я удивлен (неуместным оскорблением) и сожалею, что вы так считаете. Я знаю, что вы не раз чувствовали, что люди, работающие над аргументами a fortiori, нечестно полагались на вашу работу, или уделяли ей недостаточно внимания, или учились на ней, не цитируя ее; и что вы выражаете такие взгляды в резких выражениях на своем веб-сайте (и, собственно, в своей книге). Но я имел в виду то, что сказал – я с нетерпением жду возможности прочитать вашу статью. Я предполагаю, что у вас уже был доступ к предварительной версии моей статьи в формате PDF. Я прилагаю файл MLR, который является окончательной публикацией (хотя текст тот же). С наилучшими пожеланиями».
- От Ави Сиона: «Здравствуйте, господин Д'Альмейда. Не считаете ли вы, что ваше утверждение о том, что мои формализации afa, результат многолетних тщательных исследований, «слишком грубы», было с вашей стороны оскорбительным? Можете быть уверены, что,

> когда я буду писать статью, я буду строго объективен, тем не менее, – как я всегда был строго объективен по отношению к другим, даже когда был разгневан. Мне не нравятся люди, которые ведут себя высокомерно по отношению к чужой работе, чтобы создать впечатление превосходства. Я заметил, что это распространенная черта в наши дни, и решил этого не терпеть. Тем не менее, я ценю ваше последнее письмо. У меня есть ваша статья, которую я получил через ReadCube».

После написания вышеупомянутого эссе я опубликовал его (в сентябре 2017 года) в блоге и сообщил об этом Д'Альмейде следующим образом:

- От Ави Сиона: «Здравствуйте, господин Дуарте Д'Альмейда. Я завершил рассмотрение вашей статьи «Аргументация тем более», опубликованной ранее в этом году в журнале Modern Law Review. Ниже приведены первые два абзаца, которые суммируют мое решение. Надеюсь, у вас хватит терпения и концентрации, чтобы внимательно прочитать все это и извлечь из этого кое-что полезное. Зная, возможно, лучше, чем вы сами, как работает ваш ум, я понимаю, что вы довольно ленивы и не очень умны. Но я прошу вас приложить дополнительные усилия в этом случае».

Я одновременно отправил копии этого электронного письма в соответствующий журнал и в его университет. Меня не удивило, что Д'Альмейда так и не ответил ни с благодарностью, ни в защиту своей диссертации. Он также не отозвал свою фальшивую статью и не принес за нее публичных извинений, как это сделал бы раскаявшийся человек. Уже продемонстрировав свою нечестность и

претенциозность, я не ожидал от него и лучшего поведения. Я также не получил никакого подтверждения или комментария от журнала, что показывает, что они не против публикации плагиата и недостоверных материалов! Университет также не проявил никакой обеспокоенности по этому поводу.

3. Махмуд Зерааттпише

1. Введение

В своей книге 2013 года *«Логика Фортиори»* (далее — Логика Фортиори) я подробно изучил аргумент Фортиори, детально и обширно рассмотрев его формальные разновидности и практическое применение. Я обнаружил и проанализировал множество примеров такого аргумента в мировой литературе, включая работы Платона и Аристотеля, а также некоторых более поздних греческих и римских философов; в Танахе (еврейской Библии), Талмуде (Мишне и Гемаре) и последующих раввинских рассуждениях; в христианской Библии (Новый Завет) и некоторых более поздних христианских рассуждениях, в Коране и хадисах, а также в последующем исламском праве (*фикхе*); в китайских и индийских текстах; в другой древней литературе и в более современной литературе; и практически во всех опубликованных к настоящему времени статьях об аргументе Фортиори. На этом основании я могу с полным правом заявить, что являюсь ведущим авторитетом в этой области; никто никогда прежде и после не проводил столь тщательного исследования аргумента Фортиори.

В указанной книге (AFL 11) я посвящаю одну главу логике, представленной в исламе. Эта глава занимала 48 страниц (формат A4) (стр. 268-315), включая около 13 страниц, посвященных логике в Коране и хадисах, и около 20 страниц — *фикху* ; оставшиеся несколько страниц были посвящены исламу в целом. Эта работа была для меня второстепенной; я прямо указал в ней,

что не ставил перед собой цель провести исчерпывающее исследование. Что касается логики в целом в Коране, я в основном ссылался на несколько случаев, обнаруженных мусульманским философом Абу Хамидом аль-Газали (XI- XII вв н.э.), которые я проанализировал и объективно оценил. Что касается аргументации a fortiori в Коране, мое исследование состояло лишь в механическом поиске по этому документу различных ключевых слов и фраз, указывающих на подобный дискурс; и, к моему удивлению, я не нашел таким образом ни одного случая (удивительно, поскольку в большинстве других исследованных документов такой механический поиск выявил множество примеров). Однако я случайно наткнулся на *один* случай, который должным образом признал и проанализировал.

Примерно в 2016 году [76]иранский учёный Махмуд Зераатпише опубликовал небольшую статью под названием *«Коранические аргументы A fortiori»* [77], в которой он оспаривает мой вывод о том, что в Коране мало логики, и в частности мало аргументов a fortiori. Вот вступительный абзац его эссе:

---

[76] Молодой доцент кафедры исламской философии и теологии (факультета гуманитарных наук и литературы) Бирджандского университета, расположенного на востоке Ирана.

[77] Судя по баннеру на статье, она, по-видимому, была опубликована во французском журнале под названием *Europe - Revue littéraire mensuelle* (2016: 360-365). Я не знаю, была ли статья опубликована в одном из печатных изданий того года или только онлайн. Я нашел ее онлайн (примерно в марте 2017 года, случайно) по адресу http://rrbitz.com/papers/Mahmoud-Zeraatpishe.pdf (хотя этот сайт, похоже, сейчас не работает); но я не вижу ее в каталоге печатных изданий *Europe* . Возможно, она была только отправлена туда, но не опубликована? Статья того же автора, по-видимому, на ту же тему, находится по адресу: http://logicalstudy.ihcs.ac.ir/article_1787_ffbee7ea8960ae13f34135feedda329c.pdf ; однако она на персидском языке.

> « Ави Сион, ранее исследовавший логику a fortiori в иудейской логике, посвятил Корану около двух страниц своей недавней книги «Логика a fortiori». Он признал, что его исследование и обзор Корана в книге «Логика a fortiori» неполны, поскольку он опирался только на английский перевод Корана и не углублялся в сложные концепции этих переводов. Он также говорит, что искал соответствующие английские ключевые слова и фразы с помощью программного обеспечения и, наконец, что такое исследование проводилось неохотно (стр. 268). Однако в итоге он пришел к выводу, что в Коране нет логики, не говоря уже о логике a fortiori (стр. 268). Похоже, он очень хорошо воспользовался своей неполной работой. Настоящее исследование призвано исправить неполную попытку Сиона найти аргументы a fortiori в Коране » .[78]

Это вступление неточное и несправедливое. Во-первых, утверждение о том, что я посвятил Корану всего «около двух страниц» своей книги, неверно. Только около одной страницы посвящена аргументации «тем более» в Коране, потому что я не нашел там много дополнительной информации по этому поводу. Однако следующие 5,5 страниц посвящены другим формам логики в Коране, а еще 5 страниц рассматривают Коран в более общем плане. Более того, есть еще 29 страниц, посвященных другим темам, связанным с исламской логикой. Таким

[78] Следует отметить, что английский язык Зераатпише на протяжении всего эссе далек от совершенства. Но я не буду привлекать к нему внимание, используя '(sic)' многократно. Пока мы понимаем суть того, что он пытается сказать, мы можем закрыть на это глаза.

образом, либо Зераатпише не видел и не читал больше двух страниц, либо он намеренно солгал.[79]

Во-вторых, я не стал с чувством вины «признавать», что мои «исследования и обзоры» были «неполными» — я открыто сообщил об этом читателям:

> Должен подчеркнуть, что я не претендую на исчерпывающее изложение темы. Я лишь начинаю работу над более подробным исследованием, которое проведут другие. Лично меня мусульманская религия не очень интересует, поэтому у меня нет достаточной мотивации для тщательного изучения этого вопроса. Я надеюсь, что кто-нибудь другой возьмется за эту задачу и проведет необходимые исследования.

Более того, я не «наконец-то пришел к выводу, что в Коране нет логики » — я лишь объективно сообщил о нулевом результате механистического исследования [80], не исключая возможности того, что дальнейшие исследования (путем чтения) дадут более позитивные результаты:

> Таким образом, из результатов данного исследования следует, что в Коране логика не используется. Голос разума фактически никогда не звучит. Это довольно шокирующее открытие, которое отчасти объясняет догматический стиль ислама. Следует отметить, что этот вывод не исключает возможности того, что более внимательное прочтение может выявить некоторое

---

79 Обратите внимание, что его собственная статья занимает всего пять страниц формата A4. Нынешний обзор его статьи в *пять раз* длиннее.

80 Любой, кто проведет одно и то же исследование, используя одни и те же инструменты, получит абсолютно одинаковый результат.

использование логики, поскольку оно основано на механическом поиске ключевых слов и фраз.

Действительно, сразу после этого я написал: « По правде говоря, после написания вышеизложенного я обнаружил, что в Коране есть по крайней мере один отрывок, который можно с достаточной долей вероятности признать таковым, а именно **36:78-79** ;» и, проанализировав текст, я подтверждаю: «Таким образом, в Коране все-таки есть по крайней мере один аргумент, который можно с достаточной долей вероятности признать таковым. Возможно, есть и другие, но пока это все, что я обнаружил – в любом случае, довольно скудный урожай».

Обратите внимание на использование мной слова «по крайней мере», даже тогда. Таким образом, предположение Зераатпише о том, что «он очень хорошо воспользовался преимуществами своей незавершенной работы», намекающее на то, что я намеренно пытался очернить Коран, было совершенно неоправданным. Правда в том, что когда я обнаружил, что кто-то принял вызов и попытался найти больше аргументов a fortiori в Коране, я был весьма рад. Это именно то, на что я надеялся!

Оставив подобные споры в стороне, давайте теперь рассмотрим и оценим многочисленные примеры аргумента «тем более» в Коране, предложенные Зераатпише.

2. Примеры, предложенные Зераатпише

Зераатпише начинает (в §2) с краткого описания и наименования частей и разновидностей аргумента a fortiori в соответствии с моей работой; в целом он

делает это довольно хорошо [81]. Затем Зераатпише пытается показать (в §3), что в Коране гораздо больше аргументов a fortiori, чем тот единственный, который я обнаружил.

Его разоблачение начинается (в §3-1) с единственного аргумента a fortiori, который я нашел, а именно с Корана **36:78-79** : "Он [мужчина] говорит, 'ВОЗ воля давать жизнь к кости в то время как они являются Распался ? Сказать [к ему], 'Он [Бог] воля давать их жизнь ВОЗ произведено их тот первый время; и Он является, из все сотворение, «Зная». Вот что я написал в AFL 11:1 по этому поводу:

> Хотя здесь нет ключевой фразы, указывающей на аргумент a fortiori, между предложениями существует связь, поскольку первое — вопрос, а второе — ответ на него. Более того, поскольку ответа «Он даст им жизнь» было бы достаточно, очевидно, что придаточные предложения «кто создал их в первый раз» и «Он — всеведущий из всего творения» предназначены в качестве дополнительных объяснений этого ответа. Аргумент здесь ясно состоит в том, что если Бог (S) был достаточно могущественен (R), чтобы создать человека (P), то Он (S) непременно так же способен (R) воскресить его спустя долгое время после его смерти (Q). Это позитивный предикативный аргумент [82], поскольку

[81] Однако его утверждение о том, что « кажется, что недействительные формы могут быть реализованы только в аргументах высшего порядка », неверно. Впрочем, эта ошибка не влияет на остальную часть его эссе.

[82] Следует отметить, что определение данного аргумента как предикационного по форме является моим собственным; до сих пор я не обнаружил никаких доказательств того, что исламские комментаторы вообще осведомлены о различиях между предикационными и субъективными аргументами. Как мы

вспомогательный термин S (Бог) является подлежащим малой посылки и заключения. Он будет считаться *равным* , поскольку посылка P (первоначальное сотворение) не представлена как более или менее сложная, чем заключительный акт Q (воскресение) [83]. Действительно, дополнительное замечание о том, что Бог полностью знает о сотворении мира, подразумевает, что оба эти действия одинаково легки для Него [84]. Наконец, аргумент является чисто аргументом афоризма, а не кульминацией, поскольку субъект (Бог) один и тот же в малой посылке и заключении.

Зераатпише интерпретирует аргумент следующим образом: «Больше» власть (P) является необходимый к создавать мужчина в первый место (P) чем к воскресить ему (Q); Бог (C) является мощный достаточно к создавать мужчина в первый место; Он является конечно только как способный к воскресить ему длинный после того, как он «умирает». Это верно и соответствует моей интерпретации (хотя в сноске я упоминаю, что более уместна эгалитарная интерпретация). Обратите внимание, что, хотя я использовал перевод (выше) из «Сахих Интернешнл»

увидим далее, они, по-видимому, обратили внимание только на субъективную форму.

83 Основная предпосылка аргумента очевидна: «Для создания новой жизни требуется столько же энергии, сколько и для восстановления прошлой». Но её можно было бы сформулировать и так: «Требуется больше энергии и т. д.».

84 Этот аргумент из Корана, переходящий от одной силы Бога к другой, напоминает некоторые положения еврейской Библии: Псалом 78:20, где говорится, что если Бог достаточно силен, чтобы извлечь воду из скалы, то Он достаточно силен, чтобы накормить Свой народ хлебом и мясом; и Псалом 94:9-10, где говорится, что если Бог достаточно силен, чтобы вживить ухо и сформировать глаз, то Он достаточно силен, чтобы слышать и видеть, и если Бог достаточно силен, чтобы наказывать народы, то Он достаточно силен, чтобы обличать отдельных людей.

(1997) [85], переводы, которые предпочитал Зераатпише (ниже), были переводами Мохаммеда Мармадьюка Пиктхолла (1930) [86]; поэтому впредь мы будем использовать последний.

Зераатпише теперь добавляет следующие пять случаев (я перечисляю их в том порядке, в котором он их приводит, хотя это не тот порядок, в котором они появляются в Коране), которые, по его утверждению, представляют собой «один и тот же аргумент», хотя он фактически не излагает аргументы в полном формате PQRS и даже не обрисовывает их общую цель:

- Коран **75:37-40** :

  37 Разве он не был каплей жидкости, хлынувшей наружу?

  38 Затем он превратился в сгусток крови; затем *(Аллах) сформировал и сотворил его.*

  39 И сотворил из него пару, мужчину и женщину.

  40 Разве Он (Тот, кто так поступает) не способен оживить мертвых?

Я согласен, что здесь есть аргумент «тем более», который я бы изложил следующим образом: если Аллах (С) был достаточно могущественен (Р), чтобы создавать и преобразовывать мужчину и женщину (П), то Он (С) непременно так же способен (Р) оживлять мертвых (К) (наклонение +п).

- Коран **17:49-51** :

  49 И говорят: когда мы станем костями и останками, неужели мы воскреснем как новое творение?

---

85 См. на сайте: quran.com.

86 См. по адресу: http://www.sacred-texts.com/isl/pick/ .

> 50 Скажите: Будь вы камнями или железом
>
> 51 Или же что-то сотворенное, что еще больше в ваших мыслях! *Тогда они скажут: Кто вернет нас (к жизни)? Скажите: Тот, Кто сотворил вас изначально.* Тогда они покачают головами и скажут: Когда это будет? Скажите: Возможно, скоро;

Хотя Зераатпише упоминает стихи 48-51, стих 48 на самом деле не имеет отношения к делу. Кроме того, хотя Зераатпише выделяет только один аргумент a fortiori (второй, выделенный курсивом), на мой взгляд, их два. Первый содержится в стихах 49-51: поскольку Аллах (C) был бы достаточно могущественен (P), чтобы создать в качестве нового творения камни, железо или что-либо, что вы представляете себе более трудным (П), Он (C) очевидно способен (P) создать ваши кости и обломки (К) (наклонение +п). А второй — часть стиха 51: поскольку Аллах (C) был достаточно могущественен (P), чтобы создать вас изначально (П), Он (C) очевидно способен (P) вернуть вас к жизни (К) (наклонение +п).

- Коран **6:94-95** :

  > 94 *И вот, вы пришли к Нам в одиночестве, как Мы сотворили вас вначале* , и оставили после себя всё, что Мы даровали вам, и Мы не видим с вами тех ваших заступников, о которых вы утверждали, что они имеют долю в вас. Теперь же связь между вами разорвана, и то, что вы считали утраченным, вас покинуло.
  >
  > 95. Воистину, Аллах – Тот, Кто раскалывает зерно и финиковую косточку (для прорастания). Он воскрешает живых из мертвых и воскрешает мертвых из живых. Таков Аллах. Как же вы извратились?

На самом деле, Зераатпише упоминает только 94-й стих, который, по-видимому, относится к последнему суду (и он цитирует только его первую часть, выделенную курсивом); но я не вижу в этом стихе, рассматриваемом отдельно, никакого аргумента «тем более». Он, должно быть, имел в виду и следующий стих, 95-й, но не упомянул его. С этим дополнением аргумент «тем более» вполне может быть построен следующим образом: поскольку Аллах (С) достаточно могущественен (Р), чтобы расколоть зерно и финиковую косточку, оживить мертвых и умертвить живых (П), то Он (С) несомненно (вопреки вашим извращенным отрицаниям) способен (Р) судить только человека (т.е. без участия заступников) на последнем суде (К) (наклонение +п).

- Коран **18:48** : И они стоят пред Господом твоим в рядах *(и сказано им): «Поистине, вы пришли к Нам такими, какими Мы сотворили вас изначально* . Но вы думали, что Мы не назначили вам встречи».

Этот стих, кажется, говорит: теперь вы предстали перед Богом для расплаты после смерти, хотя и не ожидали этого. Предложение, выделенное Зераатпише (курсивом), безусловно, похоже по формулировке на предыдущие случаи; но я не вижу в данном случае аргумента «тем более», каким бы неявным он ни был. Зераатпише ошибочно предполагает такой аргумент.

- Коран **41:21** : И говорят они своим шкурам: «Зачем вы свидетельствуете против нас?» Они говорят: «Аллах дал нам речь, Он дает речь всему, и *Он сотворил вас изначально, и к Нему вы обратились»* .

Здесь, хотя и наблюдается некоторое сходство в формулировках, отмеченное Зераатпише (выделено курсивом), я не вижу намерения использовать

аргумент «тем более». Нет никакого вывода из одного в другое. Зераатпише, по-видимому, предположил, что вывод из способности Аллаха создавать людей и возвращать их к Себе, может быть сделан из Его способности давать голос коже; но вопрос звучит так: «Почему наша кожа свидетельствует против нас?», а не «Как кожа может обладать даром речи?». Фраза об Аллахе, «дающем речь всему сущему», не является ответом на вопрос, почему кожа говорит против людей.

Таким образом, подводя итог, из пяти случаев, предложенных Зераатпише: в трех случаях имеются веские аргументы a fortiori, и даже в одном из случаев их два; но в двух случаях явного аргумента a fortiori нет. Таким образом, благодаря Зераатпише мы добавили четыре новых аргумента a fortiori (все +p – то есть позитивные предикативы) к нашему списку использования аргументов a fortiori в Коране. Но мы также видим, что понимание Зераатпише подобных исследований является приблизительным, поскольку он неверно предложил два случая (вероятно, чтобы «завысить» свои результаты) и упустил один вопиющий случай (за который я теперь беру на себя ответственность), что делает его показатель успеха пока всего 50%.

Что касается содержания четырех вышеприведенных новых аргументов, следует отметить, что, хотя они формально обоснованы, это не означает, что их убедительность очень высока. Очевидно, что у говорящего есть определенные убеждения, и в рамках этой системы убеждений его аргументы кажутся ему очень убедительными (отсюда его очень эмоциональный тон). Но тот, кто не разделяет этих убеждений, может не найти аргументы очень убедительными. Таким образом, для современного атеиста, который не верит в *используемые*

материальные предпосылки , то есть в Бога и Сотворение мира, или в Воскресение и Страшный суд, ни один из предложенных выводов не будет иметь никакого веса. Аналогично, буддисты или индуисты, которые придерживаются совершенно иных систем верований, не будут впечатлены такими аргументами.

Даже иудеи или христиане, верящие в эти общие идеи, не обязаны верить в божественное происхождение своих отдельных высказываний в Коране. Для них нет гарантии, что бог, называемый Аллахом, соответствует их Богу (чьи слова и дела сильно отличаются), или что Мухаммед (если он вообще существовал) был подлинным пророком, как бы настойчиво Коран ни утверждал обратное. Иудеи и христиане считают Коран подделкой – частичной и искаженной копией их собственных Писаний и (в меньшей степени) других источников – собранием историй и идей, вырванных и свободно переработанных его автором или авторами (будь то Мухаммед или кто-либо другой) в соответствии со своими прихотями и потребностями в то время. Тот факт, что кто-то написал документ, настойчиво утверждая, что он был вдохновлен или продиктован Богом, логически не доказывает, что документ имел какое-либо *произвольное* божественное происхождение. Каждый может утверждать все, что хочет: утверждения не являются доказательствами.

Таким образом, рассуждения Корана носят в лучшем случае риторический характер; он обращается к людям, уже в какой-то степени обращенным в веру, или к тем, кто легко поддается влиянию эмоциональных (в основном, запугивающих) речей. Он может убедить лишь упрощенные умы, не знакомые с рациональной оценкой утверждений и не полностью приверженные ей, — то есть умы отсталых людей и народов. Именно поэтому на

практике, как свидетельствует его кровавая история, ислам распространялся и поддерживался в основном грубой силой, или, по крайней мере, угрозой ее применения. Чтобы обратить в веру разумных и информированных «неверующих» действительно рациональными средствами, Коран должен был бы предложить аргументы, которые логически гораздо глубже и сложнее. Аргументы, приведенные в Коране, — это всего лишь религиозные утверждения, которые лишь поверхностно рациональны. Их логическая достоверность относительна, а не абсолютна. Это не аргументы в философском или научном смысле, основанные на объективной индукции из эмпирических данных и строгой дедукции.

Далее (в §3-2) Зераатпише обращает внимание на этот стих:

- Коран **43:81** [87]: *Скажи (о Мухаммад): Если у Милостивого будет сын, то я буду первым среди молящихся* . (Но сына нет.)

Основываясь на толковании этого стиха ныне живущим иранским великим аятоллой по имени Макарим [88], а именно: «Скажите тем, кто верует в то,

---

87 Обратите внимание, что Зераатпише ошибочно называет этот стих «стихом 43 из Зухруфа», тогда как на самом деле сура, называемая Зухруфом, — это глава 43 Корана, а цитируемый стих — номер 81. Это всего лишь небрежность, но существенная.

88 Макарим Ширази, Н. (род. 1926), в *«Тафсир Нимунех», Тегеран, «Дар аль-Кутуб аль-Ислами»* , 1-е издание, том 21, стр. 127. Ссылка взята из работы Зераатпише. Посмотрите профиль этого человека в Википедии: он *отрицает Холокост* ! На сайте https://en.wikipedia.org/wiki/Naser_Makarem_Shirazi приводятся его слова: «Холокост — это всего лишь суеверие, но сионисты говорят, что людей во всем мире следует заставить это принять. Правда о Холокосте неясна, и когда исследователи хотят проверить, правда ли это или евреи создали это, чтобы выдать себя за жертв, они сажают исследователей в тюрьму».

что у Бога есть ребенок: „Если бы у Бога Милосердного был ребенок, я был бы первым, кто уважал бы и следовал за этим сыном, потому что моя вера в Бога и мое знание о Нем больше, чем у вас“, Зераатпише интерпретирует это утверждение как «чистый аргумент a fortiori, превосходящий субъективный», следующим образом: «Если Пророк (мир ему), который имеет больше веры/знания о Боге (да будет доволен им Аллах), не имеет достаточной веры/знания о том, что у Него есть ребенок, чтобы уважать/следовать за Ним (т.е. за ребенком), то другие (да будет доволен ими Аллах), тем более, не имеют достаточной веры/знания о том, что у Бога есть ребенок, чтобы уважать/следовать за Ним».

Однако, на мой взгляд, ни коранический стих, ни его толкование аятоллой не подтверждают аргумент Зераатпише «тем более» или какой-либо другой аргумент «тем более».

В кораническом стихе говорится, что если у Бога есть сын, то Мухаммед будет первым, кто будет поклоняться этому предполагаемому сыну. Это явно подразумевается как основная предпосылка отрицательного аподосиса (*modus tollens*); неявная второстепенная предпосылка состоит в том, что Мухаммед не поклоняется сыну Божьему (отрицание следствия), а вывод состоит в том, что у Бога нет сына (отрицание предшествующего). Этот аргумент формально верен.

Комментарий аятоллы содержит такое же толкование, за исключением того, что он *добавляет причину* , по которой Мухаммад должен быть «первым среди почитателей» сына – а именно, его превосходную «веру в Бога» и «знание о Нем». По его словам, Мухаммад здесь представляет себя примером для подражания для простых смертных, фактически

говоря: вы (мои последователи) не должны верить в сына Божьего, потому что я (ваш духовный лидер) не верю в сына Божьего. Эта причина нигде не указана явно в исходном тексте; но добавлена, обратите внимание. Попытка Зераатпише истолковать это тем более основана на этом дополнительном пункте, любезно предоставленном указанным комментатором; она не основана исключительно на Коране.

Следует отметить, кстати, что перевод Пиктхолла неверно истолковывает аргумент, поскольку в скобках (то есть в виде пояснительного комментария [89]) добавляется: «Но сына нет». Это логически ошибочно, поскольку предполагает, что предполагаемый аргумент звучит так: если бы у Бога был сын, то Мухаммед поклонялся бы ему; *но* у Бога нет сына; *следовательно* , Мухаммед не поклоняется никакому предполагаемому сыну. Последнее, конечно, является некорректным рассуждением, поскольку оно переходит от отрицания антецедента к отрицанию консеквента.

Предложенный Зераатпише аргумент a fortiori (показанный выше) может быть отвергнут по нескольким основаниям. Во-первых, обратите внимание, что его средний термин (обозначенный R) в главной посылке — «вера/знание о Боге» (говорят, что у этого Мухаммеда их *больше* , чем у других); тогда как его средний термин в второстепенной посылке и заключении, по-видимому, — «вера/знание о том, что у Него есть ребенок» (это то, чего у участвующих людей *недостаточно*), а вспомогательный термин (обозначенный S) — «уважать/следовать за Ним» (т. е. ребенок). Объект фразы «вера/знание о» не одинаков в

89 Это замечание отсутствует, например, в переводе «Сахих Интернешнл». Обратите внимание, что в «Зераатпише» это пояснительное замечание не приводится, а цитируется только основное предложение (выделено курсивом выше).

обоих случаях; в первом — «Бог», а во втором — «Его наличие ребенка». Это фатальная ошибка, которая немедленно делает недействительным аргумент a fortiori; средний термин должен быть *абсолютно одинаковым* на протяжении всего вывода, чтобы он был верен.

Нет способа исправить ошибку. Если мы изменим средний термин в малой посылке на «Мухаммад (P) не обладает достаточной верой/знанием о *Боге* (R), чтобы считать, что Его наличие ребенка заслуживает уважения/повиновения (S)», мы подразумеваем, что вера/знание Мухаммада может быть ниже необходимой степени, но это не означает отрицания того, что у Бога действительно есть сын! Если же мы изменим средний термин в большой посылке на «Мухаммад (P) обладает большей верой/знанием о том, что у *Бога есть ребенок* (R), чем другие (Q)», мы подразумеваем, что Мухаммад все же обладает некоторой верой/знанием в тезис о том, что у Бога есть сын, даже большей, чем другие! Очевидно, что аргумент a fortiori не может быть построен с желаемым результатом.

Легко понять, почему Зераатпише сформулировал свой аргумент именно так. Он имел в виду следующий аргумент: Мухаммад (П) мудрее (P), чем его последователи (К); и Мухаммад (П) достаточно мудр (P), чтобы не верить в то, что у Бога есть сын (C); следовательно, его последователи (К) должны быть достаточно мудры (P), чтобы не верить в то, что у Бога есть сын (C). Но он понимал, пусть и подсознательно, что это рассуждение, будучи *позитивным* субъективным, не может корректно переходить *от главного к второстепенному,* как это необходимо. Это очевидно: то, что Мухаммад достаточно мудр, чтобы не верить в сына Божьего, не означает, что его *менее мудрые* ученики будут

достаточно мудры, чтобы поступить так же! Поэтому Зераатпише попытался переформулировать аргумент в *отрицательной* субъективной форме, чтобы он выглядел убедительным. Но единственный способ сделать это — *смешать средний и второстепенный термины* , как объяснено выше. Это, конечно, было *обманом* . Нередко встречаются случаи, когда люди пытаются представить аргумент как нечто особенное, хотя это не так, манипулируя используемыми терминами именно таким образом.

Кроме того, даже если бы предложенный Зераатпише аргумент был формально верным (чего, повторюсь, определенно нет), его можно было бы отклонить по другим основаниям. Во-первых, предложенная Зераатпише второстепенная предпосылка лишь говорит нам о том, что Мухаммед не верил в сына Божьего и не поклонялся ему, — но это не то же самое, что сказать, что сына Божьего нет. Это можно было бы истолковать как утверждение, что Мухаммед не верил в сына Божьего и не поклонялся ему, *даже несмотря на то, что такой сын существовал* , — а это, очевидно, совершенно не соответствует замыслу ни коранического стиха, ни комментария аятоллы. Во-вторых, предложенный Зераатпише вывод, помимо отражения фактической двусмысленности второстепенной предпосылки, носит *лишь описательный характер; он не предписывает* другим людям не верить в сына Божьего и не поклоняться ему. Однако очевидно, что весь смысл данного стиха и комментария состоит не просто в том, что у людей *нет* такой веры или поклонения, а в том, что им *не следует* этого делать.[90]

---

90 Пожалуйста, обратите внимание, что я не выступаю за веру в сына Божьего; я не христианин. Я лишь указываю на то, что интерпретация указанных текстов, предложенная Зераатпише, не является убедительным аргументом против такой

Итак, здесь мы снова должны решительно отвергнуть ложное утверждение Зераатпише о дополнительном аргументе «тем более» в Коране или даже в заявленном комментарии к нему. Предложенный им аргумент «тем более» — это всего лишь *манипуляция* . Он не только не проявляется в этих текстах, ни явно, ни неявно, но и не отражает очевидного замысла исследованных текстов. И, что хуже всего, он формально недействителен, и исправить это невозможно. Очевидно, Зераатпише не пытался научно выяснить, как часто аргумент «тем более» присутствует в Коране; он пытался настойчиво подкрепить свое идеологическое утверждение о его частом наличии. Это не дух беспристрастного академического исследования, а дух нечестной религиозной апологетики.

Далее (в §3-3) Зераатпише утверждает: «Похоже, что большинство аргументов a fortiori в Коране представляют собой кульминацию». Но он приводит лишь два реальных примера:

- Коран **67:22** *Разве тот, кто блуждает, ощупывая лицо своё, более праведен, или тот, кто идёт прямо по прямой дороге?*

По поводу этого стиха Зераатпише пишет: «Здесь, сравнивая с «теми, кто ходят, блуждая ниц», неверующие (Q) уподобляются верующим (P), которые сравниваются с «теми, кто ходят прямо». Обратите внимание, что слово «ходить» (R) здесь используется метафорически и относится к какой-то другой характеристике (например, к знанию или проницательности)». Затем он предлагает следующий аргумент: «Если тот, кто ходит, блуждая ниц, ходит

веры. Меня здесь интересует именно логика этой интерпретации, а не материальный аспект.

достаточно, чтобы быть наставленным, то, тем более, тот, кто ходит прямо, ходит достаточно, чтобы быть более наставленным». Или, другими словами: «Если неверующие обладают достаточной проницательностью, чтобы быть наставленными, то верующие обладают достаточной проницательностью, чтобы быть более наставленными».[91]

Я согласен, что в этом стихе присутствует намерение «тем более», и даже «нарастание». Но я бы истолковал его следующим образом: учитывая, что верующие (P) более праведны в своих путях (R), чем неверующие (Q), следует, что если неверующие (Q) достаточно праведны (R), чтобы быть праведными (S), то верующие, безусловно, достаточно праведны (R), чтобы быть еще более праведными (S+). Это позитивный субъективный (+s) аргумент, который переходит от малого к большому. Лежащая в основе пропорциональность будет следующей: чем более праведны (R), тем более праведны (S). Обратите внимание на количественное изменение вспомогательного термина с S в малой посылке на S+ в заключении. Не подразумевается, что неверующие вообще праведны и праведны, а лишь предполагается гипотетически; Однако утверждается, что верующие в любом случае более праведны (как показывает основная предпосылка) и, следовательно, более правильно наставлены (предположительно, Кораном, или Мухаммедом, или Аллахом).

- Коран **9:107-108** :

  107 А те, кто избрал место поклонения из-за противодействия и неверия, и чтобы посеять

---

[91] Зераатпише не уточняет, что именно подразумевается под верой или неверием. Это очень расплывчатые термины. Вера в кого или во что? В какой степени? На каком основании? Как это объективно определяется на практике? Он об этом не говорит.

раздор среди верующих, и как форпост для тех, кто прежде воевал против Аллаха и Его посланника, непременно поклянутся: «Мы не задумали ничего, кроме добра». Аллах свидетельствует, что они поистине лжецы.

108. *Никогда не стойте там (для молитвы). Место поклонения, которое было найдено в качестве долга (перед Аллахом) с первого дня, более достойно того, чтобы ты стоял там (для молитвы), ведь там находятся люди, которые любят очищаться. Аллах любит очищающих.*

Обратите внимание, что Зерааттпише цитирует только стих 108 (выделен курсивом); я добавил здесь стих 107, чтобы сделать текст более понятным. Зерааттпише объясняет этот отрывок следующим образом: «В этом стихе сравниваются две мечети (Куба (П) и мечеть, построенная лицемерами (К)) по «благочестию» (Р) как мотиву их основания. Лицемеры настоятельно просили пророка проводить молитвы (С) в их мечети, чтобы заслужить похвалу себе и своей мечети». Затем он приводит следующий аргумент: «Если мечеть лицемеров основана на благочестии настолько, что достойна того, чтобы в ней молиться, то мечеть Куба более достойна того, чтобы в ней молиться, ибо она основана на благочестии в большей степени».

Здесь я снова согласен, что здесь присутствует намерение a fortiori, и даже крещендо. Я бы изложил его следующим образом: учитывая, что место поклонения [хороших парней] (P), хорошее, потому что основано на долге с первого дня, основано на большей благочестивости (R), чем место поклонения [плохих парней] (Q), плохое, потому что выбрано из-за противодействия и неверия и т. д., следует, что если последнее вообще основано на благочестии (R) в достаточной степени, чтобы быть достойным молитвы

в (S), то первое должно быть основано на благочестии (R) в достаточной степени, чтобы быть еще более достойным молитвы в (S+). Здесь мы снова имеем позитивный субъективный (+s) аргумент, который переходит от малого к большому. Соразмерность здесь будет следующей: чем больше благочестия основано на (R), тем достойнее молитвы в (S). Обратите внимание на количественное изменение вспомогательного термина с S в малой посылке на S+ в заключении. Не подразумевается, что мечеть злодеев основана на благочестии и достойна молитвы, а лишь предполагается гипотетически; однако утверждается, что мечеть хороших парней в любом случае основана на большем благочестии (как доказывает основная предпосылка) и, следовательно, более достойна молитвы.

Что касается содержания, обратите внимание на яростную нетерпимость, проявленную в этом последнем отрывке. Люди с иными взглядами или практиками, как правило, в Коране, подвергаются крайнему презрению и ненависти. Тон повествования — это бескомпромиссная дискриминация и неприятие; обвинения и оскорбления летят, как кинжалы. Именно посредством таких резких высказываний экстремизм и фанатизм, к сожалению, психологически программируются в мусульман с детства; и именно это заставляет их так часто совершать акты насилия против немусульман или даже мусульман других убеждений.

Таким образом, можно сказать, что Зераатпише выявил два действительных аргумента a crescendo позитивной субъективной формы в Коране. Однако у нас есть только его слова о том, что «большинство аргументов a fortiori в Коране являются аргументами a crescendo». Он не приводит исчерпывающего списка для проверки; пока что только эти два случая.

Далее (в §3-4) Зераатпише утверждает: «Похоже, что средний термин в большинстве кораническихаргументов a fortiori указывает на диапазон значений, включающий ноль или меньше». Это, как мы только что видели, верно для двух предыдущих примеров (хотя он прямо об этом не говорит). Теперь он предлагает еще два примера.

- Коран **10:35** : *Скажи: Есть ли среди ваших сотоварищей (которых вы приписываете Аллаху) тот, кто ведет к истине? Скажи: Аллах ведет к истине. Разве Тот, кто ведет к истине, более достоин того, чтобы за Ним следовали, или тот, кто не находит пути, пока сам не будет наставлен на прямой путь? Что с вами не так? Как вы судите?*

Зераатпише интерпретирует этот аят следующим образом: «Бог (мир ему) сравнивается с Его сотоварищами (королем) в вопросах руководства (p). Затем делается вывод, что Бог более достоин того, чтобы за Ним следовали (c). На самом деле, здесь следует следующий аргумент, нарастающий по нарастающей: «Сотоварищи достаточно являются наставниками, чтобы за ними следовали; Аллах направляет больше, чем Его сотоварищи; чем больше наставника, тем больше он достоин того, чтобы за ним следовали; поэтому Аллах достаточно наставник, чтобы быть более достойным того, чтобы за ним следовали». (Мы можем простить непонятный английский язык, использованный здесь.)

Я согласен с оценкой, что здесь подразумевается аргумент, основанный на крещендо. Но я бы истолковал его так: учитывая, что Аллах, который ведет к Истине самостоятельно (мир ему), более надежен (да будет доволен им Аллах), чем тот, кто не

находит пути без руководства (да будет доволен им Аллах), следует, что если зависимый наставник (кто бы он ни был) (да будет доволен им Аллах) достаточно заслуживает (да будет доволен им Аллах), чтобы за ним следовали (да будет доволен им Аллах), то независимый наставник (Аллах) (мир ему) достаточно заслуживает (да будет доволен им Аллах), чтобы за ним следовали еще больше (да будет доволен им Аллах). Это позитивный субъективный (+s) аргумент, от малого к большому, и поэтому он верен. Неявная пропорциональность будет такова: чем больше заслуживает наставник (да будет доволен им Аллах), тем больше за ним следует следовать (да будет доволен им Аллах).

Как указывает Зераатпише, всё это формально не исключает возможности того, что меньший термин (Q) имеет нулевое или даже отрицательное значение среднего термина. Однако в данном конкретном случае это относится к «тому, кто не находит пути»; но, учитывая указанное исключение («если только» в тексте), это не относится к тому, кто «сам следует пути» (предположительно, путям Корана). Очевидно, Зераатпише не очень внимательно изучил рассматриваемый текст.

- Коран **4:95:** *Те из верующих, кто сидит неподвижно, за исключением тех, кто имеет (нетрудоспособные) травмы , не равны тем, кто усердствует на пути Аллаха своим имуществом и жизнями . Аллах даровал тем, кто усердствует своим имуществом и жизнями, более высокое положение, чем сидящим. Аллах обещал каждому благо, но тем, кто усердно трудится, Он даровал великую награду, превосходящую награду сидящим.*

Зераатпише интерпретирует этот отрывок следующим образом: «Этот аят сравнивает две группы верующих:

«муджахидов» (мир им) (тех, кто стремится на пути Аллаха) и «кадунов» (те, кто не стремится) в стремлении (да будет доволен ими Аллах), чтобы определить их ранг (да будет доволен ими Аллах). Этот аят можно интерпретировать следующим образом, как кульминационный аргумент: «Муджахиды стремятся больше, чем кадуны; поэтому, если кадуны стремятся достаточно, чтобы получить ранг, то муджахиды получают более высокий ранг, потому что чем больше усилий, тем выше ранг».[92]

Данный случай также явно представляет собой аргумент, основанный на крещендо. Я бы предпочел сформулировать его следующим образом: верующие, которые стремятся на пути Аллаха своим богатством и жизнью (P), занимают более высокое положение (R), чем верующие, которые сидят неподвижно по собственной воле (т. е. за исключением инвалидов, которые сидят неподвижно не по своей воле). И те, и другие получают награду (S), но она дается пропорционально положению (R). Если у сидячих верующих (Q) достаточно высокое положение (R), чтобы получить некоторую награду (S), то стремящиеся к Аллаху верующие (P), чье положение (R) выше, получат большую награду (S+). Здесь снова вспомогательный термин в заключении (S+) больше, чем в малой посылке (S), из-за указанной пропорциональности.

Здесь, вопреки утверждению Зераатпише, средний термин не включает значения ноль или меньше. Он, по-видимому, всегда положителен, а это значит, что любой «верующий» в силу одного этого факта имеет некоторый минимальный ранг и заслуживает награды.

---

92 Следует отметить, что «муджахид» — это то, что мы чаще называем джихадистом . Под «борьбой» (за свое богатство и свою жизнь) здесь подразумевается *джихад* — терроризм, то есть бессмысленное насилие против людей разных убеждений.

Таким образом, этот случай не может служить иллюстрацией утверждения Зераатпише о том, что «средний термин в большинстве коранических аргументов a fortiori указывает на диапазон значений, включающий ноль или меньше». Здесь мы снова видим, что Зераатпише не изучает текст так тщательно, как следовало бы.

Тем не менее, мы должны признать, что Зераатпише обнаружил здесь еще два веских аргумента в пользу крещендо.

В этом месте Зераатпише замечает: «В Коране много стихов, в которых такое сравнение приводится в качестве основной предпосылки аргумента a fortiori». Затем он приводит пять примеров [93]. Но как бы я ни старался, я не вижу в них ни кульминационного, ни даже чисто аргумента a fortiori. Поэтому неясно, зачем он их приводит; мы должны предположить, что это очередная попытка «наполнить» текст. Приведенные им примеры:

- Коран **39:9** : *Разве знающие равны незнающим?*
- Коран **5:100** : *Не одно и то же зло и добро…*
- Коран **6:50** : *Равны ли слепой и провидец?*
- Коран **35:22** : *И живые не равны мертвым.*
- Коран **59:20** : *Не равны владельцы Огня и владельцы Рая.*

[93] Зераатпише добавляет: «В Коране много примеров подобных сравнений. Приведенные выше стихи — лишь некоторые из них. Другие стихи можно найти, просто выполнив поиск по ключевым словам, таким как «Истива» (равенство) и его производным, или фразам, таким как «Каман» (подобный тому), «хайрун минх» (лучше, чем), «ахакхун ань» (достойнее, чем), или любым производным со структурой «Аф'аль» (одной из арабских глагольных структур, выражающих предпочтение), например, «Ахда» (более направляющий), «Акбар» (больше) и т. д.».

Сравнение может служить основной предпосылкой аргумента «тем более»; однако на этом основании нельзя утверждать, что аргумент «тем более» является обоснованным. Для того чтобы такой аргумент был обоснован, должны существовать какие-либо текстовые свидетельства намерения «тем более». Поэтому я не считаю эти пять случаев свидетельством наличия дополнительной аргументации «тем более» или аргументации «нарастания» в Коране.

Далее (в §3-5) Зерааттпише справедливо указывает на то, что «Сион разъяснил, что аргумент a fortiori — это не просто сравнение, хотя он и основан на нём. Разница заключается в вспомогательном термине, который существует только в первом случае». Зерааттпише, по-видимому, демонстрирует ясное понимание этого принципа. Но затем он, кажется, не соглашается, говоря: «в Коране нет простого сравнения, хотя некоторые из четырёх необходимых терминов явно не упоминаются». Другими словами, по его мнению, все сравнения в Коране призваны указывать на аргумент a fortiori.

В защиту этой точки зрения он снова цитирует суру 39:9: « *Разве знающие равны незнающим?»* По его мнению, этот аят «предполагает субъективный аргумент с нарастанием», поскольку некий комментатор, Табатабайи, читает его так: «поскольку талантливые люди (P) не равны обычным людям (Q) по уровню знаний (R), то и обязанности (S) у них будут неравными». [94]Но в этом аяте (или где-либо еще) нет никаких текстовых доказательств идеи неравных, следовательно, обязанностей (S) для двух

[94] Предположительно, это перефразировка Зерааттпише, который приводит в качестве ссылки Алламе Табатабаи в *«Аль-Мизан»* , том 1, стр. 214. Этот шиитский комментатор упоминается в Википедии как Мухаммад Хоссейн Табатабаи (Иран, 1903-1981), а цитируемая работа — *«Тафсир аль-Мизан»* .

упомянутых классов людей (P и Q) в отношении их соответствующих уровней знаний (R).

Зераатпише здесь пытается вложить *в* текст аргумент, усиливающий смысл (так называемый «кресцентный»), вместо того чтобы вычитать его *из* текста. Комментатор, на которого он ссылается, возможно, не преследовал таких же целей; он мог использовать этот стих лишь как отправную точку для проповеди, не претендуя на дедуктивный статус [95]. Предположительно, Зераатпише хочет, чтобы мы предположили, что остальные четыре стиха, которые он упоминает в этом контексте (а именно 5:100, 6:50, 35:22, 59:20), также предполагают аргументы, усиливающие смысл, хотя он и не уточняет эти утверждения. Очевидно, Зераатпише здесь снова пытается искусственно завысить количество аргументов, усиливающих смысл, в Коране!

Герменевтика, искусство точной интерпретации текстов, не может допустить подобных ненаучных проекций смысла в текст. Я не утверждаю, что все термины предполагаемого аргумента a fortiori должны быть явными в тексте; но я утверждаю, что в данном тексте (в частности, *ad loc*) должны быть какие-то свидетельства того, что такие термины и аргументы подразумеваются. Нельзя утверждать, что «неявно» подразумевается что угодно – для этого должна быть достаточно ясная основа в том, что явно выражено. Нужно быть честным и не пытаться исказить имеющиеся данные каким бы то ни было образом. Очевидно, что в восьми случаях, [96]которые Зераатпише предложил в своей статье и которые я

---

[95] Поскольку я не видела комментарий, на который ссылается Zeraatpishe, я не могу сказать, что именно он имел в виду.

[96] То есть, пять только что увиденных моментов плюс три рассмотренных ранее – а именно: 18:48, 41:20, 43:81.

отклонил после тщательного рассмотрения, текстовой основы не было.

Далее (в §3-6) Зерааттпише обращает внимание на «причинную роль среднего термина». Единственный пример этого явления, который он приводит, это:

- Коран **2:247** : *Их Пророк сказал им: «Поистине, Аллах возвысил Саула до царя для вас». Они сказали: «Как же он может иметь царство над нами, если мы более достойны этого царства, чем он, ведь ему не дано достаточно богатства?» Он сказал: «Поистине, Аллах избрал его выше вас и значительно умножил его мудрость и рост». Аллах дарует Свою власть кому пожелает. Аллах Всеобъемлющий, Всезнающий.*

Зерааттпише поясняет это следующим образом: «В этом аяте сначала приводится ошибочный аргумент некоторых евреев, доказывающий несостоятельность «Талута» (Саула) для царства: „У нас больше богатства, чем у него, поэтому, если он заслуживает царства, то и мы заслуживаем его больше“. Этот аргумент был бы верным и правильным, если бы „богатство“ как промежуточное условие являлось правильной причиной для дарования царства Саулу. Но в дальнейшей части аята эта идея опровергается, и в качестве истинного промежуточного условия вводятся мудрость и величие. Таким образом, истинный аргумент, согласно Корану, звучит так: „Если у вас достаточно мудрости и величия, чтобы стать царством, то у Саула больше мудрости и величия, поэтому он более достоин царства“. Будьте внимательны, что поиск истинного промежуточного условия — это не формальная деятельность и не имеет ничего общего с достоверностью; это герменевтическое (а не логическое) дело».

Аргумент «тем более» в тексте звучит так: Мы (противники назначения Саула царем) (P) богаче (R), чем Саул (Q); следовательно, если Саул (Q) достаточно богат (R), чтобы заслужить царство (S), то мы (P) достаточно богаты (R), чтобы заслужить его (S), возможно (если заслуги пропорциональны богатству) даже больше (S+). Это формально допустимый позитивный субъективный (+s) аргумент «тем более», и, возможно, аргумент нарастания, независимо от истинности его содержания; поэтому его можно отнести к аргументам «тем более» в Коране.

Проблема не в форме, а в содержании. Сам Коран говорит нам, что те (возражающие), кто сформулировал этот аргумент, ошибочно предположили, что решение назначить Саула царем (мир ему) было основано на его богатстве (да [97]будет доволен им Аллах); он предполагает, что решение было в большей степени связано с его большей «мудростью и положением»; и что, во всяком случае: «Аллах дарует Свою власть кому пожелает». Таким образом, даже если допустить истинность основной предпосылки (т.е. что Саул беднее других кандидатов), второстепенная предпосылка отвергается: нам фактически говорят, что никакое богатство (да будет доволен им Аллах) не сможет оправдать назначение царем (мир ему).

Таким образом, данное рассуждение в Коране прекрасно иллюстрирует, как аргумент «тем более», каким бы *формально* обоснованным он ни был, может

---

[97] В связи с этим интересно отметить, что в Танахе (1 Царств 9:2) говорится, что Саул был «молод и красив, и не было среди сынов Израилевых человека красивее его; от плеч своих и выше он был выше всех из народа». Здесь нет упоминания о его «мудрости», только о красоте; что касается его «роста», то это был его физический рост.

быть отвергнут со ссылкой на несоответствие какой-либо части его *содержания* – в данном случае, предлагаемого срединного термина «богатство». Это, следовательно, интересный пример, который добавляет нечто новое к исламской логике [98], выявленное Зераатпише. Он заслуживает за это похвалы.

Однако следует отметить, что анализ Зераатпише не совсем корректен. Неверно утверждать, что «мудрость и рост были введены как истинный промежуточный термин». В действительности эти качества были введены как мотивирующие (то есть являющиеся причиной) назначение Саула, но не как промежуточный термин какого-либо дальнейшего аргумента. Здесь нет второго аргумента a fortiori; есть лишь нейтрализация первого аргумента путем отрицания истинности его второстепенной посылки (а не путем изменения его промежуточного термина). В лучшем случае можно утверждать лишь следующее позитивное утверждение: только если кто-либо обладает определенной степенью мудрости и роста, то он достоин быть царем: Саул обладает необходимой степенью, и никто другой; следовательно, Саул заслуживает быть царем. Можно также предположить, что избрание Саула было произвольным («на кого Он пожелает»); и что «увеличение мудрости и роста» не было мотивом этого избрания, а было осуществлено в дополнение к этому избранию или как его следствие.

Зераатпише ошибочно утверждает, что подразумевается новый аргумент «тем более»,

---

[98] Опровержение аргумента «тем более» — это, конечно, логическая возможность , существовавшая задолго до того, как она стала известна в талмудической логике (где она называется *«пирка»* или *«тешува* »); см., например, Мишна Песахим 6.2, но есть и много других случаев. Оно также встречается в Танахе, в Иезекииле 33:24-26.

поскольку он говорит: «Итак, истинный аргумент, согласно Корану, таков: „Если у вас достаточно мудрости и величия, чтобы стать царством, то у Саула больше мудрости и величия, поэтому он более пригоден для царствования“». Нельзя утверждать «тем более», как пытается сделать Зераатпише, что Саул (П) обладает большей мудростью и величием (Р), чем другие (К); а другие (К) обладают достаточной мудростью и величием (Р), чтобы быть хотя бы отчасти пригодными для царствования (С); следовательно, Саул обладает достаточной мудростью и величием (Р), чтобы быть еще более пригодным для царствования (С+). Почему нет? Просто потому, что нигде в исходном тексте не намекается на предполагаемую второстепенную предпосылку — нет никаких доказательств того, что если бы Саул не был доступен для этой работы, был бы выбран кто-либо из других кандидатов (даже если бы они были несколько мудрыми и возвышенными).[99]

Таким образом, что касается приведенного выше стиха, можно сказать, что Зераатпише правильно обнаружил еще один аргумент, основанный на крещендо; однако следует также отметить, что его попытка предложить второй аргумент потерпела неудачу. Что касается его понимания текста Корана, мы снова видим, что оно основано на поверхностном прочтении; он не замечает тонких деталей и не принимает их во внимание.

---

[99] Кроме того, в ответе нет упоминания о том, что Саул обладал «большей» мудростью и положением, чем все остальные (предполагаемая основная предпосылка), и нет упоминания о том, что у него было «достаточно» мудрости и положения для этой работы (предполагаемый вывод). Выражение «избрали его *выше* себя» не подразумевает ни одной из этих предпосылок; оно просто означает, что Саул был избран *для правления над* остальными.

Что касается рассматриваемой истории о назначении Саула Богом на престол Израиля, следует отметить, что в Танахе (иудейской Библии) нет упоминания о каких-либо возражениях народа против назначения Саула царем Израиля *из-за его богатства* . Кораническое повествование лишено смысла. События, приведшие к тому, что Саул стал царем, описаны в 1 Царств 9-11 [100]. Пророк Самуил представляет Саула народу как избранного Богом для этой задачи, говоря: «нет подобного ему среди всего народа», и «весь народ» восклицает: «Да здравствует царь!» (10:24). Правда, были и несогласные, поскольку написано: «Но некоторые низкие люди говорили: „Как этот человек спасет нас?“ И они презирали его» (10:27). Однако, по мнению еврейских комментаторов, причиной этого несогласия было то, что Саул происходил из колена Вениамина, самого малочисленного и наименее влиятельного из 12 колен, и поэтому, по-видимому, не обладал достаточно *широкой властью,* необходимой в те времена для сбора армии, способной вести войны. Сам текст подтверждает это, поскольку в нем говорится: «как же этот человек *спасет* нас?» [101]. Когда Саул впоследствии вдохновил весь народ на войну против аммонитских захватчиков, и Израиль одержал полную победу над врагом, его царствование было оправдано в глазах всех (11:11-13).

Как видно из этого примера (и многих других), тот, кто написал Коран, был плохо знаком с Танахом (и тем более с другой еврейской литературой, существовавшей в то время); поэтому он упустил множество важных деталей и придумал другие. Более того, он (или они) имели очень поверхностное

---

100 См.: http://www.mechon-mamre.org/p/pt/pt08a09.htm .

101 И не «этот человек не самый богатый среди нас»!

понимание (если вообще имели) тех частей, которые он (или они) использовали. Коран кажется мусульманам богатым и заслуживающим доверия, потому что они лично не знакомы с его Танахом (и другими) источниками. В то время как христиане часто изучают Танах, мусульмане никогда этого не делают; потому что, если бы они это делали, они бы сами увидели частично производный и частично вымышленный характер Корана и быстро потеряли бы в него веру. Истинное знание требует мужества и усилий, а им, к сожалению, и того, и другого не хватает. И, конечно же, существуют корыстные интересы: если бы народ был освобожден, исламские власти потеряли бы свою тоталитарную власть.

Далее (в §3-7) Зераатпише обсуждает «энтимемные аргументы», то есть аргументы, не являющиеся полностью явными. Он отмечает мое предыдущее замечание о том, что «логические аргументы редко содержат все посылки». Он приводит четыре примера таких аргументов, утверждая, что они являются аргументами a fortiori. Первый из них:

- Коран **3:59** : *«Вот, подобие Иисуса Аллаху подобно подобию Адама. Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: „Будь!“ И он есть …»*

Зераатпише толкует этот стих как «противоречащий христианскому убеждению, что Иисус Христос — не обычный человек, а Сын Божий», в соответствии с комментарием Табатабайи, который отвергает «божественность Иисуса», потому что «в Его сотворении нет ничего, кроме сотворения Адама. Поэтому, если прообраз и способ Его сотворения приводят к тому, что Он становится Богом, то та же причина применима и к Адаму. Следовательно,

поскольку христиане не считают Адама Господом, они не должны считать и Иисуса Господом».[102]

Зераатпише продолжает: «Согласно этому объяснению, стих представляет собой отрицательный эгалитарный аргумент a fortiori, который можно сформулировать следующим образом: «Если Адам (P), у которого нет отца, недостаточно нерегулярен (R), чтобы быть Богом (S), то и Иисус (Q) недостаточно нерегулярен, чтобы быть Богом». Этот стих можно также сформулировать в следующем превосходном аргументе a fortiori: «Адам более нерегулярен, чем Иисус, потому что если у Иисуса нет отца, то у Адама нет ни отца, ни матери, поэтому, если Адам недостаточно нерегулярен, чтобы быть Богом, то Иисус тем более недостаточно нерегулярен, чтобы быть Богом».

Мой анализ коранического стиха будет следующим: предложение «подобие Иисуса Аллаху подобно подобию Адама» можно рассматривать как эгалитарную главную посылку: Иисус (Коран) имеет такое же подобие Аллаху (Ради Аллаха), какое имеет Адам (П). Предложение «Он сотворил его из праха, а затем сказал ему: будь! И он есть» просто означает, что «он» был сотворен, что вполне справедливо можно истолковать как подразумевающее, что «он» не является богом или сыном Божьим. Кто же такой «он» (человек, на которого указывает местоимение «его»)? Иисус не подразумевается напрямую; потому что если бы он был им, главная посылка, упоминающая Адама, была бы логически бесполезна. Таким образом, «его» здесь относится сначала к Адаму, а затем, по логике, только к Иисусу. Следовательно, это предложение сообщает нам как второстепенную посылку, так и (по

---

102 Указ. соч. Том 3, стр. 333.

аналогии) заключение аргумента: как Он сотворил Адама из праха, так Он сотворил и Иисуса из праха.

Но является ли это аргументом «тем более»? Мы можем с достаточной уверенностью сформулировать его следующим образом: если сходство Адама (P) с Аллахом (R) недостаточно, чтобы квалифицировать его как нечто большее, чем простое творение (S), то сходство Иисуса (Q) с Аллахом (R) недостаточно, чтобы квалифицировать его как нечто большее, чем простое творение (S). Это эгалитарный отрицательный субъективный аргумент «тем более». Поскольку мы хотели, чтобы он переходил от Адама к Иисусу, нам пришлось выбрать Адама в качестве основного термина (формально, конечно, мы могли бы с таким же успехом пойти в противоположном направлении, но это не соответствовало бы замыслу исходного текста). Является ли это энтимемой? Вряд ли, поскольку мы не добавили никаких терминов или идей к тем, которые приведены в тексте. Но, очевидно, здесь требуется некоторая интерпретационная работа; поэтому, если хотим, мы могли бы назвать это энтимемой (это не такая уж большая проблема).

Как уже упоминалось выше, Зераатпише также предлагает «отрицательный эгалитарный аргумент a fortiori» (он не уточняет, что он субъективный, хотя следовало бы). Однако его предложение неуместно, поскольку он затрагивает идеи, *не представленные* в рассматриваемом тексте, а именно, упоминание о том, что ни у Адама, ни у Иисуса не было отца (плоти и крови). Его основная предпосылка также нова, а именно, что Адам так же «неправилен» (т.е. «не является обычным человеком») (R), как и Иисус. Эта мысль заставляет Зераатпише предложить дополнительный аргумент a fortiori, на этот раз «превосходный» (не упоминая, что он также является

отрицательным субъективным), основанный на идее, что в то время как у Адама не было ни отца, ни матери, у Иисуса не было только отца (но была мать). Здесь основная предпосылка уже не эгалитарна, поскольку Адам теперь *более* «неправилен» (R), чем Иисус.

Однако, хотя Зераатпише правильно помещает Адама в малую посылку, а Иисуса — в заключение; и его два аргумента a fortiori формально верны; и мысли, которые они выражают (о недостатке одного или обоих родителей), верны (согласно источникам, принятым за данность) — мы должны сказать, что теория Зераатпише неточно отражает то, что говорится в рассматриваемом стихе. Оба предложенных им аргумента a fortiori являются вымыслами, излишне проецируемыми на текст Корана. Поэтому для него стих является энтимемическим; но на самом деле это не так, поскольку из него можно составить аргумент a fortiori, не добавляя дополнительного материала. Следовательно, хотя Зераатпише заслуживает похвалы за то, что обратил внимание на указанный стих как содержащий аргумент a fortiori, его следует упрекнуть за предложение двух интерпретаций, которые излишне отклоняются от текста. Моя интерпретация более точна.

А что насчёт аргумента, предложенного Табатабайи? Он принимает следующую форму: сотворение Иисуса не отличается от сотворения Адама; следовательно, если тип и способ сотворения первого делают его божественным, то сотворение второго должно иметь тот же результат; но христиане не считают Адама божественным, поэтому они не должны считать и Иисуса божественным. Из этого можно построить эгалитарный отрицательный аргумент a fortiori, а именно: Иисус (Q) — такое же особенное творение

(R), как и Адам (P); а Адам (P) был сотворён способом, недостаточно особенным (R), чтобы сделать его богом (S); следовательно, Иисус (Q) был сотворён способом, недостаточно особенным (R), чтобы сделать его богом (S). Это формально верно и соответствует первой интерпретации Зераатпише. Это означает, что интерпретация Табатабайи не совсем согласуется с кораническим текстом; она вводит новые идеи, которых в нём нет. Можно также сказать, что вторая интерпретация Зераатпише является новой (то есть, насколько нам известно, не скопирована у Табатабайи).

Теперь давайте кратко рассмотрим достоверность аргумента, предложенного в данном кораническом стихе, с более широкой перспективы. Аргумент материально не является неоспоримым. Еврей [103], подобно мусульманину, принял бы утверждение главной посылки о том, что «подобие Богу» (что бы это ни значило) Адама и Иисуса *идентично* ; но христианин [104]вполне мог бы отрицать это

---

[103] Идея «подобия» Адама своему Творцу исходит из еврейской Библии: «И сказал Бог: сотворим человека по образу Нашему и по подобию Нашему… И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил Он» (Бытие 1:26-27). Там не уточняется, что означает «по подобию или образу Божьему»; еврейские комментаторы, безусловно, не понимают это как то, что у Бога есть человеческое тело; скорее, это означает, что в людях есть искра божественного. Идея о том, что Адам был сотворен из земного «праха», также исходит из еврейской Библии: «И создал Господь Бог человека из праха земного» (Бытие 2:7). Что касается Иисуса, евреи не приписывают ему никакой божественности, кроме той, которая присутствует во всех людях.

[104] В христианской Библии Адам представлен как «сын Божий» (Лк. 3:38), а Иисус — как потомок его (Лк. 3:23-38). Более того, Иисус провозглашен «сыном Божьим» (Ин. 1:49), «Сыном Божьим», «посланным в мир» Им (Ин. 3:17), «сошедшим с небес» (Ин. 6:38), «из небесных сфер» и «не из мира сего» (Ин. 8:23), «образом невидимого Бога и первенцем всего творения» (Колоссянам 1:15). Иисус, кажется, утверждает свою

утверждение и возразить, что, хотя Адам и Иисус обладают этой общей чертой, они обладают ею в *разной степени* . Более того, христианин вполне мог бы утверждать, что сотворение Адама отличается от сотворения Иисуса; тело Адама могло быть сделано из земного материала, тогда как тело Иисуса могло быть сделано из более тонкого материала; в этом случае вывод от одного способа сотворения к другому был бы недействителен. И так далее.

Другими словами, аргументация, приведенная в Коране, далека от окончательной, она носит скорее замкнутый характер. Для того, кто уже верит в её предпосылки, она кажется достаточно убедительной; но для того, кто с ней не согласен, она не имеет силы убеждения. Я лично не защищаю христианскую веру, а лишь указываю на то, что она может быть защищена в данном контексте и таким образом. Моя главная мысль заключается в том, что и здесь логика Корана лишь относительно сильна; она не обладает абсолютной силой. Отсюда следует, что мусульмане не могут утверждать, что любой, кто не убежден такими аргументами, является злодеем. Если аргументация Корана слаба, то это вина того, кто её написал!

Кроме того, Зераатпише утверждает, что следующие стихи представляют собой «некоторые другие стихи с аргументами, основанными на принципе энтимемы a fortiori»; однако он не предпринимает никаких попыток проанализировать их и доказать их статус a

---

тождественность с Богом, говоря: «Я и Отец — одно» (Ин. 10:30); но также, кажется, отрицает, что Он Бог, говоря: «Отец больше Меня» (Ин. 14:28). Несомненно , можно привести и другие примеры. В любом случае, как предполагает тринитарная доктрина и как это проявляется на практике, христиане действительно считают Иисуса воплощением Бога, то есть Богом, сошедшим на землю в человеческом обличье.

fortiori. Глядя на них, я не вижу в них никаких аргументов.

- Коран **3:162** : *Разве тот, кто следует довольству Аллаха, подобен тому, кто заслужил осуждение от Аллаха, чье жилище – Огонь, – несчастный конец пути?*
- Коран **16:17** : *Разве Тот, Кто творит, подобен Нему? Разве вы не вспомните об этом?*
- Коран **40:20** : *Аллах судит по правде, а те, к кому они взывают вместо Него, вовсе не судят. Воистину, Аллах — Слышащий, Видящий.*

Это всего лишь утверждения о сравнении и противопоставлении: последователь Аллаха несравним с непоследователем; Творец не то же самое, что неТворец; Аллах судит по истине, а другие не судят вовсе. Это не аргументы, тем более не аргументы априори; в них не делается никаких выводов и не подразумевается никаких заключений. И здесь Зераатпише снова позволяет себе необоснованные заявления, не доказывая своих утверждений. Всё это лишь очередная попытка «надуть» текст; он пытается представить Коран более рациональным, чем он есть на самом деле, или присвоить себе больше открытий, чем сделал.

Таким образом, в заключение этого раздела, Зераатпише можно приписать открытие еще одного аргумента a fortiori в Коране (а именно, 3:59). Однако он не анализирует его правильно; введенный в заблуждение комментарием Табатабайи, он вкладывает в текст два аргумента a fortiori, которых там просто нет. Он считает, что, назвав стих энтимемическим, он имеет право добавить к нему материал; но это неприемлемо, поскольку аргумент a fortiori может (как я покажу) быть построен без добавления материала. Таким образом, хотя

Зераатпише (повторюсь) обнаружил стих, насыщенный аргументом a fortiori, ему фактически не удалось представить этот аргумент a fortiori; это пришлось сделать мне вместо него. Кроме того, следует отметить, что Зераатпише ложно утверждает, что еще три стиха (а именно 3:162, 16:17 и 40:20) являются (энтимемическими) аргументами a fortiori.

3. Краткое изложение результатов

Тщательно изучив и проанализировав в предыдущем разделе случаи аргумента «теории фортиори», предложенные Зераатпише в его работе, мы можем сделать следующие выводы. **В Коране имеется по меньшей мере 11 подтвержденных случаев дискурса «теории фортиори».** Из этих случаев один был первоначально обнаружен мной (AC) в работе «Логика фортиори», а другой — в ходе настоящего исследования. Зераатпише (MЗ) может претендовать на то, что обнаружил еще девять (9) допустимых случаев. Однако, хотя он и указал на эти случаи, он не все их истолковал. Один случай (3:59) он истолковал неверно, и мне пришлось его истолковать. Три случая (6:94-95, 17:51, 75:37-40) он вообще не истолковал, и мне пришлось их истолковать. В оставшихся пяти случаях (2:247, 4:95, 9:107-108, 10:35, 67:22) он интерпретировал правильно (хотя и не очень умело, возможно, из-за трудностей с английским языком). Это ясно видно в следующей таблице:

Koran	mood	&?	found by	read by	location
2:247	+s	&	MZ	MZ	§3.6
3:59	-s		MZ	AS	§3.7
4:95	+s	&	MZ	MZ	§3.4
6:94-95	+p		MZ	AS	§3.1
9:107-108	+s	&	MZ	MZ	§3.3
10:35	+s	&	MZ	MZ	§3.4
17:49-51	+p		AS	AS	§3.1
17:51	+p		MZ	AS	§3.1
36:78-79	+p		AS	AS	AFL 11.1
67:22	+s	&	MZ	MZ	§3.3
75:37-40	+p		MZ	AS	§3.1

Из одиннадцати случаев аргументации a fortiori, обнаруженных на данный момент в Коране, обратите внимание, что пять являются положительными субъективными (+s), один — отрицательным субъективным (-s), и пять — положительными предикативными (+p); ни один не является отрицательным предикативным (-p). Более того, обратите внимание, что пять случаев представляют собой крещендо (&), в то время как шесть случаев являются чисто аргументацией a fortiori. Излишне говорить, что на самом деле в Коране может быть больше случаев аргументации a fortiori, и со временем могут быть обнаружены новые; но на данный момент обнаружено только одиннадцать случаев.

Зераатпише фактически предложил еще четырнадцать (14) случаев; но после нашего анализа в данном исследовании они были отклонены. Один случай (43:81) был отклонен как довольно надуманный. В одном случае (2:247), хотя он правильно прочитал основной аргумент, он ошибочно предположил наличие второго аргумента a fortiori. В другом случае

(3:59), хотя он правильно определил наличие аргумента a fortiori, он ошибочно прочитал аргумент двумя разными способами (добавив избыточную информацию). В оставшихся десяти случаях (см. таблицу ниже, «нет afa») Зераатпише утверждает наличие аргументов a fortiori там, где их на самом деле нет (возможно, просто чтобы «заполнить» свой тезис). Кроме того, следует отметить, что Зераатпише пропустил один аргумент a fortiori (17:49-51), который присутствовал рядом с тем, который он обнаружил.

Koran	rejection	location
2:247	no 2nd afa	§3.6
3:59	misinterpreted	§3.7
3:59	misinterpreted	§3.7
3:162	no afa	§3.7
5:100	no afa	§3.4
6:50	no afa	§3.4
16:17	no afa	§3.7
17:49-51	missed	§3.1
18:48	no afa	§3.1
35:22	no afa	§3.4
39:9	no afa	§3.4
40:20	no afa	§3.7
41:21	no afa	§3.1
43:81	not valid	§3.2
59:20	no afa	§3.4

На основе приведенных выше данных мы можем оценить общие навыки Зераатпише в поиске и правильном прочтении аргументов a fortiori. Он обнаружил девять допустимых случаев, пропустил один случай прямо у себя под носом и неверно

истолковал четырнадцать случаев; следовательно, его процент неудач составил: 15/24 = 63% (то есть работа, выполненная почти на две трети ошибочно, в той или иной степени); и это не учитывает его слабость в интерпретации (5 случаев) или неинтерпретации (4 случая) найденных им допустимых случаев. Это небрежная работа. Тем не менее, Зераатпише следует поздравить с тем, что он действительно обнаружил девять новых случаев аргумента a fortiori в Коране; это самое важное.

В своей аннотации Зераатпише делает следующее широкое утверждение: «Автор этой статьи [т. е. сам Зераатпише] уже кратко обсуждал этот случай в статье под названием «Логика А-фортиори в Коране» (на персидском языке) и показал, что не только утверждение об отсутствии такой логики в Коране неверно, но и что, по-видимому, логика А-фортиори может считаться фундаментальной логикой в Коране. Настоящая статья, по сути, является развитой версией предыдущего обсуждения и пытается привести больше примеров из Корана, касающихся того, что Сион называет «логикой А-фортиори», чтобы раскрыть более широкие аспекты аргументов А-фортиори в Коране».

Я предоставляю читателю данного обзора самому судить, оправдано ли это хвастовство Зераатпише. Обратите внимание, что в предыдущей статье он не утверждает, что у него есть больше аргументов a fortiori. Означает ли наличие 11 подтвержденных аргументов a fortiori во всем Коране (при условии, что в будущем не будет найдено больше), что такой аргумент является «фундаментальным» логическим инструментом в Коране? Я бы назвал это случайным и довольно непреднамеренным явлением. Для сравнения, в еврейском Танахе насчитывается 46 случаев (а также 42 случая в Мишне и, вероятно,

сотни случаев в Гемаре); и 36 случаев в христианском Новом Завете. В трудах Платона — по меньшей мере 15 случаев; а в трудах Аристотеля — по меньшей мере 80 случаев. Очевидно, что, хотя аргумент a fortiori можно считать «фундаментальным» для иудейской логики, то же самое нельзя сказать об исламской логике.

В этом месте я должен отметить, что до публикации рассматриваемой здесь статьи между Зераатпише и мной состоялся обмен электронными письмами. Это происходило в период с конца ноября 2013 года по конец августа 2016 года и включало около 30 сообщений в каждую сторону. Хотя переписка была инициирована Зераатпише, который задавал мне вопросы по логике a fortiori и другим темам, я также воспользовался возможностью задать ему несколько вопросов по арабскому языку и исламской философии. Было затронуто много тем; тон был уважительным, даже дружелюбным, но в то же время откровенным. Я неоднократно призывал его продолжать свои исследования и опубликовать их результаты; и он выразил благодарность.

Оглядываясь назад на этот разговор [105], я вижу, что многие из взглядов, выраженных им в его эссе, а также мной в моем нынешнем обзоре этого эссе, уже были повторены в электронных письмах. Судя по некоторым его вопросам и ответам, я вижу, что Зераатпише не читал, или читал невнимательно, всю 11 главу «АФЛ», не говоря уже о всей книге. Из его вопросов и ответов мне также ясно, что Зераатпише не имел предварительных знаний о логике a fortiori и не приобрел таких знаний впоследствии из исламских

105 Возможно, я в конечном итоге опубликую это где-нибудь в интернете.

источников; это опровергает его более позднее утверждение в рассматриваемой статье о том, что такая логика известна, даже хорошо известна, исламским комментаторам. Меня также поражает и огорчает, что Зераатпише не прислушался к моим мудрым советам по различным вопросам!

В своих электронных письмах Зераатпише предложил три стиха из Корана в качестве примеров аргумента «тем более». Первые два примера — 10:35 и 67:22, оба из которых я сразу же одобрил, хотя и не согласился с его расплывчатым толкованием (даже несмотря на его попытки утверждать, что некоторые вещи имеют смысл на арабском языке таким образом, который английский язык не может воспроизвести); последний — 43:81, который я сразу же опроверг. Интересно, что наши позиции в данном контексте остались по существу одинаковыми. Несмотря на все мои возражения, он не отступил от своих неадекватных толкований. Читатель данного эссе может сам судить, кто прав, поскольку обе наши позиции четко изложены. Зераатпише не консультировался со мной по поводу многих других своих утверждений об аргументе «тем более» в Коране; я узнал о них только тогда, когда прочитал его статью. Тем не менее, даже в этих случаях мне очевидно, что он беззаботно игнорировал мои общие советы.

Мои общие рекомендации включали: стремление к ясности и точности; строгое следование тексту при его интерпретации; чтение «из» текста, а не «в» него; формулирование предполагаемых аргументов в стандартной форме для проверки их статуса a fortiori; избегание путаницы между средними и вспомогательными терминами; и многое другое. Очевидно, он не принял мои рекомендации близко к сердцу. Многие его интерпретации приблизительны и

надуманны; во многих случаях он не утруждает себя формальной проверкой статуса a fortiori; а в одном случае (43:81) он, по-видимому, намеренно размывает различие между средними и вспомогательными терминами, чтобы аргумент казался a fortiori и улучшить оценку.

Из того факта, что он не сообщил мне о завершении [106]и, предположительно, публикации [107]своей работы, я делаю вывод, что он знал, что я негативно отнесусь к некоторым её пунктам. Следующий стих (ст. 64) из *Дхаммапады* хорошо выражает моё разочарование в некомпетентности Зераатпише: « *Если глупец всю свою жизнь живёт с мудрецом, он никогда не познает пути мудрости, как ложка никогда не познает вкуса супа* » .

4. Ложные общие заявления

Далее (в пункте 3-8) Зераатпише утверждает, что:

> «То, что Сион называет аргументом a fortiori, — это не что иное, как „Кыяс аль-Увлавийя“ или „Кыяс Битарик ’Ула“ (оба слова буквально означают

---

[106] Он сообщил мне, что подготовил две работы на персидском языке, но так и не уведомил меня о том, что завершил работу над этой работой на английском.

[107] Как уже упоминалось, я случайно наткнулся на эту статью в интернете. В загруженном мной PDF-файле отображается заголовок «Europe – Revue littéraire mensuelle». Но я не нашел упоминания об этом авторе или статье в онлайн-каталоге этого журнала по адресу: https://www.europe-revue.net/tables-annuelles-2/. Поэтому я не знаю, что и думать. Могу лишь сказать: если они действительно опубликовали эту статью, то их стандарты, должно быть, очень низкие; или, может быть, у них есть особая политика «зимми» в отношении мусульманских текстов.

> „Высший силлогизм“) в исламской традиции, который иногда используется исламскими теологами как противоположность „Кыяс аль-Адна“ или „Кыяс аль-Мосават“ (то есть, соответственно, „низшему“ и „эгалитарному“ силлогизму)».[108]

Это («ничего больше, чем») — ложь, призванная создать впечатление, будто исламские богословы знали о аргументе фортиори, причем в трех его разновидностях (верхний, нижний и эгалитарный) [109]. Зераатпише, заметьте, не указывает, *когда и кем* эти три термина были впервые использованы и обсуждены. Более того, заметьте, он не цитирует и даже не упоминает ни одного исламского текста, где аргумент фортиори был бы *четко определен и разумно обсужден* . Поэтому его хвастовство традиционными знаниями пусто. Кроме того, эти термины сами по себе очень приблизительны; они не подчеркивают важные различия между субъективным и предикативным, положительным и отрицательным, связочным и импликационным, чистым и крещендо — формами аргумента фортиори, различия, которые *необходимы* для полного понимания аргумента фортиори. Зераатпише здесь переводит арабский термин *кияс* как «силлогизм»; но правильный перевод (обычно встречающийся в книгах по этой теме) этого термина — «аргумент» в общем смысле. В любом

---

108 В AFL 11: 4 я использую термины qiyas *al-awla* (аналогия высшего), qiyas *al-adna* (аналогия низшего) и qiyas *al-musawi* (аналогия равного). Хотя первый и третий термины выглядят несколько по-разному, очевидно (учитывая их общие корни), что они одинаковы.

109 Подобные категоричные заявления типичны для ислама, который, более или менее усвоив какую-либо идею или историю, заимствованную у других, объявляет её своей собственной и даже утверждает, что она является оригинальной.

случае, это не относится к аргументу «тем более», для которого (что примечательно) исламские комментаторы *не имеют конкретного названия* .[110]

упомянутые выше три *«кия»* — это всего лишь аргументы по аналогии, которые переходят от большего, меньшего или равного члена к меньшему, большему или равному члену соответственно. Аргументы по аналогии менее сложны и менее достоверны, чем аргументы a fortiori или crescendo [111]. Я ясно говорю об этом в AFL 11:3:

> Наконец, следует *слово «кияс»* , которое обычно переводится как «аргумент по аналогии», хотя, несмотря на то, что это может быть точным с этимологической точки зрения, на практике этот термин, как мы увидим, скорее относится к любому виду дедуктивного или индуктивного вывода, используемого для выведения законов из Корана, Сунны или общепринятых норм. Таким образом, *«кияс»* в некоторой степени соответствует герменевтическим принципам. (*миддот* , на иврите) используется в еврейском праве, или,

---

[110] В переписке по электронной почте я задал Зераатпише некоторые из вышеупомянутых вопросов, хотя уже поднимал их в AFL. От него я узнал, что множественное число арабского слова *qiyas — aqyisi* ; а также, что «al-uwlaviyyah» означает «приоритет». Когда я попросил его предложить более конкретное арабское название для аргумента fortiori, он предложил слово « *tashkik* », встречающееся в исламской философии, где оно означает «диапазон со слабым и сильным». (Еще одно его предложение — « *mantiqi tariqi ulayi* », хотя он не объяснил эту фразу, кроме того, что это смесь персидского и арабского языков; я предполагаю, что это тоже означает «больше и меньше».) Зераатпише также сказал мне, что слышал, будто комментатор Макарем написал что-то в защиту обоснованности аргумента fortiori, но еще не выяснил, где именно; Интересно отметить, что в своей статье он не упоминает и не цитирует Макарема (или кого-либо еще) по этому поводу.

[111] В AFL 5:1 я подробно анализирую количественные аналоговые формы аргументации и объясняю, как и почему они отличаются от форм аргументации a fortiori.

возможно, даже в более широком смысле в логике в целом (*мантик* , на арабском).

В «АФЛ» 11:4 я подробно обсуждаю исламские знания и понимание аргумента «теории фортиори» (со ссылками на современные и более ранние источники); но, по-видимому, Зераатпише не удосужился тщательно изучить это обсуждение, если вообще это сделал. Мой вывод заключался в том, что «классические исламские юристы не смогли по-настоящему понять отличительные черты аргумента «теории фортиори». *Они, по-видимому, могли интуитивно правильно использовать этот аргумент (по крайней мере, некоторые его формы), но не могли точно определить, как и почему он работает* ». Мне нет необходимости повторять здесь свой анализ; достаточно лишь повторить, что вышеупомянутое утверждение Зераатпише — это апологетическая чушь.

Далее Зераатпише утверждает:

> «Использование или неиспользование „Кияс аль-Увлавийя“ — острый вопрос в исламском праве. Шииты, согласно некоторым хадисам своих имамов, используют его очень редко и осторожно, чтобы быть более привязанными к своим священным текстам. Я думаю, что именно отсутствие этой самой привязанности объясняет наличие в еврейских текстах аргументов a fortiori, которые заставляют таких людей, как Сион, прилагать большие усилия, чтобы показать, что аргумент a fortiori может быть материально обоснованным, но формально необоснованным (см.: 2013, с. 70)! Отсутствие этой проблемы (т.е. материально обоснованность и формальная необоснованность) в логических аргументах

> Корана усиливает теорию о том, что Коран не искажен, или, по крайней мере, искажен настолько, насколько еврейские тексты».

Возможно, шиитские комментаторы менее склонны прибегать к *киясу,* чем их суннитские соперники. Как я указываю в АФЛ 11:3: «Шиитские ученые ссылаются на *'акль* (рациональную способность), а не *на кияс* (аргументы), чтобы объяснить свои выводы». Чтобы точно определить, что означает это различие, потребуется много исследований; но я подозреваю, что на первый взгляд такое исследование покажет, что шииты так же много внимания уделяют чтению Корана (в отличие от чтения его из текста), как и их суннитские соперники, хотя, возможно, и не одинаковым образом. Этот методологический вопрос, вероятно, является всего лишь сектантской ссорой, посредством которой они различают себя и обосновывают свои различные доктрины. Безусловно, как мы видели выше (см. 3:59), Зераатпише и комментатор Табатабайи, на которого он ссылается, на практике оба вполне готовы вчитывать в текст Корана то, чего там просто нет!

Что касается замечания Зераатпише в мой адрес, утверждающего, что я «стараюсь показать, что аргумент a fortiori может быть материально обоснованным, но формально необоснованным», — я не вижу никаких доказательств того, что я когда-либо говорил что-либо подобное на странице, на которую он ссылается, или где-либо еще! Это просто язвительная дезинформация [112]. Возможно, я где-то говорил, что аргумент может казаться кому-то материально обоснованным, хотя на самом деле он формально необоснован. Или, возможно, я где-то

[112] Если только в его заявлении нет опечатки.

говорил, что аргумент может интуитивно казаться материально обоснованным задолго до того, как будет доказана его формальная обоснованность (можно утверждать, что это верно для всех обоснованных аргументов). Но я точно никогда не говорил, что аргумент может быть материально обоснованным и формально необоснованным! Очевидно, либо Зераатпише совершенно неправильно понял что-то, что где-то прочитал, либо он пытался придумать какую-то причину для критики моей работы, потому что не смог ее найти.[113]

Аналогично, его утверждение о том, что «эта проблема (то есть, материальная обоснованность и формальная необоснованность)» отсутствует в логических аргументах Корана, но присутствует в еврейских текстах, является чистой выдумкой. Как мы видели выше, сам Зераатпише приводит значительное количество отрывков из Корана, которые, по его мнению, указывают на аргумент a fortiori, хотя на

---

113 Я нашел электронное письмо Зераатпише, в котором он утверждает (я перефразирую для краткости), что логическое исследование аргумента a fortiori в Коране должно лишь демонстрировать формальную обоснованность предполагаемого аргумента, а не его материальную истинность. Он упрекает меня за критику материальных аспектов Корана, тем самым несправедливо относясь к нему по сравнению с другими текстами. Возможно, именно это он пытался повторить здесь, в своей статье, но ему было трудно выразиться. Хотя я согласен с тем, что главной целью логического исследования такого документа, как Коран, является поиск в нем следов логики (это формальный аспект), я не согласен с тем, что логик не имеет права отвечать на существенные утверждения документа (материальный аспект). Я также не согласен с упомянутым личным обвинением в том, что я несправедливо критикую Коран больше, чем другие религиозные тексты. Если я критикую Коран с особой страстью, то потому, что он особенно заслуживает критики, а не из-за каких-либо предвзятых мнений *с самого начала* .

самом деле ни один из них не является явным [114]. Безусловно, можно предположить, что эти случаи казались ему «материально обоснованными», хотя на самом деле они были «формально необоснованными». В частности, мы уличили Зераатпише в настойчивых попытках навязать толкование стиха 43:81 как a fortiori. Таким образом, вряд ли можно сказать, что он следует тому, что, как он утверждает, проповедует. Нигде он не приводит примеров, где я веду себя таким же логически незаконным образом.

Конечно, всё это его замечание призвано подкрепить его ложное утверждение о том, что «Коран не искажён, или, по крайней мере, не так сильно искажён, как еврейские тексты». Продолжая в этом же ключе, он проводит различие между *киясами,* где «средний термин явно указан в Коране и хадисах», и теми, где «средний термин выводится». Он утверждает, что шииты почти никогда не используют последний вариант в своей юриспруденции [115], поскольку считают, что он ведёт к искажению. По его словам, шииты также очень осторожны, чтобы «быть более привязанными к своим священным текстам».

---

[114] Примечательно, что в одном из своих электронных писем он жалуется: «Вы сказали мне: „Постарайтесь изложить стих формально, тем более, так, чтобы он убедил меня или кого-либо еще“. Зачем мне это делать?! Вы имеете в виду, что аргумент не может быть тем более убедительным, если он не убедителен для кого-либо?!» Мой ответ был: «Аргумент может казаться вам интуитивным и обоснованным, но вы не можете доказать его обоснованность, просто сказав, что считаете его убедительным. Вы должны сделать его убедительным для всех посредством формальной проверки».

[115] Он приводит одно исключение: аргумент из Корана 17:23: «(чтобы вы проявляли) доброту к родителям. Если один из них или оба доживут до преклонного возраста вместе с тобой, не говори им «фу» и не отталкивай их, но говори им доброе слово». Я подробно проанализировал этот аргумент в AFL 11:4, поэтому не буду повторяться здесь. Достаточно отметить, что Зераатпише не говорит ничего нового по этому поводу.

Судя по тому, что мы видели выше, это утверждение — очередная чушь: мы видели, что Зераатпише и оба комментатора, которых он цитирует (Макарим к 43:81 и Табатабайи к 3:59) [116], без колебаний используют средние термины, которые явно не указаны в Коране.

Более того, мы видели, что Зераатпише часто не уверен, что именно подразумевается под средним термином, даже если он присутствует в тексте (например, в 4:95, 10:35 и 67:22); он не очень проницателен. Кроме того, я в нескольких контекстах выше упрекал Зераатпише за его неспособность придерживаться исследуемого текста и за его готовность интерпретировать его по своему усмотрению. См. мои комментарии по этому поводу в анализах выше 2:247, 3:59, 4:95, 10:35 и 39:9. В последнем случае, похоже, Табатабайи может быть виновен в подобном неверном толковании. Также обратите внимание на многочисленные случаи (уже перечисленные выше), когда Зераатпише утверждает, что существует аргумент fortiori, когда его нет; он, должно быть, неправильно читал соответствующие стихи, раз так их истолковал.

Зераатпише затем предполагает: «В сравнении, кажется, что большинство еврейских аргументов a fortiori [лишены среднего термина], если не все». Здесь Зераатпише снова не приводит списка примеров в поддержку своего утверждения или даже хотя бы одного примера для его иллюстрации. Я, в AFL (и до этого в моей книге *«Иудейская логика* »), указываю, что средний термин очень часто приходится угадывать (несомненно, он позаимствовал эту идею оттуда); но я нигде не утверждаю, что это нечто

[116] В стихе 43:81 вставленный средний термин — это «вера/знание о Боге»; а в стихе 3:59 — это отсутствие отца или отсутствие отца и матери.

характерное только для «еврейских» текстов — это, вероятно, встречается во всей мировой литературе. Более того, это не ограничивается аргументом a fortiori, а встречается и в других формах аргументации, таких как силлогизм или аналогия. Причина такой практики — просто дискурсивная *экономия* : нет необходимости указывать что-то, что большинство читателей могут легко понять из контекста. Вопрос в том: когда такое «угадывание» оправдано, а когда нет?

5. Извиняющаяся чепуха

В неоднократных негативных инсинуациях Зераатпише о еврейских текстах и людях можно заметить его антисемитские наклонности. Такая враждебность неудивительна, учитывая, что в какой-то момент он цитирует отрицателя Холокоста (великого аятоллу Макарима). Большинство мусульман, и, возможно, особенно иранские, испытывают сильную неприязнь к евреям; несомненно, это связано с многочисленными необоснованными негативными высказываниями о евреях в Коране и хадисах. В своей аннотации Зераатпише называет меня «еврейским логиком»; но я никогда себя так не называл. Меня можно назвать еврейским философом, потому что некоторые (хотя, конечно, не все) мои мысли находятся под влиянием иудаизма. Но нет оснований называть меня «еврейским логиком», даже если часть моей работы заключалась в анализе иудейской логики, потому что, когда дело доходит до логического анализа, я не оказываю предпочтения никому, а работаю в научном духе. Тот факт, что я анализировал исламскую,

христианскую или буддийскую логику, не делает меня «мусульманским логиком» и т.д.

Однако очевидно, что мотивы Зераатпише, побуждающие его делать подобные заявления, не ограничиваются антисемитизмом. Зераатпише выступает в роли защитника или апологета ислама. Его явно задели мои различные заявления в AFL, отрицающие духовную достоверность Корана, и он хочет отомстить. Он правильно понял мои насмешки над низкой частотой и низким уровнем аргументации в Коране и хадисах как свидетельство интеллектуальной бедности в исламе. Как он пишет в своем реферате: «Подобное утверждение может быть сделано с целью игнорирования логической эквивалентности еврейских и христианских писаний и Корана, чтобы предотвратить идею о том, что все эти тексты происходят из одного источника». В этом и заключается суть вопроса – имеет ли Коран *прямое* божественное происхождение (через диктовку ангела Мухаммеду) или же это созданная человеком подборка фрагментов, заимствованных из различных еврейских, христианских и других существовавших ранее источников (независимо от их божественного происхождения) и некоторых новых фантазий.[117]

Как мы видели, Зераатпише оставил многие случаи без толкования; он предполагал или утверждал, что они являются обоснованными аргументами a fortiori, не доказывая этого фактически путем предложения убедительного толкования. Возможно, это была лень

[117] Один из примеров стал очевиден для Зераатпише, когда он спросил меня по электронной почте, есть ли в еврейских источниках параллели с историей, изложенной в Коране 2:30-33. Я дал ему ссылку на онлайн-копию Мидраша «Бытие Рабба», содержащую аналогичное повествование. Он спросил меня, как он может быть уверен, что история из Корана не предшествует истории из Мидраша; я объяснил ему, что историки датируют последнюю примерно четырьмя столетиями ранее первой.

или небрежность с его стороны; но я склонен думать (как уже указывалось), что это было преднамеренное «наполнение», чтобы Коран чаще казался логичным, чем он есть на самом деле. Зераатпише делает странное замечание в заключительном разделе (§4):

> «Несмотря на утверждение Сиона, в Коране существует множество аргументов a fortiori, в которых соблюдаются формальные принципы аргументов a fortiori, о которых говорил Сион. Большинство коранических аргументов a fortiori представляют собой кульминацию, и в своей достоверности они не нуждаются в дополнительных усилиях, которые Сион прилагал для обоснования еврейских аргументов, чтобы показать какое-либо материальное подтверждение».

Здесь Зераатпише, кажется, утверждает, что коранические аргументы a fortiori не нуждаются в обосновании — они, по-видимому, являются действительными и без дополнительных усилий, обычно прилагаемых для демонстрации какого-либо конкретного подтверждения. Неужели он считает, что коранические аргументы освобождены *от* логического требования проверки и подтверждения? Неужели он считает, что достаточно заявить, что они являются a fortiori, чтобы они действительно были a fortiori? Возможно, это объясняет, почему он так часто делает ложные заявления о том, что конкретные коранические аргументы являются a fortiori, когда на самом деле это не так [118]. В любом случае, это

---

118 Что касается его утверждения о том, что «большинство аргументов a fortiori в Коране представляют собой кульминацию», — это неверно. Как мы видели, из одиннадцати подтвержденных

утверждение говорит о том, что Зераатпише на самом деле не понимает формальной логики и нашей абсолютной необходимости в ней для окончательного подтверждения материальных аргументов. Очевидно, антиеврейский уклон мышления Зераатпише сбивает его с пути; он не может объективно судить об исламской логике, потому что у него есть предвзятое отношение к превосходству одной расы над другой.

То, что Зераатпише отчаянно хочет доказать не только равенство ислама, как он хитро притворяется, но и его *превосходство* над иудаизмом и христианством, становится очевидным из его заключительных замечаний:

> «Эта особенность может усилить теорию о том, что коранические тексты менее искажены, чем еврейские тексты, если вообще искажены. Важная роль логики a fortiori в Коране, учитывая её важную роль в еврейских и христианских текстах, также укрепит эту теорию о том, что происхождение исламских, еврейских и христианских текстов одно и то же. Другими словами, логическое сходство Корана, еврейских и христианских текстов было подтверждено Сионом, который, однако, стремился его отрицать».

В этот момент Зераатпише благочестиво цитирует отрывок из Корана: «Они хотят погасить свет Аллаха своими устами, но Аллах решил позволить Своему свету сиять (стих 32, сура Тауба)». Это, конечно же, заклинание, которое Зераатпише использует, чтобы изгнать собственные страхи, придать себе мужества и

аргументов a fortiori в Коране пять (менее половины) представляют собой кульминацию, а остальные являются чистыми.

обрушить порицание на своих противников. Утверждение здесь (и часто в Коране) о том, что неверие в Коран мотивировано неверием в Бога, не имеет под собой никаких оснований. Подобные заявления на самом деле являются аргументацией путем запугивания, выражающей мрачную враждебность по отношению к любому, кто не согласен (названному «неверными»), и неявно угрожающей им. Затем Зераатпише переходит к своему заключительному аргументу, произнесенному в псевдоразумном тоне:

> «Однако может возникнуть одна проблема. Мусульмане считают, что еврейские и христианские священные тексты были искажены. Зная это, кто-то может спросить: «Как, черт возьми, можно найти одно и то же в качестве основополагающей логики в Коране и еврейских и христианских текстах?» Чтобы ответить на этот вопрос, следует учитывать, что при искажении чьей-либо речи обычно изменяется содержание речи, а не ее форма и контекст. Искажение религии, естественно, происходит в том же контексте, что и сама религия, включая лежащую в ее основе логику».

Очевидно, что Зераатпише больше всего интересует не логика, а религиозный спор. Речь идёт о совершенно нелепом мусульманском утверждении о том, что Коран исторически *предшествовал* еврейской и христианской Библиям. Эта клевета, конечно же, является наглой попыткой культурной апроприации и *теологии замещения* ; и она не имеет абсолютно никакого основания в эмпирической, научной истории. Нет никаких сомнений в том , что

сохранившиеся исторические документы и найденные артефакты предшествовали Корану. Древние народы, такие как египтяне, ассирийцы, вавилоняне и персы, знали об израильтянах, но никогда не слышали о мусульманах. Греки и римляне знали об иудаизме, а позже и о христианстве; но никогда не слышали об исламе. Эти факты нельзя отвергать в пользу исламской выдумки о хронологическом прецеденте, для которой *не приводится абсолютно никаких доказательств* . Это мусульманское изобретение противоречит *индуктивной логике* , которая требует, чтобы веские эмпирические доказательства имели абсолютное преимущество перед любыми необоснованными фантастическими утверждениями. Логика, безусловно, имеет полное право анализировать и критиковать материальные утверждения, основанные на вере; её сфера применения не ограничивается формальными вопросами.

Интересно, что некоторые арабы, которые всего несколько десятилетий назад начали называть себя «палестинцами», теперь используют тот же самый стереотип, утверждая, что они населяли Землю Израиля задолго до евреев. Недавно в своей речи в ООН их нынешний лидер Махмуд Аббас бесстыдно заявил, что его «народ» живет на этой земле уже 5000 лет! На других площадках он неоднократно отрицал какую-либо связь современных евреев с этой исконной еврейской землей, обвиняя их в захвате и колонизации. Это просто кража личности, попытка перевернуть исторические факты. Это не удивительно, учитывая, что этот мерзкий человек в прошлом неоднократно отрицал Холокост 6 миллионов евреев, устроенный нацистами.

Подобный *исторический ревизионизм,* по-видимому, звучит убедительно для людей, не имеющих никаких

знаний по истории; но для любого, кто изучал этот вопрос, это циничное издевательство. Очевидно, мусульмане считают, что им сойдет с рук любое искажение истории, служащее их интересам. Будучи легко обманутыми выдумками своих собственных учителей и лидеров, они думают, что могут, в свою очередь, обмануть и других людей. Они не осознают, насколько интеллектуально и этически отстали, даже живя в XXI [веке] . Их тела находятся в этом веке, но их сердца и умы по-прежнему прочно застряли в VII [веке] .

Кроме того, анализ трех рассматриваемых здесь документов ясно показывает относительное положение Корана. В еврейской Библии (Танахе) не упоминается ни христианская Библия, *ни мусульманский Коран* , тогда как христианская Библия упоминает и ссылается на еврейскую Библию, *но не на мусульманский Коран* , а мусульманский Коран *упоминает и ссылается на нее.* Это указывает на порядок вещей *как* в еврейской, так и в христианской Библии. Более того, как мы видели на нескольких примерах выше, в то время как еврейская и христианская Библии излагают свои истории *в хронологическом порядке* , Коран пересказывает некоторые из них *в очень беспорядочном порядке* . Читая Коран, становится ясно, что он ссылается на *уже существующие* истории и идеи, просто вспоминая их и комментируя, иногда более или менее правильно, но очень часто в очень неточной форме [119]. Если в Коране и присутствует какая-либо логика, то это логика, которую он почерпнул *из* своих еврейских, христианских и других источников; Коран, безусловно, не учил никакой логике *ни* евреев, ни христиан. Вместо того чтобы быть благодарными тем,

[119] Например, в стихе 19:28 путают Мириам (сестру Аарона) с Марией (матерью Иисуса)! Больше примеров смотрите в стихе 11:2.

кто их учил, мусульмане высокомерно заявляют, что являются их учителями.

Никто не слышал о Коране до его появления в VII (или, возможно, только в VIII) веке нашей эры. До этого он не был «спрятан» где-то — его просто ещё не существовало. Когда он появился, еврейская история уже насчитывала около 1900 лет (считая от Моисея до Мухаммеда), а христианская — около 600 лет (считая от Иисуса до Мухаммеда). Девятнадцать и шесть веков! В течение этого времени *никто не* слышал о Коране, никто никогда не упоминал о нём, и он не оставил никаких материальных следов! Мухаммед (который упоминается в Коране) ещё не родился; поэтому никто не мог говорить о нём (даже о «скрытом» Коране). Это здравый смысл, с которым любой искренний человек легко согласится. И всё же мусульманские комментаторы, такие как Зераатпише, предпочитают воображать и хвастаться тем, что Коран появился первым, а две другие книги были его «искажениями»! Может ли какое-либо доктринальное утверждение быть более нелогичным *и нечестным,* чем это? Более ранний документ не может «искажать» более поздний документ.

Ещё одно абсурдное утверждение мусульман заключается в том, что Коран существовал ещё до сотворения мира. Это утверждение можно рассматривать как очередную попытку ислама превзойти две упомянутые ранее религии. Однако, как ни странно, *даже это* утверждение является подражанием, встречаясь в Талмуде и Мидраше в пользу Торы задолго до появления ислама! И действительно, этот тезис о «до сотворения мира» в той или иной форме встречается и в других религиях. В христианстве говорится, что Иисус существовал до сотворения мира; и аналогично в буддизме (по крайней мере, в махаянской ветви) — Сиддхартха

Гаутама. Такие утверждения распространены, поскольку они служат для придания секте большей «легитимности».

Логически , идея о том, что Коран — или Тора, если уж на то пошло, — предшествовали материальному миру, несостоятельна. Такое утверждение самопротиворечиво. У Бога могли быть определенные *абстрактные* идеи, планы, руководящие принципы или законы, которые впоследствии были записаны в документе; но, безусловно, при допущении существования свободы воли, *конкретные* люди и истории в документе не могли быть предопределены. Бог мог предвидеть все события заранее; но он не мог, без парадоксальной цикличности, создать мир на их основе (прошлое должно предшествовать будущему во всех отношениях — прошлое никоим образом не может быть вызвано будущим).

Правда заключается в том, что Коран (как и другие источники исламского права, или шариата) был создан как *политическое* оружие; его главная цель — не духовное просветление, а власть над людьми. Он облечен во внешнюю оболочку религиозного документа, якобы послания от Бога; но это делается лишь с гнусной целью — захватить и пленить умы и души людей, а затем и их тела. Его психологическое воздействие на людей, попавших под его влияние, разрушительно; они не обретают духовного освобождения, а глубоко угнетаются им духовно, и выхода из этого состояния, по-видимому, не существует. Это проявляется в грубости их речи и поведения в повседневной жизни.

Немногочисленные силлогизмы и аргументы «тем более», найденные в Коране, не свидетельствуют о его рациональности ; важно лишь его общее влияние на умы людей, и это влияние было и остается крайне

негативным. Это особенно ярко проявляется в отсталости мусульманских стран и их населения во многих отношениях. Любые признаки прогресса, которые можно в них наблюдать, обусловлены западным влиянием, образованием и технологиями (за которые они не проявляют никакой благодарности). Их богатство сегодня в основном обусловлено нефтяными ресурсами, добыча которых стала возможной только благодаря западным ноу-хау. Им мало чем можно похвастаться ни в одной области деятельности.

Сегодня ислам известен миру главным образом по одной причине: яростный терроризм и разжигание войны, которые он порождает, *убийства и хаос* , которые он распространяет повсюду. Даже в мусульманских странах ислам порождает жестокие диктатуры и множество ужасных порядков, касающихся отдельных людей, семей и общества. На международной арене, где бы и когда бы ему ни предоставлялась возможность проявить себя, его послужной список еще хуже.

До начала этого столетия ислам казался большинству людей на Западе безобидным явлением. Затем, в печально известный день 11 сентября 2001 года, когда тысячи невинных людей были убиты за один раз, весь мир узнал о свирепой ненависти мусульман и их потенциальной разрушительной силе. Пока западные люди оплакивали жертв, мусульмане ликовали и праздновали. Это драматическое событие не было второстепенным, не было делом рук множества заблудших фанатиков – оно стало прямым следствием анахроничных коранических учений, которые предписывают «джихад». Этот термин относится к мировому завоеванию и господству мусульман посредством всевозможного насилия и лжи (*таккия*).

Цель ислама, повторюсь, — абсолютная политическая власть над всеми, круглосуточно и навсегда. Следует подчеркнуть, что главными жертвами исламской идеологии являются сами мусульмане. Большинство современных мусульман — потомки немусульман, насильно обращенных в ислам. Ислам насильственно затормозил их познавательное и нравственное развитие, породив в них болезненные желания порабощать, насиловать и грабить другие народы, вместо того чтобы учить их цивилизации и миру. Свободный мир, безусловно, в конечном итоге победит сегодняшних исламских агрессоров, как это было в прошлом; но ислам не исчезнет, пока сами мусульмане не проявят мужество и не освободятся от него.

Разум может помочь им в этой священной борьбе за свободу.

4. Майкл Авраам и др.

Настоящее эссе [120]*является ответом на общее письмо (озаглавленное «* Общий анализ критики Ави Сиона *», подписанное Довом Габбаем, Майклом Авраамом и Ури Шильдом) и конкретные комментарии (авторство которых принадлежит Майклу и, предположительно, одобрено Довом и Ури), которые вы прислали мне 21.01.2014 в ответ на главу 25 моей книги* «Логика Фортиори» *(далее —* «Логика Фортиори *»), посвященную вашему эссе 2009 года «* Анализ талмудического правила вывода Argumentum A Fortiori (Kal Vachomer) с использованием матричной абдукции *»* [121].

Я очень рад, что вы написали мне, потому что это показало мне *тревожную степень ваших заблуждений относительно природы и цели формальной логики, то есть работы логика* , и, кроме того, еще раз подтвердило мое убеждение, что *вы не до конца понимаете аргумент a fortiori* . Для удобства я пронумеровал абзацы вашего итогового письма L-1–L-10, а ваши конкретные комментарии — C-1–C-23. Здесь я постараюсь ответить на ваши различные утверждения, хотя и в порядке, который мне кажется уместным.

---

120 Опубликовано на сайте The Logician как *дополнение к* книге «Логика Фортиори» . *Глава 25.* Это дополнение до сих пор не было опубликовано ни в одной книге или электронной книге. Оно было написано в апреле 2014 года.

121 *Studia Logica* 92(3): 281-364. Для информации: ваше первоначальное эссе занимало 84 страницы; моя глава 25 — 15 страниц (формат A4); ваше общее письмо — 2 страницы, а 23 дополнительных комментария составляют примерно на 1,5 страницы больше. Настоящий ответ занимает 13 страниц.

1. О «переводе»

Главная проблема в вашем понимании логики заключается в **вашем весьма странном представлении о том, что все попытки описания и объяснения аргументов, то есть их формализации и проверки, представляют собой «перевод»** — под которым вы, по-видимому, подразумеваете «тривиальное и бесполезное» *косметическое переформулирование* аргументов, встречающихся в обыденной речи. По вашим словам, такое переформулирование не может служить для выявления дедуктивных аргументов, а фактически является произвольным. Цитирую вас:

> «Объяснение и подтверждение самого базового принципа KVH тривиальны и практически не влияют на недедуктивные аргументы. На мой взгляд, это всего лишь вопрос перевода. (С-6)»
>
> Любой недедуктивный аргумент можно перевести в дедуктивный, если добавить посылки. Возьмем простую аналогию между A и B (если A — это X, то B — это тоже X). Если добавить посылку о том, что их общий атрибут подразумевает X, то аргумент становится дедуктивным. Это тривиально и бесполезно. Именно это я и имею в виду под переводом в сравнении с логическим моделированием. (С-7)
>
> Потому что мы не занимаемся переводом, как вы. Мы имеем дело с логическими измерениями СУГИИ». (С-22)

Я бы сказал, что до тех пор, пока вы не откажетесь от подобных взглядов, до тех пор, пока вы не откроете свой разум для более проницательных и глубоких работ других, ваше логическое понимание и навыки неизбежно останутся на низком уровне. «Перевод» *чего* именно на что? Вы не говорите. Вы не приводите ни одного примера этого предполагаемого процесса перефразирования и не демонстрируете, почему результаты являются, и действительно, по вашему мнению, *будут* , «тривиальными и бесполезными». Всё это лишь *смутное представление* в вашем уме, с помощью которого вы можете легко *отвергнуть* любую работу, которую вы явно не понимаете или не удосужились внимательно изучить.

Переформулировку А. Шварцем аргумента фортиори в силлогистической форме можно, пожалуй, рассматривать как простой «перевод» — но это, безусловно, не отразило бы всей сути. Шварц пытался сформулировать аргумент фортиори в виде силлогизма, чтобы его обосновать, поскольку силлогизм является более легко и широко понятной формой аргументации, чем аргумент фортиори. Как оказалось, гипотеза Шварца была неверной — но не по той причине, которую вы предполагаете, то есть не потому, что она представляла собой «перевод». Причина её неверности, как я ясно показываю *в главах 5 и 14 AFL (прочитайте их!)* , заключается в том, что, хотя информация, содержащаяся в аргументе фортиори, и информация, содержащаяся в силлогизме, в некоторой степени совпадают. Следовательно, силлогизм Шварца не может полностью обосновать аргумент фортиори. Иными словами, сам факт «перевода», вопреки вашему предположению, не имеет *никакого отношения* к отвержению теории Шварца. Его попытка обосновать аргумент a fortiori, сводя его к силлогизму, вполне

законна и потенциально информативна, но она просто не подтверждается фактами.

Более того, хотя попытку Шварца можно представить как «перевод», как уже упоминалось, никоим образом нельзя разумно представлять простые и сложные типы аргументации a fortiori Л. Джейкобса как «переводы». Опять же, с чего на что? Он не меняет формулировки аргументов, встречающихся в дискурсе, а лишь *пытается найти их общие черты,* заменяя термины, обычно встречающиеся в дискурсе, буквами (A, B, x, y). Таким образом, он просто пытается обобщить *информацию* . Никакого «перевода» здесь нет, вопреки вашему воображению. Причина, по которой его теория также терпит неудачу (по крайней мере, частично), заключается не в том, что она включает в себя «перевод», а в том, что она неприменима ко всем случаям (т.е. это поспешное обобщение на основе некоторых примеров) и является неполной для тех случаев, к которым она применима (т.е. его формализация не выявляет всех релевантных особенностей и, следовательно, не может быть формально подтверждена). Это подробно продемонстрировано *в главе 16 AFL (обязательно прочтите её!)* .

Более того, теория аргумента a fortiori, представленная в моей книге 1995 года *«Иудейская логика»* , глава 3, является *более Полностью осознанные* усилия по формализации и подтверждению аргумента a fortiori нельзя охарактеризовать, как вы так небрежно утверждаете, как простой «перевод». Чтобы помочь вам понять, «откуда я это беру», когда говорю все это, давайте вернемся к истокам формальной логики, то есть к работам ее основателя, Аристотеля. *Что именно делал Аристотель, когда разрабатывал силлогизмы?* Он,

должно быть, замечал, что сам и другие думают, говорят или пишут аргументы примерно так:

> Сократ — человек, следовательно, он смертен.

Или, например:

> Все люди смертны, следовательно, Сократ смертен.

Он, должно быть, задавался вопросом: что делает такие аргументы убедительными, что делает их *правдоподобными* для нашего рационального мышления? Он, должно быть, тщательно изучал и обдумывал множество подобных утверждений, пока, возможно, в результате внезапного озарения, не понял, *что* у них общего и *почему* они интуитивно правдоподобны. Он выдвинул теорию, согласно которой полный аргумент в двух приведенных выше примерах выглядит следующим образом:

> Все люди смертны (главная предпосылка).
>
> и Сократ — человек (незначительная предпосылка);
>
> Следовательно, Сократ смертен (вывод).

Он, по сути, не «добавлял» утверждение ни к одному из предыдущих аргументов, а лишь *выявлял* в каждом случае неявную, но предполагаемую информацию (главную посылку в первом случае, второстепенную посылку во втором). Он понимал, что *обе* эти посылки необходимы для обоснования указанного вывода, и что ни одна из них сама по себе не может выполнить эту задачу.

Более того, Аристотель не мог бы сделать это, не осознавая всего *лишь этого. Почему именно* эти две предпосылки привели к такому выводу? Он не смог бы должным образом *описать* вещи, если бы не *объяснил* их должным образом. Здесь он развил идею о том, что отдельные личности (например, Сократ)

принадлежат (это слово он часто использует) к группе подобных личностей (например, человечество), и через этого посредника также *принадлежат* к более крупной такой группе (например, смертные). То есть он открыл *срединный термин* , который сделал возможным переход от малого термина к большому. Как только он понял этот процесс рассуждения, он смог *формализовать* рассматриваемый силлогизм следующим образом:

Все B — это C.

и это A — это B;

Следовательно, это A — это C.

Это был не конец его работы, а, по сути, только начало. Теперь ему предстояло *проверить* свою теорию на примере множества случаев, которые, казалось, *не* вписывались в эту схему. Например, ему нужно было понять, что аргумент:

Все люди смертны.

А мой кот — *не* человек;

Следовательно, мой кот *не* смертен.

… *недействительно* и почему это не так. Более того, он перепробовал все перестановки и комбинации терминов в посылках (четыре фигуры и 64 наклонения в них) и таким образом разработал полную теорию силлогизма, перечислив как действительные, так и недействительные наклонения (подробнее см. мою книгу « *Логика будущего», главы 8-10*).

Итак, Майкл, Дов и Ури, каждый, кто в юности изучал формальную логику, знает эту историю, и большинство студентов, предположительно, её поняли. Но, по-видимому, она ускользнула от вашего внимания или понимания. Развитие силлогизма Аристотелем, очевидно, не имеет ничего общего с простым «переводом». Здесь нет «переведённого

элемента» и «элемента, возникшего в результате перевода» — это работа по формализации, подтверждению или опровержению.

Следует отметить, что процесс проверки (или опровержения, в зависимости от обстоятельств) заключается в *точном определении того, при каких условиях (если таковые имеются) данная предпосылка или набор предпосылок подразумевают предполагаемый вывод, или, точнее, на основании каких предпосылок можно (если вообще) получить желаемый вывод* . Вопреки вашему представлению, это не произвольная и бесполезная манипуляция данными; это очень трудоемкий процесс с очень значимыми результатами.

Полезность этой логической работы заключается в том, что она позволяет нам понять, как и почему мы постоянно рассуждаем определенным образом, то есть почему мы естественным образом находим тот или иной аргумент убедительным и информативным. Для эпистемологии (а также для нашего душевного спокойствия, психического здоровья и выживания как живых организмов) крайне важно точно знать, как мы рассуждаем, и обосновывать, где это возможно, такие рассуждения.

Отправной точкой всех логических теоретизирований должна быть обычная человеческая речь, которую мы познаём посредством самоанализа и наблюдения за речью и письменными текстами других людей. Выделив тип аргумента в качестве объекта исследования, логик сначала пытается описать его, затем объяснить его работу и, следовательно, предписать, как правильно его использовать. Логик — это не высшее существо, стоящее выше толпы; это информированный и опытный дилетант. Он может и действительно улучшает свои собственные и чужие

мыслительные процессы, потому что он изучил этот вопрос глубже, чем большинство людей. Из следующего комментария ясно, что вы не понимаете развитие логики как исследования, направленного прежде всего на совершенствование человеческого мышления:

> «В этом-то и заключается разница между переводом и логической моделью (подобной нашей). Логическая модель не обязательно должна буквально следовать образу мышления обывателя. На мой взгляд, обывателю не нужна помощь, чтобы сделать вывод с помощью KVH. Это довольно просто. Именно поэтому такая работа является, в лучшем случае, переводом. Можете ли вы привести пример, в котором ваша проверка предотвращает ошибочный вывод обывателя? Я могу привести вам множество таких случаев в нашей модели». (C-11)

Если вам нужны многочисленные примеры ошибочных выводов, сделанных неспециалистами, прочтите оценки в *третьей части AFL* . Многие люди действительно допускают ошибки в рассуждениях, которых они бы не совершали, если бы более тщательно изучали логику. Вы тоже, как я показываю здесь, далеки от мастерства в рассуждениях. Изучение формальной логики улучшает мышление. Что касается вашего утверждения о том, что ваша «модель» может предотвратить ошибочные выводы неспециалистов, я очень в этом сомневаюсь. Она настолько запутана, что может только вызвать путаницу.

Разработка формальной теории аргумента фортиори следует тому же самому процессу поиска, открытия и обоснования, как вы можете убедиться, прочитав мои

описания. В этом нет ничего фантастического или тривиального; это научный и познавательный процесс. *Вам следует уделить время изучению моей книги AFL, по крайней мере, глав 1, 2 и 3; а если вы хотите стать настоящими учеными, то и всего 700-страничного тома* , прежде чем делать какие-либо глупые заявления о «переводе» и «недедукции». Нет ничего плохого в незнании чего-либо; но очень плохо в укоренившемся отказе учиться и развиваться.

2. О вычете

Согласно вашим вышеприведенным утверждениям, все выводы, таким образом деконструированные и подтвержденные формальной логикой, являются произвольными и тривиальными. Вы повторяете это нелепое утверждение в своем резюме:

> «Вы неоднократно утверждаете, что, согласно вашему подходу, AFA является дедуктивным методом. Вы основываете это на произвольном добавлении основных предположений. Если это сделать, любое недедуктивное утверждение легко может стать дедуктивным. Следовательно, дискуссия о том, является ли утверждение дедуктивным, бессмысленна, она относится главным образом к переводу вывода, а не к его логическому смыслу». (L-7)

Вы предполагаете, что мы можем обосновать *любое* утверждение о том, что, скажем, вывод Z может быть «выведен» из посылок X и Y, *просто* добавив

посылку о том, что «X и Y вместе подразумевают Z». В этом случае аргумент принимает не такой вид:

> «Из посылок X и Y можно сделать вывод Z»

- но:

> «Учитывая, что „X и Y вместе подразумевают Z“ и что „X и Y истинны“, отсюда следует, что „Z истинна“».

Но это совершенно разные аргументы! Последний аргумент — это всего лишь аподозис (*modus ponens* , подтверждающий антецедент), тогда как первый представляет собой более требовательную конструкцию.

Откуда мы знаем, что «X и Y вместе подразумевают Z»? Это вопрос, который вы не задаёте. Истинна ли эта предпосылка или ложна? Вы не спрашиваете. Можно ли просто утверждать эту связь любой триады X, Y, Z? Вы, очевидно, так считаете. Вы основываете это убеждение на примере аналогии (в C-7) — но такая простая аналогия не является дедуктивным аргументом и, следовательно, не может служить примером для вашего утверждения о произвольности дедукции! Правда в том, что *ни один* недедуктивный аргумент нельзя искусственно выдать за дедуктивный.

Однако вы говорите (в C-7): «Каждый недедуктивный аргумент можно перевести в дедуктивный, если добавить посылки», и снова (в L-7): «каждое недедуктивное утверждение легко может стать дедуктивным утверждением» — *но вы не говорите, откуда* вы *вообще знаете, что рассматриваемое*

утверждение, каким бы оно ни было, является «недедуктивным»! Вы, очевидно, считаете, что все утверждения на самом деле являются недедуктивными.

Где вы впервые *логически доказали* , что утверждения Шварца или Джейкобса, не говоря уже о моих, являются «недедуктивными»? Мы можем назвать что-либо недедуктивным только в том случае, если уверены, что оно не является дедуктивным. Поскольку вы, очевидно, не понимаете природу и основу дедукции, вы вряд ли в состоянии судить о том, что является или не является «дедуктивным». Всё, что вы делаете, это осуждаете чужие теории, называя их «переводами», как будто это клише решает всё. Скажите мне, где в общей теории логики — в металогике — концепция и теория «перевода» разработаны и подтверждены? Нигде — это всего лишь плод вашего воображения.

Таким образом, по-вашему (поскольку ваши утверждения носят общий характер, то есть вы говорите и повторяете «каждый»), силлогизм Аристотеля также является всего лишь «переводом» — основанным лишь на произвольной аподозисе: «Учитывая, что „Все B являются C и это A является B“ вместе подразумевают „это A является C“, отсюда следует, что если Все B являются C и это A является B, то это A является C».

Разве вы не заметили *самопротиворечивость* вашего категоричного утверждения? Вы отвергаете всю формальную дедуктивную логику, *кроме* аподосиса. Но если вся дедуктивная логика может быть обоснована только произвольным аподозисом, то даже этот произвольный аподозис может быть обоснован только произвольным аподозисом, и так далее, и так до бесконечности. Понимаете ли вы это, что

показывает наивность и абсурдность вашего антидедуктивного убеждения? Повторю для вашей пользы: если единственный способ доказать, что «посылки (X и Y) подразумевают заключение (Z)», — это сказать: «если (X и Y подразумевают Z), то если (X и Y) подразумевают (Z)», то последний аргумент, в свою очередь, должен быть обоснован словами: «если (X и Y подразумевают Z, то следует, что если X и Y подразумевают Z), то, учитывая (X и Y подразумевают Z), следует, что (если X и Y подразумевают Z); и так далее до бесконечности.

Иными словами, ваше представление о дедуктивной аргументации сводится к тому, что это не что иное, как *тавтология, в таком случае дедуктивной логики не существует* . По вашему мнению, существует *только* индуктивная логика. Вы считаете бесполезным и тривиальным искать какие-либо необходимые связи между вещами или идеями и признаете исключительно свой метод «логического моделирования» способным выводить больше информации из имеющейся информации. Если что-то и заслуживает того, чтобы быть охарактеризованным как «тривиальное и бесполезное», так это, безусловно, ваше убеждение, основанное на вопиющем невежестве относительно происхождения формальной логики и на ошибочных рассуждениях.

В свете подобных взглядов неудивительно, что исходной предпосылкой вашей статьи 2009 года об аргументе тише является то, что такой аргумент по необходимости не является дедуктивным. В ответ на мое замечание о том, что эта основная предпосылка ошибочна, вы отвечаете:

«Чепуха. См. ниже. (C-8)»

> Необходимо учитывать, что, по мнению большинства комментаторов, сам Талмуд рассматривает заключение КВХ как сомнительное. Именно поэтому вы не понесете наказания, если совершите преступление, выведенное из КВХ. (C-9)

Тот факт, что Талмуд рассматривает аргумент фортиори как допускающий опровержение, не оправдывает вашу точку зрения, поскольку любой дедуктивный аргумент, даже если он формально верен, всегда может быть опровергнут путем атаки на его посылки. Как я указываю в своем первоначальном эссе (т.е. в AFL), в вашей работе на английском языке отсутствует анализ раввинской доктрины опровержения, поэтому вы не продемонстрировали своего понимания этой доктрины. Эта доктрина не является отрицанием дедуктивной силы аргумента фортиори, вопреки тому, что вы, очевидно, себе представляете. Ваш комментарий показывает, что вы еще не поняли разницу между формальной обоснованностью и конкретной истинностью посылок. Забавно, что человек, не знающий даже таких элементарных аспектов логики, говорит «Чепуха» с таким превосходным апломбом.

Более того, как ясно из вашего следующего комментария, ваше мнение о дедуктивной логике настолько негативно (из-за вашего незнания её), что вы считаете *любые* утверждения о дедукции нелепыми:

> «Конечно же, построено дедуктивно! Давайте помнить, что благодаря Сиону KVH — это дедуктивный вывод». (C-20)

Вы критикуете меня за гнев (в L-2 и C-15). Что ж, я могу быть возмущен, видя, сколько чепухи выдаете за логику. Но уверяю вас, мое суждение не затуманено справедливым негодованием. Я никоим образом не враждебно отношусь к вам как к личностям и никоим образом не завидую вашим или чьим-либо еще открытиям (если таковые имеются). Меня интересует только истина и ложь, и эта заинтересованность, безусловно, должна быть страстной. По правде говоря, из доброты я уделил время критике ваших неправильных взглядов и посоветовал вам не цепляться за них, если вы хотите развиваться как логики. Если вас действительно интересует логика, и в частности, логика a fortiori, вы последуете моему совету и изучите этот вопрос подробнее. Никто вас к этому не принуждает; выбор за вами.

По правде говоря, формальная дедуктивная логика — это высшая степень «логического моделирования». Когда Аристотель предлагал допустимые силлогистические формы, или я предлагал допустимые формы a fortiori, это давало людям *100% правды. надежный модели логического рассуждения* . Имея определенную информацию, мы вполне можем вывести из нее некоторую другую информацию, которая неявно в ней содержится, но не сразу очевидна. Это, безусловно, не всегда возможно, но иногда возможно. Утверждать, что это никогда не возможно (как вы фактически делаете), так же глупо, как утверждать, что это всегда возможно. Основная задача логика — попытаться найти способы продемонстрировать связь между различными посылками и заключением. Только если такая демонстрация окажется невозможной, можно заявить об отсутствии необходимой связи, то есть об отсутствии дедуктивного аргумента. В этом случае

можно попытаться найти менее необходимые связи, то есть индуктивные аргументы.

Что касается различия между дедукцией и индукцией, и в частности различия между дедуктивным и индуктивным аргументом a fortiori, я советую вам *внимательно прочитать главу 3, раздел 3 AFL* . Аргумент a fortiori в принципе обладает дедуктивной силой – если он идеально сформулирован. Тем не менее, если попытка аргумента a fortiori неполна, то есть если некоторые необходимые элементы не изложены четко, его все еще можно рассматривать и обрабатывать как индуктивный аргумент a fortiori, то есть как аргумент с меньшей дедуктивной силой, по крайней мере, до тех пор, пока не будут представлены доказательства обратного.

Самое забавное, что ваше принижение и даже отрицание дедуктивной логики совершенно излишне. Вы считаете, что вам нужно занять антагонистическую позицию, чтобы придать ценность и значимость вашему предложению о «матричной абдукции» аргумента a fortiori, но на самом деле это не так. Ваше предложение может быть обосновано даже признанием существования и обоснованности дедуктивного аргумента a fortiori, поскольку ваш метод (как я его понимаю, см. ниже) в принципе может быть применен для определения количественных вариаций внутри дедуктивных аргументов a fortiori, и тем более для определения количественных вариаций внутри индуктивных аргументов a fortiori.

Обратите внимание, что ни здесь, ни в моей первоначальной критике (то есть в AFL) я не пытаюсь отрицать возможную полезность и новизну вашей работы как таковой, как вы предполагаете в своем письме (цитируемом ниже). Зачем бы мне это делать?

> «Далее вы пишете, что наша концепция абдукции не нова. Похоже, вы не поняли, что мы используем лишь определённый тип абдукции (который, безусловно, является новым) в качестве логического инструмента для наших целей. Вопреки тому, что вы пишете, абдукция не является целью наших исследований, и в принципе, в том, что мы говорим об этом, не должно быть ничего новаторского. Здесь мы предлагаем новый абдуктивный алгоритм для наших логических целей, а не что-то новое в самой концепции». (L-4)

У меня нет желания вас принижать, нет стремления отрицать или преуменьшать ваши достижения. Я радуюсь всем достижениям в теории логики или в любом другом научном направлении, независимо от того, кто их автор. Меня всегда волнует только точность и актуальность ваших предложений в контексте аргументации a fortiori (в отличие от других форм пропорционального рассуждения); я не считаю их совершенно бесполезными, как вы предполагаете.

3. Предыдущие попытки

Думаю, я понимаю, откуда у вас взялась идея, что все попытки формализации представляют собой всего лишь «перевод» и, следовательно, недействительны, поскольку являются недедукцией, выдающей себя за дедукцию. Еще в 1992 году Майкл Авраам опубликовал статью под названием «„Кал Вахомер“ как силлогическая арифметическая модель» в *журнале «Хигайон»* (том 2, стр. 29-46). В этом эссе он предпринял первую и единственную попытку

формального описания аргумента фортиори, а именно (мой перевод с иврита):

> «Если А лёгкое по свойству 'а' и тяжёлое по свойству 'б', то В, которое тяжёлое по свойству 'а', очевидно, будет тяжёлым по свойству 'б'».

Я анализирую и критикую предложенную формулировку в *20-й главе AFL* и не буду здесь повторяться. Достаточно сказать, что эта попытка, хотя и была смелой, оказалась *неудачной* . Кстати, интересно, что вы не упоминаете это эссе и мой обзор в своем письме или комментариях. Это наводит меня на мысль, что вы не читали 20-ю главу, а значит, даже не удосужились просмотреть содержание AFL, не говоря уже о чтении каких-либо глав книги, кроме 25-й (и, возможно, не всех – см. далее). Это кое-что говорит мне о ваших методах исследования.

В любом случае, из этого эпизода ясно, что Майкл, пусть и подсознательно, осознал несостоятельность своей формулы аргумента fortiori и, таким образом, утратил веру в формализацию (которую он впоследствии назвал «переводом»). Важно отметить, что он не предпринял никаких попыток её формального подтверждения или опровержения. Но из того факта, что впоследствии в том же эссе он попытался использовать более индуктивный подход – хотя, на мой взгляд, *ни к чему не приведший* – ясно, что он стал рассматривать аргумент fortiori (в том виде, в котором он его видел через свою попытку формализации) как «недедуктивный». По-видимому, он передал своё кредо «недедуктивного перевода» своим коллегам (Дову и Ури) в 2009 году.

Но, конечно, эти выводы были лишь поспешными обобщениями со стороны Майкла. Тот факт, что его

собственная единственная попытка формализации оказалась не очень убедительной, не означает, что другие попытки не могут быть более успешными. Как я показываю в AFL, многие люди на протяжении времени пытались описать и объяснить аргумент a fortiori. Майкл, безусловно, не был ни первым, ни последним. Тем не менее, он не предпринял никаких усилий, чтобы выяснить, делали ли другие люди это лучше (или хуже), чем он. В приведенном ниже отрывке вашего письма вы указываете на свой многолетний опыт в исследованиях в области логики; я не читал ваши другие работы, но, судя по двум прочитанным мною статьям, вам следовало бы смиренно пересмотреть эту благоприятную самооценку:

> «Читая ваши слова, создаётся впечатление, что в нашей работе нет ничего правильного, и что мы на самом деле не понимаем, что такое АФА и чем он отличается от аналогии. Это было бы довольно странно слышать от людей, занимающихся всеми областями логических исследований на протяжении нескольких десятилетий». (L-3)

Возвращаясь к вашей статье 2009 года, вы там (как мы уже видели) упоминаете попытки Шварца и Джейкобса, не говоря уже о моих собственных; но моя претензия заключается в том, что вы не прилагаете никаких усилий для их детального анализа. Вы просто перечисляете их и более или менее отвергаете, но не объясняете, почему именно они заслуживают отклонения. Это неадекватно с методологической точки зрения – нельзя претендовать на знание, которое вы публично не продемонстрировали.

Кстати, в своих комментариях вы жалуетесь на то, что я критикую ваше краткое изложение силлогистической формулы Шварца для аргумента a fortiori, говоря:

> «Насколько я помню, отождествление с аристотелевским силологизмом (*sic*) — это главное утверждение Шварца. Мы же думаем и пишем прямо противоположное. (C-2)»
>
> Это не наш анализ, а анализ KAL VAHOMER, проведенный Шварцем. (C-3)

Однако я ясно написал: «Авторы, тем не менее, не намерены тем самым разделять теорию Шварца». Таким образом, вы неправильно поняли мою критику. Суть в том, что недостаточно просто заявить о неприятии подхода Шварца — необходимо действительно обосновать свою дистанцию от него.

Меня также озадачили ваши комментарии относительно простого и сложного типов аргумента a fortiori, предложенного Якобом:

> «Такого КАЛ ВАХОМЕРА, как первый, не существует. Второй — наш, талмудический (*sic*). Библейский — это третий вид, который Сион здесь полностью игнорирует. (C-4)»
>
> Всё это — недоразумение. Посмотрите на мою предыдущую записку. (C-5)

И снова, без каких-либо доказательств, вы утверждаете, что не существует *qal vachomer* первого типа (в отличие от Джейкобса, который утверждает, что все библейские *qal vachomer* просты); затем вы утверждаете (подобно Джейкобсу), что талмудические

аргументы *qal vachomer относятся ко второму типу; затем вы утверждаете, что библейские qal vachomer* относятся к третьему типу, который я (и, предположительно, Джейкобс тоже) полностью игнорирую, третьему типу, который вы так и не описываете! Теперь я спрашиваю вас – это серьезная научная работа? Где ваше формальное исследование двух типов, описанных Джейкобсом; и что это за таинственный третий тип? Где ваше *эмпирическое* исследование всех библейских и всех талмудических *qal vachomer* , которое позволяет вам делать такие общие заявления? Вы говорите здесь с авторитетным тоном, но вы снова просто выражаете свои смутные предрассудки.

Я могу компетентно говорить о теории аргумента a fortiori Джейкобса, потому что я прочитал все его работы по этой теме и написал обстоятельное 25-страничное эссе на эту тему (см. *AFL, глава 16*). И я могу говорить о библейском аргументе a fortiori, потому что я провел *эмпирические* исследования в этой области, перечислив и проанализировав 46 аргументов, многие из которых ранее не были обнаружены (см. *AFL, приложение 1*). Что касается Талмуда, я перечислил и проанализировал (в большинстве случаев следуя Самели) 46 мишнаитских аргументов a fortiori (см. *AFL, приложение 2*) и предпринял попытки изучить использование многих таких аргументов в Гемаре (см. *AFL, приложение 3*). Ваши же утверждения, с другой стороны, являются *необоснованными заявлениями* , не основанными на систематических исследованиях.

я *показываю* , что первый тип аргументации Иакова, с формальной точки зрения, является лишь сокращённой версией его второго типа. В первом случае средний термин явно не упоминается, тогда как во втором он упоминается. Более того, я

показываю , что аргументы обоих типов встречаются как в Танахе, так и в Талмуде (тем самым опровергая утверждение Иакова о том, что первый тип происходит из Библии, а второй — от раввинов) — а также что существуют аргументы других типов (то есть, что формулировка Иакова далеко не исчерпывающая). Вы просто делаете дикие заявления.

Насколько я понимаю, как уже объяснялось ранее, и Шварц, и Джейкобс значительно опередили вас в понимании этой задачи, даже если они не нашли правильного или полного решения проблемы аргумента фортиори. Но в любом случае, ваше мимолетное упоминание в вашей статье этих двух авторов и моей работы *по иудейской логике* не является научной работой. Насколько я понимаю, это просто упоминание имен, чтобы создать иллюзию ознакомления с литературой. Ваше мимолетное упоминание исламской *кыяс* и индийской *каймутики* , на мой взгляд, относятся к той же категории. Если бы вы хотели научно утверждать, что *все* теории аргумента фортиори, предшествующие вашей, бесполезны (как вы осмеливаетесь *это* делать), вы были бы обязаны перечислить *все* теории, которые вы имели в виду, и тщательно проанализировать их *все* . Не принимайте людей за дураков – приложите реальные усилия.

В своей книге я анализирую работы около тридцати современных авторов, не говоря уже о многих более поздних. Таким образом, я могу рассказать вам, кто что сказал и почему их слова полностью или частично верны или неверны. Здесь нет места догадкам, только терпеливое (*до тошноты*) изучение реальных данных и тщательное осмысление.

Одним из наиболее интересных результатов этого исследования стало открытие вклада Моше Хаима

Луццатто (Рамхаля). Его работа отличается четким перечислением четырех основных форм аргументации a fortiori (которые я назвал позитивным и негативным субъективным, а также позитивным и негативным предикативным). Тем не менее, его работа не является окончательным решением по двум взаимосвязанным основным причинам. В своей формализации он не смог осознать и упомянуть решающий фактор «достаточности или недостаточности среднего термина» и не предпринял никаких попыток его подтверждения (которое в любом случае было бы возможно только через достаточность или недостаточность среднего термина).

Ваш подход к аргументации a fortiori, лишённый подобных тонкостей, не способен анализировать и оценивать прошлые достижения.

4. Аргумент А-фортиори?

Это подводит нас к вашему утверждению о знании аргумента «теперь более убедительно» и о том, что вы разработали способ его представления. Я не сомневаюсь, что в большинстве случаев вы можете с первого взгляда определить, что тот или иной аргумент задуман как аргумент «теперь более убедительно». В конце концов, тот, кто написал текст (или произнес эти слова), намеревался, чтобы его аргумент был воспринят именно так. Но распознать грамматическую форму аргумента «теперь более убедительно» (или ключевые слова, указывающие на такой аргумент) — это не то же самое, что понять его логическую структуру и принцип работы. Вы не продемонстрировали понимания последнего.

Как я показал в главе 25 AFL, методы, используемые для представления аргумента фортиори, такие как табулирование, не позволяют различать различные формы этого аргумента. Аргумент фортиори может быть связочным или импликационным; если он связочный, то он *субъективный* , если основные и второстепенные термины, приведенные в основной посылке, являются субъектами второстепенной посылки и заключения, и он *предикатический,* если основные и второстепенные термины, приведенные в основной посылке, являются предикатами второстепенной посылки и заключения (аналогично, если он импликационный, то он может быть антецедентальным или консеквентальным в зависимости от того, где появляются основной и второстепенный тезисы); эти аргументы могут быть положительными или отрицательными; существует также различие между первичными и вторичными аргументами; существует также различие между чисто аргументом фортиори и аргументом крещендо, причем первый является непропорциональным, а второй — пропорциональным.

Ваш метод слишком груб, чтобы различить и учесть эти различные тонкие различия. Тем не менее, все эти различия очень важны для определения вывода из заданных посылок. Например: положительные субъективные и отрицательные предикативные аргументы идут от малого к большому, тогда как отрицательные субъективные и положительные предикативные аргументы идут от большого к малому. В вашем подходе вы можете одинаково хорошо переходить от малого к большому или от большого к малому во всех случаях. В аргументе фортиори это невозможно (за исключением частного случая *паритетного* аргумента, который является двунаправленным). Это показывает, что **ваш метод по**

сути не связан с аргументом фортиори, а с количественной аналогией или аргументом пропорциональности . Речь идет просто о предсказании недостающих величин из заданных величин при условии наличия некоторой пропорциональности.

Вот почему вы можете утверждать, что ваш метод одинаково хорошо применим как к аргументу фортиори, так и к простой аналогии и к более сложной аналогии (*биньян ав*). Вы, очевидно, считаете это выгодной сделкой – две или более статьи по цене одной! Поэтому вы пишете следующие комментарии:

> «Наше главное утверждение заключается в том, что аналогия, а-тем более и многие другие логические выводы могут быть объединены на одной и той же основе. Это еще одно преимущество, когда речь идет о логической модели, а не о переводе. По-видимому, Сион не понял этого основного (и нового) момента в нашей работе, поэтому неудивительно, что он не видит здесь ничего нового. (С-19)»
>
> Здесь вы снова упускаете из виду нашу главную мысль. Тем более, что аналогию можно поставить на одну и ту же общую логическую основу. (С-23)

Правда заключается в том, что ваш метод рассматривает только наименьший *общий знаменатель* из этих трех форм аргументации, а именно, пропорциональность. Если верны определенные конкретные соотношения или задана определенная общая формула относительно сопутствующих изменений, можно заполнить пробелы в информации. Но, хотя этот элемент

пропорциональности присутствует в *некоторых* аргументах a fortiori (в частности, в аргументах a crescendo), он встречается далеко не во всех. Более того, даже там, где он присутствует, при работе с аргументом a fortiori *мы обычно (то есть, за исключением эгалитарных настроений) не можем рассуждать в любом направлении, которое нам угодно* . Мы можем рассуждать *только* от малого к большому или от большого к малому. Если мы рассуждаем в неправильном направлении, учитывая определенную структуру, мы делаем недопустимый вывод — это ошибочное рассуждение. Ваш метод не может учесть это важнейшее различие; он слишком неразборчив.

Вы, разумеется, неоднократно утверждаете, что способны различать эти различные формы аргументации в вашей системе, но не предоставляете никаких доказательств или подтверждений такой способности. Например, в своем письме вы пишете:

> «Вы неоднократно утверждаете, что мы не понимаем разницы между AFA и аналогией и путаем эти понятия. Но мы прекрасно осведомлены о различиях между этими понятиями и нигде их не сравниваем. (L-5)»
>
> Похоже, вы не поняли нашего главного нововведения в этой и других работах, которое заключается в следующем: Рассмотрите выводы следующих типов: AFA, аналогию (биньян ава, основанную на одном или нескольких стихах), их опровержения, а также расширяющиеся структуры, построенные на основе таких выводов. Все эти выводы могут быть объединены в единую концептуальную и логическую структуру и могут быть проанализированы аналогичным образом. Это

> не означает, что все они идентичны (как вы думаете, мы утверждаем), а скорее, что их различия могут быть выявлены с помощью одного и того же набора математических и логических инструментов. (L-6)

Обратите внимание на ваше признание, что вы «нигде их не сравниваете», хотя и утверждаете, что «их различия можно выявить, используя один и тот же набор математических и логических инструментов». Возможно, вы их и не приравниваете, но вы определенно не проясняете их различия. По правде говоря, повторюсь, ваши инструменты могут работать только с пропорциональностью, которая является общей чертой простой и сложной количественной аналогии и аргументации с нарастанием. Ваши инструменты ссылаются на общность этих процессов, но не способны их различать.

Что касается фигур и настроений аргумента a fortiori, я предлагаю вам *изучить главу 1 AFL* . Что касается различия между чистым (непропорциональным) и крещендо (пропорциональным) аргументом a fortiori, я предлагаю вам *изучить главу 2 AFL* . Что касается формальных различий между аргументом a fortiori и простой и сложной аналогией, я предлагаю вам *изучить главу 5 AFL, раздел 1.* Если вы не изучили эти главы, вы не можете утверждать, что учли эти вопросы в своей работе. *Вы не можете претендовать на знания или способности, которые вы явно не продемонстрировали всем.* Вы должны учиться – это не заменяет прямого «отрицания» работы или критики других людей без предварительного изучения. Если предмет вас не интересует, это нормально. Но утверждать, что он вас интересует, и при этом не выполнять необходимую работу – это пустая трата

вашего и чужого времени. Учёба – это не трудность, а обогащение.

В одном из своих комментариев вы спрашиваете:

> «Объясняет ли отношение Сиона более сложные структуры, чем наши?» (C-6)

Ответ на ваш вопрос, безусловно, да. Если бы вы потрудились изучить представленный вам труд, вы бы не задали такой вопрос.

В своем анализе аргумента «теории против воли» я учел множество тонкостей, о которых вы даже не мечтаете, не говоря уже о том, чтобы упомянуть или рассмотреть их. *Ваш подход наивен и упрощен.* Посмотрите на содержание моей книги «Теория против воли». Вы вообще рассматривали какие-либо из поднятых там вопросов? Например, рассматривали ли вы квантификацию (гл. 3.2)? Или антитетические элементы (гл. 3.4)? Или различия между онтическими, логико-эпистемическими и этико-правовыми аргументами «теории против воли» (гл. 4)? Из вашей работы очевидно, что вы знакомы лишь (хотя и смутно) с простейшей формой аргумента «теории против воли», а именно с положительным субъективным наклонением. Вы даже не рассматриваете соответствующее отрицательное наклонение, не говоря уже о положительном и отрицательном предикативных наклонениях.

Хотя в вашем письме (L-6) вы утверждаете, что рассмотрели «отвержение» аргументов, вы фактически не уточнили, как ваш подход эффективно различает позитивные и негативные аргументы. Более того, вы даже путаете позитивное субъективное настроение аргумента a fortiori с позитивным субъективным настроением количественной аналогии,

поскольку, как уже указывалось, ваши аргументы обратимы (т.е. не только переходят от малого к большому). Вы считаете, что я ошибаюсь, выдвигая эту критику в адрес вашей работы, потому что вы до сих пор не поняли эту критику.

В следующем комментарии вы выражаете негодование по поводу того, что я назвал вашу таблицу всего лишь аналогией, а не аргументом a fortiori:

> «1. Пожалуйста, просто прочитайте, что там написано! Рис. 46 посвящен второму шагу, а не первому. Это ясно указано. Шаг 2 в точности аналогичен этой таблице, без перевода или скрытых предпосылок. 2. Согласно вашему подходу, шаг 2 — это аналогия, а не тем более. Это, конечно, неверно, как можно увидеть в самом Талмуде». (C-21)

Этот комментарий ещё раз показывает, что вы не понимаете, что такая таблица *не может* представлять собой аргумент a fortiori как таковой, а лишь аналогичный подтекст аргумента a fortiori, по той простой причине, что вопрос о достаточности среднего члена, который является отличительной чертой и существенным элементом вывода a fortiori, просто не воспроизводится в таком табличном представлении. Тот факт, что у вас в голове есть мысль о том, что эта таблица предназначена для представления аргумента a fortiori, не означает, что таблица действительно выполняет эту желаемую функцию – она лишь иллюстрирует лежащую в её основе пропорциональность. Бесполезно ссылаться на обозначение Талмудом своего аргумента как a fortiori – это не доказывает, что ваше представление о нём

полностью точно. Вам нужно стать более осознанным, если вы хотите продвинуться в логике; вы всё ещё очень новичок.

Вы сходу отказываетесь от инструкций. В своей первоначальной критике (то есть в AFL) я пытался обратить ваше внимание на трудности, присущие количественной оценке в табличном представлении, подобном вашему, и вот что вы заметили:

> «1. Если вы возьмете пример (например, простую таблицу КВХ 2x2), вы увидите, что мы совершенно правы. Является ли утверждение о половинной оплате КЕРЕНА в РЕШУТ-ХАРАБИМ общим или частным? Верно ли оно в большинстве случаев или во всех? 2. В соответствии с вашим предложением я бы предпочел использовать нечеткую логику с бесконечным числом значений». (C-10)

Такая реакция действительно является результатом нечеткого мышления. Ваше мышление слишком грубое; вы довольствуетесь лишь приблизительными оценками; вам не хватает терпения для работы с мелкими деталями. Нельзя прибегать к нечеткой логике, когда доступна точная логика – это может быть только крайним средством.

5. В отрицании

Ваше письмо и связанные с ним комментарии демонстрируют одну общую черту – вы *отрицаете очевидное* , отвергая любую критику вашей статьи 2009 года. Я не сомневаюсь, что, по вашей собственной оценке, вы не допустили никаких ошибок или пробелов; но я предполагаю, что это

потому, что с момента написания этого эссе ваши взгляды не развивались, поскольку вы не предприняли никаких усилий для дальнейшего изучения этого вопроса. Хотя вы заслуживаете высокой похвалы за проявленный вами научный подход в ответ на мою критику (многие другие, кого я критиковал, не проявили такого подхода), вы не проявляете того же подхода в отношении *признания* каких-либо ошибок или пробелов в вашем подходе. В своем письме вы заявляете:

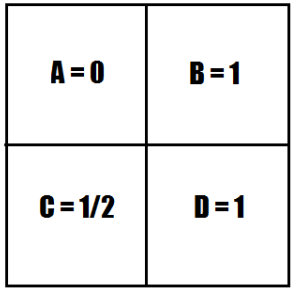
> «Вы выражаете признательность Дову Габбаю за его «научно-спортивный дух», то есть за его готовность открыто и честно рассматривать критику своей работы». (L-9)

Это хорошее определение научного духа (кстати, я никогда не говорил «спортивный», но это неважно). Но я бы добавил, что этот дух включает в себя готовность признавать ошибки или пробелы. Я не вижу такой готовности даже в вашей реакции на самые очевидные ошибки, на которые я вам указал.

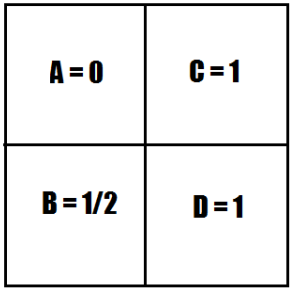
Здесь я ссылаюсь на *главу 25, раздел 3 AFL* , где указываю на следующее:

- *Учитывая* , что возможны только три величины, а именно 0, ½ или 1, тогда:
- Если у нас есть четыре переменные A, B, C, D, и нам *дано* , что C:D равно A:B, то логически следует, что всякий раз, когда B>A, из этого *должно* следовать, что D>C: следовательно:
- (a) в конкретном случае, когда A=0, B=1 и C=½, отсюда следует, что D=1 (и *не может* быть ½);

- Аналогично, (б) в конкретном случае, когда A=0, B=½ и C=1, отсюда следует, что D=1 (и *не может* быть ½).



(a)



(b)

Это простой расчет соотношения, не подлежащий обсуждению – спросите любого на математическом факультете вашего университета. Однако вы отвергаете критику и продолжаете беззаботно утверждать, что D может равняться 1 или ½ – и даже здесь, следовательно, всего лишь ½ (!) – как это видно из вашего комментария:

> «Когда вывод X >= 1/2, это означает, что на практике нельзя взять больше 1/2. Это не требует дальнейших объяснений в логическом контексте, и здесь нет никакого несоответствия». (C-14)

Нет, сэр. Единственный вывод , к которому вы можете прийти в табличном виде, — это 1 (как у рабби Тарфона), и в нем *нет* места для вывода ½ (а значит, нет места и для более расплывчатого вывода «1 или ½»). Тем не менее, вы настаиваете на последнем выводе, чтобы ваш подход казался способным разрешить разногласия мудрецов с рабби

Тарфоном. Я не могу сказать, является ли это невнимательностью, недостатком интеллекта или нечестностью с вашей стороны, — но я могу сказать, что это ошибка, и вы должны признать эту ошибку. Если вы признаете ошибку, это будет незначительная проблема; но если вы откажетесь ее признать, она станет серьезной проблемой.

В идеале научный подход должен быть направлен только на истину и ложь, а не на личное положение или какие-либо идеологические предрассудки. В своих последующих комментариях вы утверждаете, что в вашей первоначальной статье на английском языке не ставилась цель объяснить дебаты между рабби Тарфоном и мудрецами (которые представлены в Мишне *Баба Кама* 2:5), и обвиняете меня в непонимании, а мою критику – в неуместности, если не в нечестности:

> «Вы упустили из виду всю суть вопроса. Мы используем этот KVH лишь для демонстрации простого KVH, и мы не собирались объяснять саму SUGIA. Вы решили, что мы должны объяснить SUGIA, а затем критикуете нас за отсутствие точной страницы, за то, что мы не объяснили концепции и дискуссии TANAIC, и особенно DAYO. Это досадный случай неправильного понимания прочитанного. Похоже, это произошло из-за вашего явного гнева. Вы должны отложить это в сторону, чтобы сохранить способность понимать и честно критиковать. Вы можете удалить около двух не относящихся к делу страниц обсуждения. Все основано на ошибке. (C-15)»
>
> Приведенная нами цитата из «Баббы Каммы» (дая рабби Тарфона) была задумана лишь как иллюстрация, чтобы показать читателю пример

> талмудической цитаты. Вы прилагаете много усилий (на протяжении нескольких страниц главы), чтобы объяснить этот вопрос (сугия). Таким образом, вы пытаетесь показать, что мы не объяснили мнения таннаев и их аргументацию (и даже не включили ссылку на них). Но мы никогда не ставили перед собой цель объяснить все это или соотнести с этим, а лишь показать пример талмудической цитаты». (L-8)

Это уклонение от сути вопроса, который заключается в том, что ваш метод анализа аргументов a fortiori, вопреки вашему утверждению, *не способен представить даже эту одну* фундаментальную мишнаитскую дискуссию, которую вы берете в качестве примера, не говоря уже обо всех возможных дискуссиях. Возможно, вы воображаете, что успешно представляете дискуссию, потому что не осознаете свою ошибку в расчетах. Но я покажу вам, что ваш метод на самом деле *способен это сделать.* Ваш метод может *лишь* объяснить позицию рабби Тарфона (а именно, полную компенсацию в любом случае) и *не может* объяснить контрпозицию мудрецов. Это, безусловно, очень важное возражение; и поскольку я доказываю свою правоту, это не является ни недопониманием, ни нечестностью с моей стороны. Более того, тот факт, что ваш метод может воспроизвести только позицию рабби Тарфона и не предусматривает позиции мудрецов, свидетельствует о его простоте – он имеет дело только с пропорциями, то есть технически он основан только на аналогии, а не на рассуждениях a fortiori.

Нельзя использовать текст (упомянутую *сугью*) в качестве примера и искажать его, а затем жаловаться, когда кто-то возражает против такого искажения, что

вы не намеревались полностью проанализировать рассматриваемые вопросы. Ваша интеллектуальная обязанность здесь заключалась в том, чтобы изложить соответствующие элементы этой *сугьи* , включая тот факт, что рабби Тарфон дважды делает вывод 1, тогда как противостоящие ему мудрецы дважды делают вывод ½ (мотивированные утверждением *дайо* , которое, следовательно, также нуждается в упоминании и объяснении). Ваш метод, объективно, мог привести только к выводам рабби Тарфона (1) и не мог отражать позицию мудрецов (½), не говоря уже о его мотиве (*дайо*). Это не «упущение сути вопроса» — это и есть суть вопроса.

В данном контексте недостаточно просто сослаться на вашу статью на иврите (или на статью любого другого читателя), как вы это делаете в комментариях:

> «Чтобы понять рабби Тарфона и остальных, вы можете прочитать статью на иврите. Здесь мы её объяснять не будем. (C-16)»
>
> Если вы прочтете нашу статью на иврите, вы найдете там точное объяснение принципа ДАЙО. Но на данном этапе это не является нашей целью. (C-17)
>
> Мы не собирались объяснять это здесь. (C-18)

Никто не ожидает, что вы полностью воспроизведете *сугью* в английской работе, если это не является вашим намерением. Но вы должны в нескольких словах изложить соответствующие элементы вашей интерпретации – не просто для того, чтобы показать, что вы понимаете дискуссию, но и чтобы просветить читателя своими соображениями. Я не читал вашу работу на иврите; но я очень скептически отношусь к тому, что вы точно проанализировали в ней

раввинскую дискуссию, по той простой причине, что ее невозможно по-настоящему понять, если у вас нет четкого представления о рассуждениях a fortiori, а у вас его нет. Если вы не усвоили различные формы подобных аргументов и то, как можно прийти к их предпосылкам, вы не сможете понять природу и многообразие возражений *мудрецов* .

Вы можете считать, что у вас есть «точное объяснение дайо», но я в этом сомневаюсь. Я предлагаю вам составить и прислать мне точный английский перевод вашей работы на иврите (без каких-либо исправлений задним числом, пожалуйста), и я точно укажу вам, где вы допустили ошибку. В качестве альтернативы, прочитайте мой анализ аятов *Баба Кама* 2:5 и 25а-б (*в AFL, главы 7-8*) и сами убедитесь, в чем мы сходимся или расходимся. Возможно, вы узнаете что-то новое!

Если вы заметили гнев в моем ответе, то это потому, что мне не нравится, когда меня обманывают. Вам, очевидно, приятно думать, что, как вы выразились в своем письме, я демонстрирую «фундаментальное непонимание» вашей работы, но я думаю, что понимаю ее слишком хорошо — достаточно хорошо, чтобы, конечно же, найти в ней недостатки. Вы используете это обвинение, чтобы завершить обсуждение, говоря:

> «Поняв, что ваши слова свидетельствуют о полном непонимании нашей работы, мы не стали двигаться дальше». (L-1)

И действительно, ваши комментарии обрываются задолго до конца моей критики (точнее, чуть позже середины)! Возможно, вы считаете, что всё, что я сказал после этого, было просто пустыми словами,

или, может быть, вы не смогли воспринять критику или понять её, и предпочли уйти от обсуждения под предлогом того, что я не понимаю вашу работу. Вы читали оставшиеся страницы? Если да, то не нашли ли вы в них ничего существенного или важного?

Интересно, что сразу после вашего последнего комментария (C-23) я предлагаю вам «модифицированную таблицу», в которой рассматривается вопрос достаточности среднего термина. Подозреваю, что у вас нет комментариев к этому предложению, потому что вы не понимаете необходимости учитывать этот вопрос, если ваше табличное представление должно ссылаться на аргумент a fortiori, а не просто на аналогию. Я здесь неправильно понимаю вашу работу, или вы не улавливаете мою критику?

Далее я покажу, как ваш анализ рассматриваемой *сугьи (Киддушин* 5a-b) «смешивает яблоки и апельсины», то есть *без разбора объединяет* аргументы, которые являются априори, и другие, которые таковыми не являются, в сложную табличную структуру. Я ясно объясню, что таких составных таблиц следует избегать, поскольку они размывают границы между отдельными аргументами в цепочке рассуждений (а не «объединяют» их, как вы утверждаете в L-6). Кроме того, тот факт, что эти «расширяющиеся структуры» (как вы их называете в L-6 *) не создаются механически, а требуют вмешательства человека* для своего построения, вызывает подозрения. Возможно, вы лучше поймете эти опасения, если я отсылаю вас к моей критике Г. Абитбола в *AFL, глава 21. Раздел 4.* Он, как и вы, справлялся с опровержениями, расширяя исходную таблицу из четырех ячеек, то есть добавляя ячейки (по вертикали или горизонтали), тогда как было бы точнее и безопаснее построить антагонистические таблицы,

учитывающие количество терминов, действующих в каждом отдельном аргументе.

В следующем разделе главы 25 я критикую *вашу общую методологию,* указывая на то, что индуктивный метод, подобный вашему, нельзя «доказать», проверив его один или два раза, особенно если используемый для проверки материал сам по себе вызывает сомнения или, по крайней мере, еще не доказан (как в случае с примерами из Талмуда). Если бы вы проверили свой метод, скажем, двадцать или пятьдесят раз, на самых разных достаточно надежных материалах, и каждый раз находили бы его подходящим, его надежность, безусловно, была бы подтверждена. Но в том виде, в котором ваша статья представлена, это не так. Возможно, вы лучше поймете эти опасения, если я отсылаю вас к моей критике работы Я. Ури в *AFL, глава 29. Разделы 2-3* . Он разработал способ представления аргументов a fortiori и, как и вы, проверил его на нескольких талмудических аргументах; после чего он также с оптимизмом предсказал, что он применим ко всем аргументам.

Конечно, если вы не согласны с критикой вашего метода, вам следовало бы защитить себя; а если согласны, вам следовало бы об этом сказать. Однако вы предпочли проигнорировать все это под предлогом того, что я неправильно понимаю вашу работу. Я написал *хайку* (японский стиль поэзии, состоящий из 5-7-5 слогов), которое подводит итог этому эссе:

Жемчуг на блюде –
Эта еда для него слишком калорийная.
Предпочитает свой собственный « *полный* »!

Благодарим за ваше внимание и приветствия.

5. Журнал Бар Илана, BDD

1. Подача и отклонение статьи

В январе 2014 года, вскоре после того, как я закончил и опубликовал свою книгу « *Логика А-Фортиори»* , я отправился в Израиль на заслуженный отдых. В Иерусалиме за чашкой чая я встретился с профессором Эли Мерцбахом. Мы встречались и раньше, много лет назад, в его кабинете в университете Бар-Илан, и с тех пор поддерживали связь посредством периодической переписки по электронной почте. Я был ему благодарен за то, что еще в 1997 году, после публикации моей книги *«Иудейская логика» в 1996 году, он согласился опубликовать короткую статью на эту тему в журнале «Хигайон»* , который он тогда редактировал . Статья представляла собой отрывок из книги и называлась « *Формы аргумента А-Фортиори»* .

В 2014 году за чашкой чая профессор Мерцбах любезно предложил опубликовать статью, связанную с моей последней работой, в журнале, который он тогда редактировал, под названием *BDD* , посвященном взаимодействию иудаистики и науки. Он указал количество страниц и упомянул, что статья должна пройти рецензирование. Я был рад его предложению, честно говоря, надеялся на него. Я приступил к подготовке текста в мае того же года, после того как представил ему его предполагаемое содержание, и до конца месяца отправил 20-страничную статью. Три месяца спустя, к моему большому удивлению, я получил отзыв анонимного рецензента, отклонившего мою работу.

Сам по себе отказ меня не сильно расстроил , но я был по-настоящему шокирован вопиющим невежеством, интеллектуальной нечестностью и откровенной враждебностью анонимного «рецензента», который рекомендовал статью [122]. В своей простоте я не мог понять возможный мотив такого несправедливого отношения и принялся отвечать на его технические замечания пункт за пунктом. По своей наивности я сначала воспринял эти замечания всерьез и ответил *добросовестно* . Но это, конечно, было бесполезно: он с самого начала был полон решимости заблокировать публикацию статьи, независимо от ее логики и истинности. Приведенные им аргументы были лишь рационализацией этого предрешенного вывода [123].

---

122 Несмотря на мои неоднократные просьбы раскрыть имена и квалификацию критиков (если таковая имелась), мне в этом было отказано. Меня поражает, что научный журнал держит такую информацию в секрете: это сродни суду кенгуру. В данном конкретном случае «рецензент» был явно невежественен и недальновиден; поэтому мне жаль, что я не могу обнародовать его личность. Его анонимность доказывает его некомпетентность; если бы он был компетентен, он бы с гордостью назвал свое имя, взяв на себя полную ответственность за свои слова и поступки.

123 Эли Мерцбах разочаровал меня тем, что, будучи редактором, не прочитал и не оценил статью лично. Он предложил мне отправить статью на рецензирование второму эксперту, и я согласился, хотя и попросил его не присылать мне отчет рецензента на этот раз, поскольку я не хотел тратить на это время (на самом деле, в то время я страдал от хронических сильных физических болей из-за недавней аварии). Несколько месяцев спустя, в январе 2015 года, через год после отправки статьи, он с сожалением прислал мне отрицательный окончательный вердикт. По-видимому, редактор BDD не имеет права голоса в таких вопросах; он является пассивным посредником. Тем не менее, меня возмущает, что он не сказал мне *с самого начала* (ни до того, как я написал статью, ни сразу после того, как он ее получил), что издание Бар-Иланского колледжа не может допустить критического анализа, подобного моему; это, безусловно, сэкономило бы мне много времени и нервов. Или, по крайней мере, после того, как я опроверг все ложные возражения, выдвинутые его злобным приспешником, он должен был проявить благородство и признать несправедливость

Ниже вы найдете мои два ответа; они интересны как с точки зрения логики, так и с точки зрения академической науки. Судите сами. Статья, которую я отправил, теперь является главой данной книги [124].

Лишь спустя пару месяцев (да, я иногда бываю медлительным), размышляя над всей этой историей, я наконец-то увидел *слона в комнате* ! Я понял, что рецензент так упорно пытался предотвратить публикацию моего эссе, потому что в нем упоминались некоторые мои *критические замечания в адрес Гемары* (поздней фазы Талмуда), хотя мои выводы в целом были благоприятны для Мишны (ранней фазы). В своем отчете и в ответе на мой первый комментарий он пытался найти недостатки в моем методе и логике, но очень осторожно избегал упоминания или оспаривания моей критики талмудических рассуждений. Он попытался кратко, расплывчато и бездоказательно отрицать, что мой анализ аргументации a fortiori вообще применим к Талмуду, заявив:

> «Четыре варианта аргументов a fortiori, описанные автором, не имеют никакого смысла для аргументов *qal vachomer* , используемых в Талмуде. Дело в том, что мудрецы апеллируют к аргументу a fortiori, ограниченному так называемым принципом *dayo* ».

Вряд ли он мог сформулировать более невежественное, идиотское и нечестное утверждение, чем это. Это было заявление, произнесенное *ex cathedra* человеком, который, будучи назначенным

приговора и извиниться; но он предпочел промолчать, фактически попустительствуя лжи и оскорблениям. Оглядываясь назад, я сожалею, что доверился ему.

124 См. главу 1.

«арбитром», по-видимому, не был обязан доказывать эмпирическими доказательствами правильность своего мнения. Он не упоминает ни одного научного исследования, на котором оно основывалось. И, конечно же, такого исследования не существует; если бы оно было, я бы, несомненно, нашел его и с радостью опроверг в своей книге « *Логика Фортиори»* , которая является самым тщательным исследованием этой темы, когда-либо проводившимся в истории. Этот человек, явно не обладающий никакими знаниями по данному вопросу, даже не принимая во внимание доказательства, представленные в статье, которую он должен был прочитать, имел наглость сделать это заявление с властным и окончательным тоном.

Теперь мне ясно, что на самом деле напугали рецензента, редактора, стоявшего за ним, и руководство университета, стоявшее за редактором, заявления следующего содержания:

> Можно было бы ожидать, что все вышесказанное относительно Мишны Бабы Камы 2:5, наш анализ аргументов *qal vachomer* и принципа *dayo* , будет изложено в комментарии к этому отрывку в Гемаре. Но нет; удивительно, но ничего подобного там нет. Вместо этого мы видим, как Вавилонский Талмуд приступает к ряду относительно не относящихся к делу исследований и выдвигает весьма сомнительные утверждения.

Подчеркиваю, что это утверждение и другие подобные ему в моих работах никогда не являются необоснованными, а всегда основаны на *действительно очень подробном и тщательном* анализе. Мной никогда не двигало желание развенчать иудаизм, но я всегда старался изучать его с уважением и беспристрастностью. Когда я высказываю

негативные комментарии об иудаизме, это всегда происходит с грустью в сердце, хотя и с убеждением, что я полностью объективен и правдив. Обратите внимание на мягкость моего тона; в нем нет торжествующей враждебности. Более того, ранее в этом же эссе я хвалю раввинов следующим образом:

> Тем не менее, на практике они очень хорошо освоили эту форму рассуждения [аргумент a fortiori] и очень часто к ней прибегали.

Но для догматичных умов подобные утверждения являются ересью. «Что! Вы смеете предполагать, что некоторые раввины Талмуда могут быть недостаточно осведомлены и мудры?» В их традиционном понимании раввины фактически всеведущи и непогрешимы. Все исследования *в ешивах* и *колелях* , а также все ортодоксальные толкования и комментарии основаны на этом точном, схоластическом предположении. Это, конечно, абсурдно – ни один человек не обладает, никогда не обладал и никогда не будет обладать такими способностями. Некоторые люди очень осведомлены и компетентны, а некоторые гораздо менее; но никто не застрахован от случайного невежества или ошибки. Утверждать обратное – лживо.

Безусловно, можно сказать, что раввины иногда проявляли невежество или ошибались, не отрицая при этом, что их труды в целом были разумными и точными. Но согласно еврейской традиции, раввины были божественно вдохновлены, всего лишь проводниками Божественного откровения; поэтому они никогда не могли сказать ничего неправдивого или совершить какие-либо ошибки. Это утверждение, конечно, следует принимать на веру; его нельзя

доказать никаким рациональным способом [125]. Вера не может считаться *доказательством* чего-либо.

Когда я это осознал — что настоящая причина отказа заключалась просто в нежелании публиковать какие-либо работы (даже немного) критикующие Талмуд, — я значительно успокоился (хотя и не раз качал головой, удивляясь глупости и недобросовестности причастных к этому людей).

Очевидно, рецензент считал себя героическим служителем Богу, защищая иудейскую веру от враждебных интеллектуальных нападок. Люди, занимающиеся подобной апологетикой, не беспокоятся о том, что могут быть виновны в искажениях и лжи; они считают себя вовлеченными в святое дело, где цель оправдывает средства. Они не задаются вопросом, не предпочтет ли Бог честность и правду такой фальшивой добродетели. На мой взгляд, смелость говорить правду, даже когда на это оказывается сильное социальное давление, является подлинным служением Богу и добродетелью.

Не хочу вдаваться в подробности, но позвольте мне процитировать Тору: «Не делайте неправды ни в суде, ни в мерах, ни в весе, ни в весе» (Лев. 19:35); я понимаю это так, что в области логики и философии следует стремиться к эмпирической точности, аналитической достоверности и в целом к здравому суждению. И ещё: «Не украдите, ни лгайте, ни обманывайте друг друга» (Лев. 19:11); я понимаю это так, что нельзя красть веру и доверие людей посредством заведомо ложных доктрин и лжи, совершаемой или умолчаемой. В сфере интеллекта,

---

[125] И, конечно же, иудейская традиция — не единственная, которая заявляет о своих святых и учителях подобным образом; другие религии делают то же самое в отношении своих святых и учителей.

как и в сфере торговли, *честность,* несомненно, является высшей добродетелью. Умышленное сокрытие правды, безусловно, является порочным поступком.

Конечно, представители BDD не стали вслух говорить о причинах своего отказа. Сделать это означало бы подвергнуть их всеобщему осмеянию в академическом мире. Вместо этого рецензент демонстративно критиковал другие части моего эссе, делая вид, что находит недостатки в моем методе и логике, при этом всячески избегая комментариев относительно моего анализа соответствующих отрывков Мишны и Гемары, чтобы не раскрыть свой истинный мотив.

Несмотря на то, что 30% текста было посвящено Талмуду, он, к своему удивлению, почти ничего не нашел по этой теме, которая, казалось бы, должна была быть его основной областью интересов. Тогда я предположил, что это произошло потому, что ему было лень читать написанное мной или он не мог этого понять; но позже я понял, что он просто очень осторожно избегал привлечения внимания к глубоким страхам, которые вызывала у него эта часть текста.

Излишне говорить, что если бы редактор BDD и вышестоящие лица были уверены в своих убеждениях, они бы разрешили публикацию статьи и одновременно или позже позволили бы другим авторам публично опровергнуть её утверждения. В конце концов, в теории, это одна из целей подлинно научных журналов: стимулировать размышления и дискуссии; в логике и философии ошибки могут быть столь же интересны, как и правильные выводы. Тот факт, что они решили заблокировать публикацию статьи, скорее демонстрирует, что они боялись её и не могли придумать убедительного способа

опровергнуть её выводы. Таким образом, они выбрали достаточно скучного «рецензента», чтобы тот высмеял процесс рецензирования и создал видимость того, что они должным образом рассмотрели этот вопрос.

Этот эпизод заставил меня понять, что и сегодня, в наше время, существует университет, Бар-Илан, который не совсем верен современному академическому идеалу истины и науки [126]и готов подавлять наблюдения и анализы, противоречащие его религиозным убеждениям. Конечно, преднамеренное препятствование передаче знаний — это зло. Должен сказать, что перед началом написания статьи я задавался вопросом, не отреагирует ли издатель негативно на критическое мнение; но я сказал себе: «Нет, этого не может быть». Я предполагал, что ни один уважающий себя университет не стал бы так поступать! Какая же я был наивен.

2. Первый ответ анонимному рефери

Уважаемый господин редактор, выступая в качестве «рецензента» журнала BDD, Вы (12 августа) написали крайне негативную оценку моей статьи «Об аргументе Фортиори в целом и в иудаизме» (представлена 28 мая), номер статьи 261. Следующие строки представляют собой мой ответ на Ваше эссе объемом в две страницы. Надеюсь, у Вас хватит смелости и терпения прочитать его целиком.

Я не знаю, кто вы, поскольку вы не подписали свою работу, и, следовательно, я не знаю, какова ваша

---

126 Обратите внимание, что я использую слово *«идеал»* . Я не считаю, что этот идеал полностью соблюдается в каком-либо университете. Но это уже другая тема для обсуждения.

квалификация. Тем не менее, я легко могу увидеть и доказать, что вы на самом деле не квалифицированы для выполнения поставленной перед вами задачи.

1. Давайте начнём с сути дела и выясним **уровень ваших личных логических знаний и навыков** . Вы, очевидно, считаете себя весьма эрудированным и способным, но я быстро покажу вам, что вы *совершенно некомпетентны* .

Вы утверждаете с высокомерным тоном человека, «преподающего урок», что я «неявно» апеллирую к следующей семантике: а именно, что «P больше R, чем Q больше R; Q достаточно R, чтобы быть S; тогда P достаточно R, чтобы быть S» означает:

“P is R” ≥ “Q is R”;

“Q is R” ≥ “S is R”;

тогда “P is R” ≥ “S is R”.

Теперь я могу вас заверить, что *нигде* и *никогда не стал бы* предполагать или предлагать подобную *бессмысленную* символическую интерпретацию аргумента a fortiori (или, точнее, положительного субъективного настроения такого аргумента)! Это *ваше личное дело* . *Это идиотская чушь* , и я крайне возмущен тем, что вы приписываете это мне, поскольку это совершенно ошибочно.

Для начала, если основная посылка гласит: «P больше R, чем Q больше R», то её символическое обозначение будет «P больше R» > «Q больше R» (а не так, как у вас ≥). В данном контексте это не очень важно, но демонстрирует вашу невнимательность к деталям.

Во-вторых, малая посылка и заключение, безусловно, *не означают и не могут* означать «(Q есть R) ≥ (S есть R)» и «(P есть R) ≥ (S есть R)» соответственно. Это сразу очевидно, поскольку S является *предикатом* (Q, затем P) в указанных утверждениях, тогда как вы представляете его как *субъект* (R)!

Правильная символическая интерпретация этих утверждений скорее будет (частично) следующей: **«(Q — Rs) → (Q — S)» и «(P — Rs) → (P — S)»** , соответственно, *где Rs — Для того чтобы R стало S, необходимо определенное пороговое значение* , как это ясно указано в моей собственной статье. (Здесь, конечно, символ → означает «подразумевает».)

Вы утверждаете, что читали мое эссе; но я очень сомневаюсь, что вы хотя бы бегло его просмотрели. Ведь если вы его читали, как возможно, что вы даже не поняли, не говоря уже о том, чтобы усвоить, эту центральную концепцию всего моего учения относительно (позитивного) аргумента a fortiori, а именно, что он неизбежно зависит от достаточности обладания средним термином («достаточно ли R, чтобы быть»)? Это повторяется снова и снова в моей работе, не говоря уже о книге, из которой она взята. Например:

> Важно понимать смысл слова « **достаточно » (или «достаточно») в приведенных выше посылках и выводах. Они говорят нам о том, что субъект обладает необходимым количеством R, чтобы оправдать предикат; то есть, субъект обладает как минимум** *требуемым* количеством R. *для* предиката. Слово «достаточно» указывает на то, что существует ***пороговое значение*** **R.** *начиная с момента, когда* субъект *действительно* обладает предикатом, и в любом месте, *где* субъект *не обладает* предикатом; значение R субъекта в этом случае определяется как находящееся на требуемой стороне известного порогового значения.

Вышеизложенное показывает, что ваше понимание рассматриваемого текста равно *нулю* . Вы даже не можете правильно сформулировать логическое предложение; и при этом вы *претенциозно*

пытаетесь судить о предмете с более высокого уровня! Человек ничего не сможет узнать, если не откроет свой разум и не будет терпеливо изучать предмет.

Ваше утверждение о том, что аргумент a fortiori может быть обозначен как «P есть R» ≥ «Q есть R»; «Q есть R» ≥ «S есть R»; тогда «P есть R» ≥ «S есть R», — это просто утверждение, что это вывод из количественных сравнений, то есть аргумент вида: если A ≥ B и B ≥ C, то A ≥ C. Я не только не поддерживаю это в своих работах, но и неоднократно предостерегаю от этого.

Из вашей убедительной защиты этой идеи (или из того, что вы мне приписываете) очевидно, что ваши знания о возможностях логической аргументации ограничены очень узким кругом вопросов. Вы пытаетесь свести слишком сложные для вашего ума вещи к простым формулам, входящим в ваш интеллектуальный диапазон, отказываясь расширять свою перспективу.

Обратите также внимание, что я выше сказал, что «(Q — Rs) → (Q — S)» и «(P — Rs) → (P — S)» — это лишь *часть* символической интерпретации аргумента a fortiori, поскольку существует также негативный аспект, который следует учитывать, как я это делаю в своей статье (см. цитату ниже). Ваша трактовка полностью игнорирует это.

Что касается вашего утверждения о том, что моя теория аргумента a fortiori ограничивается аристотелевскими отношениями (по сути, только связкой «есть»), — это тоже совершенно неверно. В своей книге (AFL 4.1) я прямо заявляю, что такое ограничение не предполагается:

> Я назвал первые четыре наклонения «связочными», потому что они включают категориальные

> отношения, обозначаемые связкой «есть» (или «быть»). Но следует понимать, что они с таким же успехом могут включать и другие категориальные отношения; также может присутствовать отрицательная полярность и неактуальные модальности (можно, должно и различные вероятности между ними) различных модальностей (de dicto или различные типы de re).

И, по сути, я привожу бесчисленное множество примеров, где встречается подобная вариация. Более того, я не ограничиваю свою теорию категорическими утверждениями, но упоминаю и подробно рассматриваю импликационные аргументы a fortiori. Всё это, кажется, ускользнуло от вашего внимания, несомненно, потому что вы были так сосредоточены на поиске недостатков в моей работе.

2. Более того, желая выглядеть знатоком, вы пишете:

> «В статье содержится множество теоретических ошибок. Например, автор предлагает четыре допустимых наклонения для рассуждения a fortiori. Тем не менее, он формулирует только синтаксические выражения этих наклонений без их семантики. Во всем тексте автор не определяет семантику для рассуждения a fortiori как таковую».

Это, конечно же, полная чушь с вашей стороны, ещё одно доказательство того, что вы не знаете, о чём говорите. *Синтаксис* допустимых наклонений аргумента фортиори — это их внешняя *форма* , язык, на котором они выражаются в повседневной речи. Таким образом, «P больше R, чем Q больше R; Q достаточно R, чтобы быть S; тогда P достаточно R, чтобы быть S» — это форма или синтаксис

положительного субъективного наклонения аргумента фортиори. Семантика *или* внутреннее значение форм — это их полная *интерпретация* в более доступных терминах для целей *проверки* . Таким образом, семантика положительной субъективной формы в моей статье представлена следующим образом:

- **Положительная субъективная** валидация аргумента a fortiori:

Основная предпосылка: «P в большей степени R, чем (или в такой же степени R, как) Q» означает:

P равно R, то есть P в определенной мере или степени равно R (например, Rp);

Q равно R, то есть Q в определенной мере или степени равно R (например, Rq);

и Rp больше (или равно) Rq (следовательно: Rp подразумевает Rq).

Малая посылка «Q достаточно R, чтобы быть S» означает:

Q в определенной мере или степени равно R (Rq);

Всё, что в определённой мере или степени является R (например, Rs), является S, и

Всё, что не является, по крайней мере, в этой мере или степени R (т.е. не является R), не является S;

и Rq больше или равно Rs.

Заключение «P достаточно R , чтобы быть S» состоит из четырех частей:

P в определенной степени равно R (например, Rp);

Всё, что в определённой мере или степени является R (например, Rs), является S;

Всё, что не является хотя бы в этой мере или степени R (т.е. не является R), не является S;

и Rp больше (или равно) Rs.

Эти четыре компонента получаются следующим образом: первый — из основной посылки, второй и третий — из второстепенной посылки, а четвертый — из табличного количественного аргумента (см. ниже), который выводится из обеих посылок. Здесь следует отметить, что условие «достаточного R» в заключении (подразумеваемое во второй и третьей компонентах) вытекает из второстепенной посылки, поскольку оно касается вспомогательного термина (S). Таким образом, здесь решающим пороговым значением R является Rs, то есть минимальное значение R, необходимое для того, чтобы быть S; зная, что Rq равно или превышает Rs, мы можем предсказать, что Rp также будет равно или превышать Rs.

Обратите внимание, что я говорю «главная посылка *означает* » и т. д. Таким образом, когда вы утверждаете, что «он формулирует только синтаксические выражения… без их семантики» и что «во всем тексте автор не определяет семантику для рассуждений тем более», вы просто показываете свою неспособность распознать семантический смысл, даже когда он находится прямо перед вами!

Далее вы пишете: «В некоторых случаях он предполагает, что эта семантика аристотелевская, в некоторых — нет. В аристотелевской силлогистике отношения между терминами интерпретируются как теоретико-множественные операции включения, исключения и пересечения между ними. Автор использует и эту идею…» (здесь вы приводите свою уже рассмотренную выше неверную формулу и продолжаете:) «Вероятно, он предполагает, что отношение ≥ является аристотелевским включением

(рефлексивные, антисимметричные и транзитивные отношения между терминами). Но очевидно, что это не может быть так по другим причинам».

Здесь вы тоже просто расхаживаете, пытаясь выглядеть умным, разбрасываясь банальными словами, которые едва понимаете, и приписывая мне (не говоря уже об Аристотеле) мнения, которые я никогда не высказывал. Разве я когда-либо предполагал, предполагал бы я, что «отношение ≥ — это аристотелевское включение»? Тот факт, что вы вообще это предполагаете, говорит о некоторой путанице в *вашем собственном* сознании относительно символа >.

Вы также утверждаете, что моя теория аргумента фортиори зависит от разъяснения отношения количественного сравнения (т.е. ≥). По вашим словам: «Тогда автор рассматривает обоснование аргумента фортиори на 5 страницах. Однако без семантики это не имеет никакого смысла. Отношение ≥ абсолютно неясно».

Но, как я показал выше, это отношение (количественное сравнение), вопреки вашему представлению, не является центральным столпом аргумента фортиори. Это лишь один из многих элементов – см. мой собственный анализ выше. Более того, в мои обязанности как логика не входит его разъяснение – я могу считать, что он уже рассматривался и был передан мне математиками, поскольку это чисто количественный вопрос. Мне пришлось бы рассмотреть этот вопрос, если бы он был характерен только для аргумента фортиори; но это не так (точно так же, как и предикация или импликация).

И вообще, что именно вы считаете «абсолютно неясным» в отношении «≥»? Это достаточно просто и

очевидно. Вы, кажется, намекаете, что в этом есть какая-то глубокая тайна, о которой я не знаю, — но вы не говорите, в чём именно заключается ваше возражение. Вы снова, очевидно, просто пытаетесь создать лестный образ себя и занимаетесь злонамеренными намёками.

Всё это ещё раз доказывает, что у вас нет *непосредственного* понимания логики, а есть лишь кое-какая куча *чужих* формул и выражений, которые вы используете, не зная их истинного смысла. Вы думаете, что можете обмануть людей такими уловками, но вам удаётся лишь выставить напоказ собственное невежество и моральную неполноценность.

3. Еще один момент, на который следует обратить внимание, заключается в том, что вы, кажется, полагаете, что поскольку я, как и вы, избегаю современной символической логики и прибегаю к **логике обыденного языка** , мое понимание логики должно быть хуже вашего (того немногого, что вы продемонстрировали). Я утверждаю, что все обстоит совершенно наоборот. Если вы потрудитесь прочитать книгу или хотя бы Приложение 7 к ней, вы увидите, что одна из моих главных тем в этой работе заключается в том, что современная символическая логика — это мошенничество, средство, которое используют люди, не понимающие логику, чтобы создать у себя и других ложное впечатление, что они ее понимают.

Ваше эссе еще раз подтверждает мою точку зрения . Вы пытались выглядеть искусным, неверно истолковав аргумент «тем более», но на самом деле лишь продемонстрировали свою собственную логическую некомпетентность. Если бы вы изложили свое предложение простым языком, то есть понятным

английским языком, вы бы сами увидели его глупость. *Логика «тем более» Эта книга была написана с целью помочь таким людям, как вы* . Если вы хотите развить свои навыки и интеллектуально расти, вам следует приложить усилия, чтобы прочитать её, и сделать это с должным восприимчивым отношением. Но, честно говоря, я не думаю, что у вас когда-либо будет *необходимый интеллект* . Я говорю это совершенно искренне. Вы пишете:

> «Из того факта, что истинной семантики не существует, следует, что автор формулирует субъективные и предсказательные наклонения, которые на самом деле одинаковы, а также следующие аристотелевские утверждения: «S есть P» и «P является свойством S». Синтаксически они различаются, но семантически — нет».

Глядя на ваши слова, я считаю вас безнадежным случаем. Уже одно это ваше предложение убеждает вас в том, что вы не изучали представленную вам работу, а лишь бегло просмотрели её. Если вы действительно её читали и не смогли увидеть и понять *радикальные различия* между субъективным и предикативным аргументом, то для вас нет никакой надежды. Речь идёт не о преобразовании «S есть P» в «P является свойством S», как вы утверждаете – если бы это было так, то субъективные аргументы можно было бы свести к предикативным, и наоборот, – тогда как я тщательно изучил этот вопрос и ясно показал, что это невозможно. *Вы делаете заявления, не основываясь ни на каких исследованиях* , а лишь на больших предрассудках в вашей маленькой голове.

Опять же, как вы не видите большой разницы между субъективной и предикативной аргументацией, вы не

видите существенной разницы между чисто аргументом a fortiori и аргументом crescendo (пропорциональным аргументом a fortiori). Таким образом, вы пишете:

> «Следующий раздел «Аргументы, основанные на принципе пропорциональности», занимающий 6 страниц, содержит несколько синтаксических вариаций наклонений a fortiori, сформулированных в первом разделе. На мой взгляд, этот раздел следует сократить, поскольку он содержит много несущественной информации для основной темы».

Очевидно, вы не знакомы с историей аргументации А-Фотори и полемикой вокруг этого вопроса на протяжении всей этой истории. Вы считаете что-то неважным просто потому, что находите это утомительным – то есть ваш ум быстро устаёт. Но это не является допустимым критерием оценки в данном контексте. Меня поражает, что такой человек, как вы, который, очевидно, не внёс абсолютно ничего ценного в область *логики А-Фотори* , но, наоборот, неправильно понимает большую часть прочитанного, предлагает «мнение» о том, что является «главной темой», а что – «неважной информацией»!

4. Давайте теперь рассмотрим **ваш конкретный пример** аргумента фортиори. Вы пишете:

> «Чтобы проиллюстрировать значение настроений, автор приводит несколько примеров. Рассмотрим один. «Джек (P) может бежать быстрее (R), чем Джилл (Q); если Джилл может бежать достаточно быстро, чтобы преодолеть одну милю менее чем за 15 минут (S), то, конечно же, Джек тоже может; а если он не может, то и она тоже». Во-первых,

> отношение «быстрее» не является транзитивным для любого расстояния, потому что есть «стойкие» и «спринтеры». И кто-то может бежать быстрее как «стойкий», но медленнее как «спринтер». Во-вторых, семантика «S есть R» в форме предложения «достаточно быстро, чтобы преодолеть одну милю менее чем за 15 минут» легко отличается от семантики «P есть R» и «Q есть R». В первом случае S из «S есть R» — это расстояние. Во втором случае P из «P есть R» и Q из «Q есть R» — это люди. Это своего рода логическая ошибка, называемая *ignoratio elenchi* ».

«Логика Фортиори» (AFL 1.1) я анализирую этот аргумент следующим образом:

> Например: допустим, Джек (P) может бежать быстрее (R), чем Джилл (Q), из этого следует, что: если Джилл может пробежать одну милю менее чем за 15 минут (S), то, безусловно, Джек тоже может; а если он не может, то и она тоже. Само собой разумеется, условия в обоих случаях считаются идентичными; речь идет об одном и том же маршруте, в одну и ту же погоду и так далее. Если подразумеваются разные условия, аргумент может работать некорректно. Аргумент «тем более» формулируется категорически только в том случае, если отсутствуют какие-либо лежащие в его основе условия. Очевидно, что если условия существуют, их следует указать, или, по крайней мере, необходимо убедиться, что они одинаковы на протяжении всего аргумента.

В вашем первом комментарии о потенциальной изменчивости отношения «быстрее» вы лишь повторяете то, что я уже говорил в своей книге, а именно, что «условия считаются идентичными» и т. д.

Однако вы не знаете, что это всего лишь небольшое предупреждение читателю относительно вопроса, который будет рассмотрен более подробно позже, а именно возможности использования промежуточного термина в нескольких значениях. *Например* , чуть ниже в той же главе и разделе (AFL 1.1) я пишу:

> На формальном уровне это означает, что если мы не указываем или не помним средний термин R, подразумеваемый в главной посылке, мы легко можем подразумевать другой средний термин, скажем, R', в второстепенной посылке и заключении; в этом случае наше рассуждение (будь то бессознательное или преднамеренное) будет, конечно же, ошибочным. Это часто происходит на практике, и это одна из причин, по которой некоторые люди сомневаются в обоснованности аргумента a fortiori в целом. Но проблема здесь не в самом аргументе, а в использовании двух средних терминов. Если мы используем, явно или неявно, два средних термина, аргумент, конечно же, становится недействительным, поскольку его больше нельзя подтвердить. Мы могли бы назвать такую практику «ошибкой двух средних терминов», чтобы помнить о необходимости избегать её и не поддаваться ей.

Таким образом, то, что вы представляете как свою собственную критику моей презентации, является возможной логической ошибкой, на которую я уже указывал и которую объяснял. Ваше предположение состоит в том, что средний термин «быстрее» может иметь различное значение, то есть «быстрее», предназначенное для выносливого бегуна, отличается от «быстрее», предназначенного для спринтера. Вы фактически обвиняете меня в этой ошибке, но именно я обнаружил её раньше вас! Это *нечестность* с вашей

стороны. Вы притворяетесь учителем, в то время как на самом деле являетесь учеником.

Что касается вашего второго комментария, то он лишь вновь демонстрирует *вашу полную умственную путаницу* . Утверждение «S есть R» нигде не встречается в моем рассмотрении позитивного субъективного аргумента a fortiori, а является *вашим собственным* изобретением, как мы видели выше (в предложенной вами символической формуле)! Таким образом, ваша критика того, что субъект S (расстояние) несопоставим с субъектами P и Q (людьми), — это не что иное, как критика *вашего собственного* неправильного понимания формализации аргумента a fortiori! В моем анализе субъективного аргумента S — это предикат, а не субъект. Вы здесь лишь еще раз демонстрируете свою собственную нелепость и никоим образом не предоставляете обоснованной критики моей работы!

И у вас хватает наглости обвинять меня в совершении логической ошибки *ignoratio elenchi* . Честное слово, как бы вас ни звали, какой же вы дурак – мне вас жаль.

5. Теперь я отвечу на следующий отрывок из вашей рецензии, в котором **вы пытаетесь поставить под сомнение мои научные заслуги** ! Это вызвало у меня горький смех, учитывая вашу нелепую неграмотность.

> «Статья написана таким образом, что становится очевидно: автор не учёный. Например, он утверждает, что в трудах Аристотеля найдено 80 случаев аргументации a fortiori (стр. 4). Но является ли предметом обсуждения, какие работы являются подлинно аристотелевскими, а какие — псевдоаристотелевскими и т. д.? Содержатся ли все

случаи аргументации a fortiori в «Риторике» или «Органоне» Аристотеля? Я знаю, что рассуждения по аналогии часто использовались Аристотелем в биологических работах. Сколько аргументов a fortiori содержится там? Другой пример ссылки, которой не может быть ни в одном научном труде, — это ссылка на «Сефер ха-Хигайон» Рамхаля (стр. 15). Автор утверждает, что четыре варианта аргументации a fortiori, сформулированные в статье, были впервые сформулированы Рамхалем. В этом случае неясно, каков научный результат автора. Является ли это лишь синтаксической формулировкой этих четырёх вариантов?»

Во-первых, вы критикуете мою трактовку использования Аристотелем аргумента «a fortiori». Если бы вы действительно были учёным, вы бы просто заглянули в мою книгу *«Логика Fortiori»,* прежде чем делать подобные замечания. В главе 6 и приложении 4 к ней содержится *полное описание и анализ* этой темы. В следующей таблице приведены мои выводы, сделанные там:

Книга, в которой найдена a fortiori	Найденное число
Последующий анализ	3
Темы	24
Физика	1
На небесах	3
Метеорология	1
О душе	2
О чувственном и чувственном	1

Parva Naturalia	2
О памяти и воспоминаниях	1
История животных	10
Метафизика	4
Никомахова этика	4
Политика	3
Риторика	21
14 книг	80

Данное оригинальное исследование основано главным образом на механическом поиске выражений аргумента a fortiori в *трудах Аристотеля* (под ред. Уильяма Дэвида Росса. Чикаго: Encyclopædia Britannica, 1952).

Все эти работы Аристотеля были включены в авторитетное собрание, опубликованное издательством *Enc. Brit. В «Истории античной философии»* У. Винделбанда (стр. 236-247) вы найдете обсуждение того, какие из сохранившихся работ Аристотеля являются подлинными, сомнительными или поддельными. Все вышеперечисленные он относит к подлинным. В любом случае, хотя этот вопрос может сыграть некоторую роль в определении того, использовал ли Аристотель на практике аргумент a fortiori, он не имеет существенного значения для тезиса, изложенного в статье, о том, что аргумент a fortiori во всех его формах часто использовался как в Греции, так и в Израиле. Написал ли Аристотель 60, 80 или 100 аргументов a fortiori, это не имеет значения для данного вопроса.

Поэтому сам факт поднятия вами этого вопроса мог быть *продиктован недобросовестностью* . Вы подняли его лишь для того, чтобы притвориться учёным, то есть, чтобы казаться исторически

подкованным. Готов поспорить, вы никогда не читали ни одной из этих работ; в лучшем случае — несколько строк из одной-двух. Это легко понять по вашему явному невежеству в области логики. Также очевидно из следующей фразы: «ссылка, которой не может быть ни в одной научной работе», — что вы никогда не проводили собственных оригинальных научных исследований. Вы постоянно ищете внешние авторитеты. Что ж, позвольте мне сказать вам, вам не нужно искать дальше — я являюсь авторитетом в этой области.

Что касается ваших комментариев по поводу моих выводов о Рамхале, если бы вы удосужились взглянуть на главу 9, раздел 10 моей книги *«Логика фортиори»* , что вы бы сделали, если бы были по-настоящему учёным, я бы не просто *утверждал* , что он перечислил четыре варианта аргумента фортиори, я *показываю* это подробно. Какова научная цель этого, спросите вы? Что ж, *«Логика фортиори»* — это книга, посвящённая изучению подлинной истории использования и понимания аргумента фортиори, поэтому открытие того, что Рамхал, по-видимому, первым чётко перечислил все четыре варианта связочного аргумента фортиори, очень значимо.

Однако, что касается синтаксиса, да и семантики, я показываю, что его понимание было неполным, поскольку ему не хватало важнейшего фактора — порогового значения среднего члена в малой посылке. Этот и другие недостатки свидетельствуют о том, что моя собственная работа на самом деле значительно более продвинута. Тем не менее, это не умаляет важности вклада Моше Хаима Луццатто.

Повторюсь, если бы вы были учёным, вы бы просто заглянули в мою книгу, прежде чем говорить. Но,

конечно, вас не интересуют факты дела, не так ли? Вы лишь стремитесь посеять сомнения в ценности моей работы. Всё, чего вы этим добиваетесь, — это демонстрируете свои собственные интеллектуальные и моральные недостатки.

6. Теперь давайте рассмотрим ваши краткие высказывания **относительно иудейской логики** . Вы пишете своим обычным всезнающим тоном:

> «Четыре варианта аргументации a fortiori, описанные автором, не имеют никакого смысла для аргументации *qal vachomer* , используемой в Талмуде. Дело в том, что мудрецы апеллируют к аргументации a fortiori, ограниченной так называемым принципом *dayo* . В результате любое рассуждение в такой форме
>
> P больше R, чем Q R; Q достаточно R, чтобы быть S; тогда P достаточно R, чтобы быть S.
>
> Если «P равно R» ≥ «Q равно R»; если «Q равно R» ≥ «S равно R»; тогда «P равно R» ≥ «S равно R»
>
> Это не относится к мудрецам. Нет никакой аналогии с отношением упорядочивания ≥.

И здесь, по иронии судьбы, вы оцениваете рассматриваемый вопрос в контексте *ваших собственных интересов. Моя собственная* ошибочная интерпретация формулы «P больше R, чем Q больше R; Q достаточно R, чтобы быть S; тогда P достаточно R, чтобы быть S» как означающая «'P больше R' ≥ 'Q больше R'; 'Q больше R' ≥ 'S больше R'; тогда 'P больше R' ≥ 'S больше R'», утверждающая, что «Нет аналогии с отношением упорядочивания ≥». Это не имеет никакого отношения к моей теории, а представляет собой критику вашей теории!

Но в любом случае неверно утверждать, что Талмуд не использует количественные аналогии (то есть, не делает выводов на основе количественного сходства или различия), или что аргумент «тем более» «недействителен» для мудрецов. Как я показываю в своих книгах « *Иудейская логика»* и *«Логика тем более»* , и как хорошо известно всем, кто изучал Мишну и Гемару, Талмуд изобилует количественными аналогиями и аргументами «тем более», и мудрецы фактически считают такие аргументы в принципе вполне обоснованными, поскольку они к ним прибегают, даже если иногда выдвигают возражения против отдельных аргументов.

Вы делаете авторитетные заявления, как будто что-то знаете, но не приводите никаких доказательств в поддержку своих утверждений. Где научные исследования, на которых вы основываете эти бессмысленные опровержения? Думаете, ваши *простые слова* имеют хоть какую-то ценность? Все мои заявления основаны на *подробных, тщательных исследованиях* , которые любой может проверить, прочитав книги или статьи, которые я написал и опубликовал по этой теме. И я провел огромную работу по исследованию — оригинальному исследованию, которого никто другой не делал. Но, конечно же, вам лень взглянуть на доказательства, прежде чем говорить. Это еще одна нечестность с вашей стороны.

7. Продемонстрировав свою техническую и теоретическую некомпетентность в логике, истории логики и логике Торы, позвольте мне теперь перейти к вашим претензиям на звание учёного или к высказываниям от имени науки. Вы пишете:

> «Мы находим не научное исследование в строгом смысле слова, а выдержки из этих книг. Поэтому здесь нет введения, где автор мог бы сформулировать свои цели, методологию исследования и т. д. Нет заключения, где автор мог бы сказать пару слов о результатах своего исследования. Между разделами нет никакой связи. Научная статья — это жанр, который сильно отличается от книг, распространяемых бесплатно в интернете. Она должна быть хорошо структурирована, содержать введение, заключение и т. д.»

Здесь вы подразумеваете, что BDD — это научный журнал со специфическими стандартами формального представления материала, скажем, как *Nature* . Во-первых, позвольте мне ответить, что, просматривая статьи на английском языке в тех нескольких номерах BDD, которые у меня есть, я не вижу, чтобы эти высокие стандарты соблюдались. На мой взгляд, этот журнал предназначен для публикации статей, *заставляющих задуматься,* адресованных в основном еврейской аудитории, которая интеллектуально привязана как к светской науке, так и к иудаизму.

Во-вторых, вопреки вашим утверждениям, статья не просто состоит из «выдержек» из книги *«Логика Фортиори* ». Как я написал профессору Эли Мерцбаху, когда представил ему статью, на ее написание «ушло около 12 часов», и это «не просто копирование и вставка из моей книги», а «оригинальная статья. Часть материала была скопирована дословно, но часть я специально переписал». Так что и здесь вы ошибаетесь.

Во-третьих, вы, возможно, не знаете, что меня пригласили написать статью для этого издания (BDD). Я не отправлял статью по собственной инициативе, в надежде на публикацию и, таким образом, на «оправдание перед коллегами». *Я никогда так не делаю* – именно потому, что не считаю таких людей, как вы, автора этой скандальной клеветнической статьи, которую вы называете рецензией, своими коллегами. Я знаю ценность своей работы, выполненной самостоятельно – мне, конечно, не нужна *ваша помощь. Бесполезное подтверждение* этому. Я учитель, а не ученик для таких, как вы. Это не тщеславие с моей стороны; это знание фактов (как я доказал выше).

В любом случае, вот что я написал профессору Мерцбаху перед тем, как приступить к написанию рассматриваемой статьи:

> Насколько я помню, вы предложили статью объемом около 20 страниц (формат BDD). Есть ли еще какие-либо технические характеристики, о которых мне следует знать? Что касается содержания, то на данном этапе (при выделении места) я имею в виду следующее:
>
> - Приведите основные факты о формальных аспектах аргументации a fortiori, а также о её истории и географическом применении;
>
> - описать наиболее важную дискуссию a fortiori в Мишне (Баба Кама 2:5), которая вводит принцип «дайо» в талмудическую герменевтику;
>
> - Описать и подвергнуть критике точку зрения Гемары на этот спор, а также некоторые более поздние комментарии к нему;
>
> - представить краткий обзор исследований по аргументации «тем более» в Танахе, Мишне и Гемаре.

> В целом, моя идея состоит в том, чтобы обобщить основные аспекты моей новой книги, выбрав темы, наиболее вероятно представляющие интерес для ваших читателей, то есть для религиозной еврейской аудитории с научным складом ума.
>
> Пожалуйста, подтвердите свой интерес к описанной здесь статье, чтобы я мог начать работу над ней. Если у вас есть какие-либо пожелания или условия, пожалуйста, сообщите мне о них сейчас.

Он ответил, что одобряет этот проект. Как видите, мне не удалось уместить всю эту информацию в статье, пришлось довольствоваться гораздо меньшим. Обратите внимание на мое описание предполагаемой читательской аудитории. Если вы ищете формальный научный документ, то это книга под названием « *Логика Фортиори»* . Там вы найдете подробное описание научных и исторических целей, методологии, окончательных выводов. Статья, представленная в BDD, не предназначена для этой роли. Как я довольно откровенно говорю в этой статье, невозможно резюмировать содержание 700-страничной книги на 20 страницах:

> Данная статья представляет собой очень краткое изложение этой книги, в котором выделены некоторые из ее наиболее важных выводов. Разумеется, на 20 страницах данной статьи невозможно резюмировать 700 страниц книги. Я настоятельно рекомендую читателям изучить первую часть «Американской федерации фольклора», посвященную формальным вопросам, и вторую часть «Американской федерации фольклора», посвященную еврейским вопросам.

Если вы хотите узнать, чем я руководствовался при выборе материала для этой работы, я могу вам рассказать. Что касается общей логики, мне

показалось наиболее важным четко показать разницу между чисто аргументом «теории фортиори», аргументом крещендо, аргументом пропорциональности и простой количественной аналогией, поскольку, изучив литературу от античности до наших дней более тщательно, чем кто-либо другой, я обнаружил, что это является важнейшей проблемой в понимании людьми аргумента «теории фортиори». Что касается иудейской логики, я решил, что читателям BDD прежде всего необходимо прояснить дискуссию между рабби Тарфоном и мудрецами в Баба Кама 2:5.

Всё это, разумеется, чётко изложено в моей статье, в частности, в аннотации, которую вы, по-видимому, не заметили:

> В данной работе сначала подробно рассматриваются формальные взаимосвязи и различия между аргументом a fortiori, аргументом crescendo (который относится к пропорциональному аргументу a fortiori), аргументом pro rata и количественной аналогией. Эти различные формы аргументации часто путают, поэтому важно четко их описать и объяснить. Затем автор использует эти общие выводы для формального анализа дискуссии между рабби Тарфоном и мудрецами в Мишне Баба Кама 2:5, в ходе которой вводится важный принцип дайо. После этого автор рассматривает толкование этого отрывка из Мишны в Гемаре (в Вавилонском Талмуде, Баба Кама 25a-b).

У меня не было и нет причин представлять эту информацию в строгой форме «научной статьи». Моя цель заключалась в том, чтобы привлечь внимание заинтересованных читателей к этим важнейшим вопросам и побудить их к дальнейшему изучению.

Меня не интересовало и не интересует нарциссическое позёрство, вопреки вашему безосновательному обвинению, где вы пишете:

> «Эта статья уже опубликована как часть книги *«Логика Фортиори»* (2013), написанной автором, которая является модификацией его старой книги *«Иудейская логика»* (1995). Обе книги доступны бесплатно в интернете. Более того, автор рассматривает эту недавнюю статью в BDD лишь как рекламу своей книги *«Логика Фортиори»* . Таким образом, единственная идея введения заключается в том, что *«Логика Фортиори»* — это «новое, всестороннее и глубокое исследование». В ней содержится «множество новых теоретических идей». А статья — это «очень краткое руководство к этой книге». Подобные самооценки, вроде «моя книга — очень хорошее исследование» и «пожалуйста, прочтите мое руководство к этой великой книге», недопустимы ни в одной научной статье. Это касается не только обычной скромности, которая всегда ожидается, но и фундаментальных принципов науки, согласно которым любая работа должна быть рассмотрена и оценена другими».

«Логика Фортиори» — это не просто «модификация» моей книги *«Иудейская логика»* , как вы утверждаете, явно пытаясь принизить её значение. *«Логика Фортиори»* вносит множество важных исправлений, уточнений и расширений в *«Иудейскую логику»* (см. AFL 33.1). Тот факт, что обе книги доступны бесплатно в интернете, доказывает, что моё желание — распространять знания, используя современные технологии, без мысли о финансовой выгоде —

смешно представлять это как нечто, имеющее негативные последствия.[127]

Вы также обвиняете меня в том, что я отправил статью в BDD просто как «рекламу» моей книги *«Логика Фортиори»* . Это тоже низкое инсинуация с вашей стороны – если я упоминаю книгу читателям статьи и даже призываю их прочитать ее, то это потому, что книга содержит много ценной информации, не включенной в основные моменты, представленные в статье. Было бы неправильно с моей стороны создавать впечатление, что содержание статьи охватывает всю тему.

Вы продолжаете свои необоснованные оскорбления, намекая, что я хвастаюсь и лишён «скромности», когда говорю, что *«Логика Фортиори»* — это «новое, всестороннее и глубокое исследование» с «множеством новых теоретических идей». Как ещё я мог бы её описать, если это истинное описание? Становится очевидно, что вы на самом деле завидуете этому достижению и хотите подавить его всеми возможными способами. Можно задаться вопросом, почему. Многие люди могли бы извлечь пользу из этой статьи, даже если вы этого не хотите.

Некоторые люди радуются, когда видят, как другой человек добивается чего-то хорошего или великого; другие же чувствуют себя ничтожными и никчемными и реагируют злобно. Какую творческую работу вы проделали в своей жизни? Может быть, вы второсортный студент второго курса, пытающийся произвести на кого-то впечатление? Или вы неудачливый преподаватель или профессор, движимый унылой неприязнью, которую он не

---

127 См. мои замечания о самиздате в главе 6 настоящего тома (примечание: эта сноска не была включена в первоначальный ответ).

понимает? Я не знаю, поэтому могу только догадываться о ваших мотивах. Я вас знаю? Вы затаили на меня обиду? Интересно, что вы скрываете от меня свою личность, хотя я просил вас ее раскрыть.

Вы начинаете свой гротескный «отзыв» словами: «Я настоятельно рекомендую отклонить эту статью по многим причинам», и заканчиваете аналогично словами: «В заключение, статья не может быть опубликована ни в одном научном журнале по многим причинам: структура, читабельность, теоретическая слабость и т. д.». Интересно то, что нигде в вашем эссе вы не произносите *ни слова* похвалы и не признаёте, *что* в представленной статье, или, если уж на то пошло, в книге, на которой она основана, можно найти что-либо ценное!

Разве это не подозрительно? Можно было бы подумать, что три долгих года исследований и написания статьи дали бы *что-то* полезное для логики, науки и истории, а также для изучения Торы. Но нет – вы сосредоточились только на поиске недостатков. И, как я показал выше, найденные вами «недостатки» были только вашими собственными – ни одна из причин, по которым вы отклонили статью, не выдерживает критики.

Совершенно очевидно, что вами движет не разум, не любовь к истине, не любовь к научным знаниям и даже не любовь к Торе, а невысказанные мелочные личные соображения. Более того, ваши знания и навыки в логике, науке, истории и Торе намного ниже вашей личной оценки. Действительно, я бы оценил ваше короткое эссе как самое бессмысленное произведение, которое мне когда-либо встречалось; а я проанализировал их немало за свою карьеру, так что это довольно высокая оценка, которую вы заслужили.

3. Второй ответ тому же судье.

Уважаемый господин, я только что получил Ваш (без названия, без подписи) ответ на мой комментарий от 9 сентября 2014 года к Вашей предыдущей «рецензии» на мою статью под названием « Об аргументе А-Фотори в целом и в иудаизме », представленную для публикации в BDD.

В этом новом эссе вы приводите три неубедительных оправдания для вашего предыдущего труда. Действительно, к вам можно отнести высказывание из Притчей: « *Но…» «Насмешник не слушает упреков* » (13:1).

1. На мою жалобу о том, что вы интерпретируете мою формулу (для положительного субъективного аргумента a fortiori) «P больше R, чем Q больше R; Q достаточно R, чтобы быть S; тогда P достаточно R, чтобы быть S» как «P больше R ≥ Q больше R; Q больше R ≥ S больше R; тогда P больше R ≥ S больше R», — всё, что вы можете ответить, это жалкое оправдание: « *На стр. 7 есть таблица… где Ави использует символ ≥ так, как я сказал* ». Можно ли это считать убедительным « *контраргументом* », как вы утверждаете?

Тот факт, что я использую отношение «≥» в своей работе, безусловно, не означает, что я придерживаюсь вашей идиотской интерпретации упомянутого аргумента a fortiori как «P есть R ≥ Q есть R; Q есть R ≥ S есть R; тогда P есть R ≥ S есть R». Эта интерпретация, как я уже говорил в своем первом ответе, не имеет ко мне никакого отношения и неоднократно мной не одобряется. Во-первых, потому что «S является предикатом (Q, затем P) в указанных утверждениях, тогда как вы представляете его как субъект (R);» и во-вторых, потому что аргумент a fortiori нельзя свести, как вы пытаетесь, к простому

«выводу из количественных сравнений, т.е. аргументу вида: если A ≥ B и B ≥ C, то A ≥ C». Чего вы *до сих пор,* очевидно, не поняли, так это значения фразы « **достаточно ли** R, чтобы быть», которая является ключевым моментом моей формулы.

Более того, как я заявляю в своем первом ответе, тот факт, что я использую отношение «≥» в своей работе, не делает его «центральным столпом аргумента a fortiori. Это лишь один из многих элементов». Если вы действительно посмотрите на использование этого отношения в процессе валидации (описанном в оригинальной статье и полностью процитированном в разделе 2 моего ответа), вы увидите, что оно просто встречается в: Rp ≥ Rq и Rq ≥ Rs, откуда, Rp ≥ Rs, где Rp, Rq и Rs обозначают количественные значения предиката R для P, Q и S соответственно. Сказать это — *совсем не то же самое,* что сказать, как вы говорите: «P равно R ≥ Q равно R; Q равно R ≥ S равно R; тогда P равно R ≥ S равно R». Тот факт, что мы оба используем отношение «≥», не делает эти два утверждения равнозначными.

Более того, повторюсь, моё утверждение «Rp ≥ Rq и Rq ≥ Rs, откуда Rp ≥ Rs» — это *лишь часть* упомянутого процесса проверки. Вы постоянно упускаете из виду — и именно поэтому я обвиняю вас в ленивом беглом просмотре текста, который вы должны внимательно прочитать, прежде чем комментировать его, — что полный процесс проверки включает в себя крайне важные условные конструкции « **если-то** ». Именно они проясняют упомянутое условие «достаточно». Именно потому, что вы *не* изучили внимательно эти условные конструкции «если-то», вы можете в своём первоначальном обзоре глупо предположить, что субъективные и предикативные аргументы одинаковы, то есть что один можно преобразовать в другой. Если

бы вы сравнили эти утверждения в двух формах аргумента (обе приведены в представленной работе), вы бы сами убедились, что такое преобразование логически невозможно.

Это одна из причин, по которой я назвал вас совершенно некомпетентным.

Более того, вы снова пытаетесь предположить, что использование мной отношения «≥» является ошибкой в моей работе. Как я объяснил в своем первом ответе, утверждение в вашем первоначальном обзоре, где вы заявляете, что «отношение ≥ абсолютно неясно», — это нелепая попытка дискредитировать совершенно законное использование математических понятий в логическом контексте. В моем использовании «≥» нет ничего постыдного, в отличие от ваших инсинуаций. Позорны именно ваши инсинуации.

Чтобы увидеть абсурдность вашего подхода, представьте себе рецензента статьи по физике, отправленной в журнал Nature, который, прочитав, скажем, формулу $x^2 = y^2 + z^2$, свободно «интерпретирует» её как $2x = 2y + 2z$ (потому что он не понимает, что такое квадрат числа, и думает, что это умножение на два), и вдобавок ко всему, он предполагает (снисходительным тоном, без каких-либо объяснений или даже ссылок), что математические соотношения «=» и «+» «абсолютно неясны». Думаете, такому рецензенту позволят сохранить хотя бы на мгновение свой пост «рецензента»? Ваше невежество и глупость слишком очевидны.

2. *Теперь перейду ко второму* вашему псевдоинтеллектуальному *« контраргументу »* , где *вы заявляете :*

> « Семантика предполагает некоторый абстрактные сущности , например деревья , с и с , и т . д. с некоторыми людьми над их. Сущности и операции над ними являются представлено как модели и семантика способ интерпретации предложения (теории) на модели . Неформальные значение предложения является нет своего рода логической эмантики . Для пример , ' Все С являются П ' — это не а логическая семантика для « Са П », потому что они не определены абстракты С , Р , а также пропорции над ними интерпретировать « СаП » на модели . Логики должен знать что се мантика ис и который роль модели играть там . "

Излишне говорить, что я прекрасно знаю, что в символической логике символическая формула, подобная «SaP» (синтаксис), может иметь ряд интерпретаций, например, «Все S — это P» (семантика). Но я не занимаюсь глупыми искусственными абстракциями символической логики, которые я считаю (как я уже говорил вам ранее и неоднократно демонстрирую в своей книге *«Логика Фортиори»* , например, в Приложении 7) мошеннической схемой. Очевидно, что с вашей ограниченной точки зрения на область логики вы думаете, что подобное бессмысленное утверждение делает вас знающим человеком; но на самом деле это лишь еще раз демонстрирует ваше невежество.

Меня не интересуют значения символических формул; я работаю с логикой на обыденном языке. Я намеренно избегаю символизма, насколько это возможно, считая его поверхностным и вводящим в заблуждение. Именно поэтому я терпеливо объяснил вам в своем первом ответе, что в моем подходе к логике синтаксис — это форма (интерпретация «Все S

— P», по вашему мнению), а анализ формы (который я даю в процессе проверки) — это семантика. Для меня единственные элементы, нуждающиеся в символах, — это термины (например, S и P в «Все S — P») или тезисы (например, P и Q в «если P, то Q»); я избегаю символизации отношений (например, a — это «SaP» или «P→Q»). Вы называете это «неформальным», но на самом деле это традиционное значение «формальной логики».

На мой взгляд, любая более абстрактная символическая формула (например, «SaP» или «P→Q») может быть предложена только в качестве *заключительного* шага, после того как вся логика темы будет упорядочена. Именно поэтому я никогда в своей книге не предлагаю толкование типа «P больше R, чем S, и (Q больше Rs) → (Q больше S), следовательно (P больше Rs) → (P больше S)» (как часть формулы для аргумента a fortiori) – чтобы показать пример сдержанности в символизации (я предлагаю это в своем первом ответе вам в ответ на ваше идиотское предложение). Делать это *в самом начале* , до того, как будет понята рассматриваемая тема и упорядочена ее логика, – это полнейшая глупость, неизбежно ведущая к путанице и ошибкам.

Но, будучи исключительно недалеким, вы не можете всего этого понять, а застряли в повторении банальностей, которые едва слышали и так и не усвоили до конца. Хуже того, у вас хватает наглости *читать* лекции вышестоящим, как будто вы что-то знаете [128]. Вы спрашиваете: « *Почему? » должен Я читаю «Эта книга ? »* — Что ж, ответ прост: потому что вы очень невежественны и вам нужно приложить

---

128 Более того, в своем ответе вы называете меня «Ави» — это еще одна наглость с вашей стороны; для вас я — доктор Сион.

серьезные усилия, чтобы получить образование. Однако я сомневаюсь, что вы когда-либо последуете этому доброжелательному *совету* .

3. *В* качестве третьего « *контраргумента » вы приводите аргумент относительно* количества аргументов a fortiori в сохранившихся *работах Аристотеля :*

> « Та иметь значение является что Видео нет цитировать работы поддерживать его претензии . В этот случай выдающиеся что любой человек должен иметь читать его книга и найденный вне что Арист Тотле использовал а для тиори 80 раз . Однако он сделал нет цитировать это место т е книга . Даже если он это сделал так что, это бы нет Было бы достаточно . Ему бы помощница . где eaf для ti or i был найдено в Аристотель работы в путь : Категории 1b10 . Это важно . Если кто - то претензии в его / её научный бумага что 8 0 , это должен удовлетворяет реальность и к быть 8 0 .”

В **сноске 4** к статье, которую я представил в BDD, я четко заявляю: «Более подробную информацию об этих результатах см. в приложениях 1, 2 и 4 AFL». Эта сноска находится в конце предложения: «Если мы посмотрим на статистику использования, мы обнаружим, что это утверждение явно подтверждается», после чего я привожу статистику: «Из 80 падежей, найденных в работах Аристотеля, **50 — +s, 22 — –s, 5 — +p и 3 — –p** ». Если вы перейдете к Приложению 4 (раздел 2), вы найдете там не только ссылку (как вы и требовали) на каждый падеж, но и полную цитату из падежа и его анализ. Следовательно, ваше утверждение о том, что я не указал место в моей книге, где это исследуется, ложно

— еще одно доказательство вашего *совершенно бессознательного* и *нечестного* подхода к рецензированию текстов и к «контраргументу».

Кроме того, помните, что в вашем первоначальном обзоре вы утверждали, что некоторые из 80 упомянутых случаев могли встречаться в псевдоаристотелевских работах. Мой ответ был таков: точное число не имеет значения – даже если некоторые из цитируемых книг на самом деле не были написаны Аристотелем (хотя, как я показал, все они, вероятно, были, и ваша критика была совершенно необоснованной), поскольку я привел эту статистику, чтобы показать, что аргумент a fortiori *во всех его формах* (положительная и отрицательная, субъективная и предикативная) широко использовался в литературе других культур (фактически, как я показываю в книге, хотя и не удосуживаюсь упомянуть в статье, во всех основных мировых культурах, включая Индию и Китай). Следовательно, если в реальных работах Аристотеля были найдены случаи, относящиеся к этим четырем наклонениям аргумента a fortiori, то этот тезис будет доказан.

Действительно, в исследовании Аристотеля (и аналогично в других исследованиях) я подробно описываю, как проводилось исследование и каковы пределы точности его результатов. По правде говоря, хотя я сомневаюсь, что можно привести аргументы в пользу Аристотеля (как вы предполагаете, основываясь на чистых догадках), я не сомневаюсь, что можно найти и другие примеры. Более того, позже я нашел еще несколько и привел один из них в качестве примера (см. конец Приложения 4). Поэтому и здесь, вопреки вашим инсинуациям, мой подход не является догматичным, а полностью открытым и научным. Но, конечно, вы это знаете – вы всего лишь хотите показать свое превосходство.

Вот и все ваши претенциозные три «контраргумента». Отмечу, что ваши ответы затрагивают *лишь малую часть* критики, высказанной в моем первом ответе. Полагаю, это означает, что вы не смогли придумать ответ ни на одну из тех критических замечаний, которые вы не *упомянули* . Это типично для вашего метода работы — замалчивать все, чего вы не понимаете или на что не можете ответить. Вы пытаетесь выглядеть проницательным, но вы невежда — и не только это, вы *лицемер* .

Я считаю очень показательным, что вы до сих пор не осмелились раскрыть мне свою личность. Как вас зовут? Кем вы по профессии, студентом или преподавателем? Скажите, чтобы я мог посмеяться. Если вы где-либо преподаете, то да поможет вам Бог вашим ученикам, потому что вы, безусловно, не квалифицированы для преподавания логики или каких-либо наук. Я уже говорил об этом редактору и посоветовал ему никогда больше не привлекать вас в качестве рецензента для BDD. Надеюсь, он прислушается к моему совету. У вас просто нет квалификации для таких задач.

4. Тора и наука

До вышеупомянутого инцидента я исходил из предположения, что университет Бар-Илан был создан для того, чтобы дать возможность еврейским религиозным взглядам *справедливо учитываться* в любых возможных конфликтах со светскими исследованиями. Действительно, другие израильские университеты, в частности Еврейский университет и Тель-Авивский университет, склонны отказываться от большинства подобных религиозных взглядов, отвергая их при каждом удобном случае; таким

образом, они, кажется, предвзято относятся к религии. Поэтому было хорошей идеей основать новый университет, который, предлагая полноценную светскую учебную программу, также проявлял бы уважение к иудаизму. Именно с этой мыслью я до сих пор с симпатией относился к этому конкретному университету.

Возможно, в нейтральных областях, таких как математика и физика, эта программа не представляет никаких трудностей (хотя на самом деле трудностей много даже в таких областях). Но, очевидно (судя по описанному здесь эпизоду), когда дело доходит до таких предметов, как логика и философия, которые могут напрямую влиять на религиозные представления иудеев, Университет Бар-Илан (пусть даже только через свой орган BDD, который якобы стремится к примирению Торы и науки) испытывает трудности с проявлением открытости и объективности. Он склонен к фильтрации информации и апологетике, пусть даже и завуалированной и косвенной.

На мой взгляд, любой, кто сознательно искажает или скрывает информацию, предоставленную добросовестно, не может считаться учёным; и университет, в котором работают, а ещё хуже — выпускают и содержат таких ненаучных специалистов (не говоря уже о его невежестве и ограниченности мышления), не достоин называться университетом. В конце концов, мы живём в XXI веке, а не в Средневековье. Защищать религию допустимо, если это можно объективно защитить; но защищать её любой ценой, особенно путём фактической цензуры совершенно научного дискурса, неприемлемо. Это позорное поведение.

Религиозная община, неспособная выдержать любую критику, какой бы обоснованной она ни была, обладает очень хрупкой верой. Она не должна пытаться навязывать «религиозно правильные» стандарты, противоречащие эмпирическим и рациональным исследованиям, которые явно лишены антирелигиозных предрассудков. Дело в том, что в иудаизме, как и во всех других религиях, существует множество серьезных «проблем». Евреям следует проявлять интеллект и честность и спокойно относиться к таким проблемам, даже когда решений не существует. Глупо настаивать на совершенстве.

Уже в первой главе Торы изложение порядка вещей в творении, если воспринимать его буквально, не соответствует научному объяснению, *основанному на детальных фактических наблюдениях и строго аргументированной теории* .

Материальная вселенная, планета Земля и человечество существуют не просто 6000 лет, как представляли и утверждали иудаистские мудрецы. Мир не был создан буквально за шесть дней, 5777 лет назад. Большой взрыв (самое раннее материальное событие, известное современной науке на данный момент) произошел около 13,8 миллиарда лет назад; планета Земля образовалась из звездной пыли около 4,5 миллиарда лет назад. Жизнь зародилась на ней примерно через полмиллиарда лет и была одноклеточной в течение первых двух миллиардов лет. После этого постепенно эволюционировали более сложные многоклеточные формы жизни, появляясь и исчезая, пока, возможно, около 200 000 лет назад не возникло существо, которое мы называем человеком (из более ранних форм жизни, а не *из ничего*).

Нет никаких доказательств разрыва преемственности. Шесть тысячелетий назад не существовало пары

Адама и Евы; или, если она и существовала, то они, безусловно, не были биологически первыми мужчиной и женщиной. Если они вообще существовали, то были, в лучшем случае, последними выжившими представителями предшествующих популяций и родителями всех последующих популяций. Но (по крайней мере, пока) нет генетических доказательств существования такой единой «первой семьи» для всего человечества; человеческие популяции во всем мире были очень рассеяны гораздо раньше, чем 6000 лет назад [129], и хотя общая численность в некоторые периоды была очень низкой (например, около 30 000 человек, согласно одному источнику, который я где-то читал), она никогда не была настолько низкой (то есть ограничивалась одним или двумя экземплярами). Возможно, Адам и Ева были предками народов Ближнего Востока, но не всех народов. Приведенные здесь факты научно очень хорошо установлены.

Аналогично, наука не подтверждает повествование о всемирном потопе, или о Вавилонской башне (предложенной в качестве объяснения национальных и языковых различий), или многие другие древние мифы, содержащиеся в Библии. Факты очевидны, и в них нет места сомнениям. Тот, кто придерживается буквального библейского повествования по этим и многим другим вопросам, в отношении которых существуют подобные сомнения, не может претендовать на звание учёного. Также существует множество утверждений в Талмуде и связанной с ним литературе, которые просто несостоятельны, если не сказать совершенно нелепы, в современном контексте знаний; в частности, заявления о псевдомедицине,

---

129 В том числе, следует отметить, на австралийском и американском континентах.

демонологии и других суевериях [130]. У меня нет никаких личных интересов – это всего лишь факты, которые любой, кто искренне изучает этот вопрос, может увидеть сам. Это может быть печально, но это правда.

Конечно, умственная ригидность защитников ортодоксии понятна. Как только кто-то начинает сомневаться хотя бы в одном утверждении Торы или Талмуда, все утверждения в этих документах становятся достаточно уязвимыми для сомнений. Как только нарушается принцип всеведения и непогрешимости, вся конструкция рушится; или так им кажется. Но это не обязательно так: они могли бы постепенно отступать, только тогда и настолько, насколько наука справедливо будет их к этому подталкивать. Несомненно одно: *факты остаются фактами* . Игнорирование, подавление или искажение их не заставит их исчезнуть. Думать иначе — самообман. Интеллектуальная зрелость, а также простая честность и порядочность требуют от нас взглянуть в лицо реальности, какой бы неприятной

---

130 См. *«Талмуд для всех* » А. Коэна. В главах 8 и 9 приводится множество примеров невероятных псевдомедицинских, демонологических и других суеверных верований и практик. Тот факт, что некоторые мудрецы предавались таким невежественным и глупым верованиям и практикам, показывает, что они не были столь же знающими и непогрешимыми, как иногда утверждается. Судя по приведенным примерам, они не были знакомы с научным методом: они давали волю своему воображению, делали поспешные выводы на основе очень скудных эмпирических данных и занимались довольно ошибочными рассуждениями. В целом, они, кажется, были достойными людьми в этической и религиозной сферах, но менее искусными в физической и логической областях. Конечно, в наши дни основное течение иудаизма больше не придерживается таких верований и практик; но все же они не подвергаются громкому осуждению. Читать онлайн можно по ссылке: https://books.google.ch/books?id=HWKjAQAAQBAJ&printsec=frontcover&source=gbs_atb#v=onepage&q&f=false.

она ни была для некоторых из наших самых заветных религиозных убеждений.

Действительно, наука представляет опасность для религии, и если человек встает на этот путь, отдавая предпочтение научным объяснениям перед религиозными, конца этому не видно, и религия легко может исчезнуть. Мы видим влияние свободомыслия на реформистский и консервативный иудаизм. Мы также видим пример христианства, где многие церкви (особенно протестантские) просто отрицают свою религию, если не полностью распадаются [131]. Но способ предотвратить такой исход — не игнорирование фактов или ложь о них. Это лишь приводит к глубокой потере доверия и недоверию. Путь заключается в признании и изучении ошибок, при этом рационально определяя и объясняя их насколько это возможно, проявляя тем самым должное уважение к реальности и психическому здоровью. Фактические ошибки часто можно объяснить аллегорической (*дераш*) или мистической (*сод*) интерпретацией.

Например, можно с полным основанием утверждать, что библейские мифы относятся не к материальной сфере, изучаемой наукой, а к другой, более трансцендентной сфере, неизвестной ей. Возможно, 6000 лет относятся к другому измерению времени или, может быть, к переменному измерению времени (так что 6000 лет, или даже первая неделя Сотворения, соответствуют 13,8 миллиардам лет). Философски

131 Что касается ислама, то до сих пор ему так и не удалось полностью избавиться от фанатизма. С самого своего зарождения он был очень искусен в подавлении инакомыслия. Были неуверенные попытки некоторых философов отойти от догм, но очень скоро их заставили замолчать. По этой причине мусульмане сегодня застряли в интеллектуальной глуши, и конца этому не видно. Их следует пожалеть за полное отсутствие мужества.

приемлемо, по крайней мере, *на первый взгляд* , выдвигать такие надуманные идеи, при условии, что они не противоречат напрямую научным истинам (или друг другу). Это работа аллегории или мистицизма, которая, какой бы воображаемой и труднодоказуемой она ни была, по крайней мере, отдаленно постижима. Но совершенно неприемлемо бездумно игнорировать или полностью отрицать научные истины без каких-либо доказательств или рациональных аргументов, кроме слепой веры в библейское повествование. Это не святость; это глупость.

Это утверждение справедливо не только для физических наук, таких как астрономия, геология, биология и медицина, но и в равной степени для логических наук. Если строгий логический анализ, подобный тому, который я использовал в своих книгах *«Иудейская логика»* и *«Логика А Фортиори»* , показывает, что некоторые талмудические способы рассуждения являются нелогичными или приводят к противоречиям, никто не может просто игнорировать этот факт или произвольно отрицать его, не потеряв при этом доверия и интеллектуальной респектабельности. Отрицать очевидную истину (а ещё хуже — пытаться её скрыть) — это позорная нечестность. Некоторые люди в университете Бар-Илан явно ещё не поняли этих очевидных истин.

6. Самоиздание и публикация другими издательствами

1. Немного истории

Публикация произведения означает его обнародование, чтобы поделиться его содержанием, распространить его, а в некоторых случаях (если оно считается вневременным) увековечить его. Первоначально, в древние времена, когда автор излагал свои мысли или идеи на бумаге (или любом другом материальном носителе), он мог просто позволить или побудить своих друзей и соседей, своих учеников или последователей прочитать текст, или же просто прочитать его вслух. Позже он мог сделать одну-две копии для других или позволить другим сделать копию своей рукописи. В конечном итоге это породило профессию переписчика, когда авторы нанимали писцов для изготовления копий и, как правило, для их переплета. В свою очередь, это привело к появлению профессии издателя, когда работодатель нанимал писцов для разных авторов. Очевидно, учитывая связанные с этим трудности, обычно делалось немного копий, и многие произведения были утеряны из-за этого. Переписчики, кстати, существуют и сегодня; например, они пишут свитки Торы.

Такое положение дел сохранялось на протяжении столетий, даже тысячелетий, до появления книгопечатания. Сначала авторы обращались напрямую к типографиям для тиражирования своих произведений. Но вскоре, несомненно, типографии стали чаще сотрудничать с издателями, которые,

таким образом, выступали в качестве посредников между авторами и их аудиторией. Сначала, несомненно, авторы сами занимались распространением, раздавая или продавая экземпляры своих произведений частным лицам, книжным магазинам, школам или библиотекам. Но в конечном итоге эту маркетинговую функцию взяли на себя и издатели. Издатели, таким образом, предоставляли услугу или набор услуг и получали финансовую прибыль; они были бизнесменами. Иногда издатели требовали от авторов плату за свои услуги; это в конечном итоге получило название самоиздательства. Часто издатели были капиталистами, которые покрывали все расходы на печать и распространение и собирали все доходы, предоставляя авторам долю прибыли (обычно относительно небольшую, но оптимистично называемую «роялти»).

Очевидно, что, когда издательское дело стало бизнесом, издатель стал отбирать работы, которые считал потенциально прибыльными. Либо автор должен был заплатить за оказанные услуги, либо объем продаж должен был покрывать расходы и приносить прибыль. Таким образом, издатель стал арбитром того, что можно и нужно публиковать, в основном по коммерческим соображениям. Университеты в конечном итоге тоже стали участвовать в публикации прошлых или настоящих работ, которые они считали интересными или важными. Они публиковали не только целые книги, но и более короткие эссе на конкретные темы, которые могли быть собраны в журналах или книгах. В принципе, прибыль могла не быть их мотивом; но и им обычно приходилось учитывать финансовые результаты.

В любом случае, когда университеты, да и издательства в целом, рассматривали материалы для

публикации, они также решали, соответствуют ли они их академическим стандартам и убеждениям, поскольку на кону стояла их собственная репутация. Таким образом, издательская деятельность превратилась в авторитарную услугу. Авторы, публикующие свои работы самостоятельно, постепенно стали считаться менее авторитетными, чем те, кто публикует их через сторонние издательства, поскольку у них не было одобрения признанных («аккредитованных») издательств. Авторы, публикующие свои работы самостоятельно, также, вероятно, продавали бы их гораздо меньше, не имея в своем распоряжении ресурсов профессиональных издательств. По этим причинам авторы, как правило, предпочитали, чтобы их работы публиковались через сторонние издательства. Сегодня ситуация несколько изменилась благодаря появлению мгновенной онлайн-публикации собственных работ. Это стало возможным не только благодаря интернету, но и благодаря новым технологиям автоматизированной печати и переплета.

В наши дни автор может самостоятельно опубликовать свою книгу всего несколькими щелчками мыши, а издательства, работающие по принципу печати по требованию, берут на себя всю печать, переплет и распространение (включая рекламу), не говоря уже об электронном издании, получая за это весьма разумную долю прибыли. Продажи осуществляются как онлайн, так и через традиционные каналы. И, конечно же, в печатном виде даже нет реальной необходимости; размещение материалов в блоге или на веб-сайте в формате HTML, PDF или в виде электронных книг уже является формой самопубликации. На мой взгляд, все это вполне может вскоре привести к гибели традиционного издательского дела, то есть

публикации через избирательного инвестора, производителя и продавца. Тем не менее, за это время отношение к этому вопросу мало изменилось, и работа, опубликованная через традиционное издательство, по-прежнему пользуется большим доверием, чем работа, опубликованная самостоятельно в офлайн- или онлайн-формате. Это отношение следует решительно подвергнуть сомнению.

2. Слабые стороны и злоупотребления системой

Не будем забывать о цели всего этого – основная цель публикации заключается в том, чтобы побудить людей прочитать произведение. Читательская аудитория, тип и количество читателей, которых привлекает книга или статья в журнале, свидетельствует о популярности, но не обязательно о качестве. Большая популярность может принести прибыль и славу, но не является надежным доказательством ценности и истинности. Публикация престижным издательством не является надежным доказательством ценности и истинности; в лучшем случае она лишь показывает издателя как способного инвестора или спекулянта. Издатели, выбирая произведения, контролируют повествование; но эта практическая власть логически не делает их авторитетами в рассматриваемой теоретической области.

Многие из действительно хороших или великих книг и статей в истории философии или науки были опубликованы самостоятельно. И это касается не только древней истории, но и более поздней. Самостоятельная публикация не должна рассматриваться как оскорбление. Напротив, это

следует рассматривать как признак похвальной независимости и предприимчивости. Самостоятельно изданные работы следует рекламировать как «с гордостью опубликованные самостоятельно». Конечно, многие книги и статьи, опубликованные другими издательствами, также очень хороши или даже великолепны. И наоборот, многие самостоятельно изданные книги или статьи имеют небольшую или нулевую ценность. Но также верно и то, что многие книги и статьи, опубликованные издательствами, даже престижными, при более внимательном рассмотрении оказываются весьма посредственными, если не сказать совершенно бесполезными.

Это свидетельствует о невежестве, недалёкости и тщеславии многих *рецензентов,* нанимаемых издателями (или *редакторами,* которых последние назначают). Люди, занимающиеся этой работой, в любом случае не могут быть очень умными: если бы они были таковыми, у них были бы дела поважнее, а именно — написание собственных материалов; если же человек обладает богатым творческим потенциалом, у него нет времени на подобные второстепенные занятия. Будучи рецензентом, человек, как правило, не обязан раскрывать своё имя или квалификацию. Рецензент получает огромную власть над интеллектуальным диалогом, просто принимая материалы, соответствующие его мнению, и отвергая те, которые ему не соответствуют, без необходимости публично отстаивать свою точку зрения или опасности быть опровергнутым и разоблаченным как невежественный или неразумный.

Таким образом, рецензент воспринимается как всемогущий и авторитетный человек, навязывающий то, что он считает ортодоксальностью. Он, скорее всего, отвергнет всё незнакомое ему, всё, что выше

(или, конечно же, ниже) его уровня интеллекта и знаний. Это практически гарантирует, что в данной области будет бесконечно поддерживаться самый низкий общий знаменатель. Конечно, где-то должны быть информированные и умные рецензенты, поскольку и так публикуется много хорошего. Но ищите их; это лотерея, которая отнимает у авторов много времени и доставляет немало хлопот.

Издатель не станет спорить со своим рецензентом; он сам ничего не знает лучше, поэтому (по какой-то причине) выбрал для этой работы кого- *то* другого. Если у него возникнут сомнения, он может обратиться за вторым мнением; но всё, что он получит, — это тот же низкоквалифицированный персонал (а второе мнение стоит денег). В конечном итоге его волнует только то, процветает ли его бизнес и получает ли он как можно больше славы. Следует сказать и всегда помнить, что издательская деятельность, связанная с другими, — это, по сути, афера ради денег и власти.

Проблема в том, что многим *авторам* , обладающим меньшими способностями, издатели нуждаются в подтверждении ценности и правдивости написанного ими текста от третьих лиц; их можно охарактеризовать как «второстепенных авторов». Авторы, пишущие из первых рук, знают ценность и правдивость своей работы; им не нужно внешнее подтверждение. Но второсортные авторы чувствуют себя оправданными и легитимными, когда другие публикуют представленные ими работы. Поэтому с точки зрения авторов существует большой рынок для публикации работ других авторов. Лично я не чувствую необходимости «публиковаться»; это слишком хлопотно; меня вполне устраивает самоиздание.

Авторы, стремящиеся к публикации, естественно, будут подстраивать свои взгляды и тон под стандарты, установленные соответствующими издательствами, которые, как правило, представляют собой нынешние общепринятые взгляды. Если они представят рукопись, достаточно близкую к этим стандартам, но не совсем соответствующую им, рецензенты могут попросить их скорректировать свою позицию или стиль в качестве условия принятия рукописи; и, как правило, поскольку они больше стремятся к публикации, чем хотят защищать свои мнения, они будут выполнять требования рецензентов. Для многих академических авторов публикация является необходимостью для профессионального выживания и продвижения. По сути, они являются наемными работниками и готовы идти на соответствующие жертвы. Конечно, у некоторых нет принципов, которыми они могли бы пожертвовать; они рады публикации, даже если написанное ими неверно или глупо.

(Следует отметить, что некоторым авторам требуется помощь редактора, поскольку у них нет времени или желания вычитывать собственные работы, или же они не могут этого сделать из-за языковых трудностей. Такая помощь редактора, безусловно, вполне оправдана, независимо от того, публикуется ли работа в издательстве или самостоятельно.)

Конечно, существует также большой рынок для публикаций других издательств с точки зрения читателей . Если материал опубликован известным издательством, читатели считают, что это означает, что компетентные люди проверили его и подтвердили его ценность и достоверность. Это потенциально экономит время читателей, поскольку им не нужно продираться сквозь произведение, чтобы на полпути обнаружить, что оно бесполезно. Это также избавляет

их от необходимости думать и судить самостоятельно; они могут полагаться на рецензии при формировании своего мнения. Конечно, человек — социальное животное: следование мнению других в некоторой степени является частью человеческой природы. Что касается меня, я не читаю и не сужу на такой основе.

Разумеется, *моя цель здесь не в том, чтобы выступать против практики рецензирования коллегами* . Идея рецензирования коллегами в принципе верна как для философии, так и для науки; но под этим следует понимать *свободное и открытое публичное обсуждение* философских или научных теорий, а *не закулисную манипуляцию информацией* со стороны привилегированного меньшинства. Конечно, я также не отрицаю, что издатели книг или журналов имеют полное право выбирать работы, которые они хотят опубликовать. Но такой централизованный отбор не следует считать решающим; его не следует воспринимать как сигнал об отсутствии ценности или истинности работ, не прошедших отбор [132]. Работы должны оцениваться общественностью по их достоинствам, а не на основе того, кто их опубликовал.

Следует добавить, что концепция экспертной оценки более уместна в таких специализированных областях, как математика или физика, где среди участников существует общее согласие относительно способов разрешения споров (например, экспериментальным путем), чем в более общих областях, таких как логика и философия, где мнения гораздо шире различаются.

---

132 Следует также отметить, что авторы, публикующие свои произведения самостоятельно, не только часто подвергаются критике и насмешкам по этой причине, но и иногда становятся объектом плагиата со стороны других авторов, чьи работы, как считается, не защищены авторским правом, поскольку они не существуют в «официальном» мире, в котором живут.

Консенсус в логике и философии теоретически возможен в каком-то далеком будущем, полагаю; но на практике сегодня это невозможно, поскольку многие участники даже не признают рациональных стандартов и методов в принципе. Таким образом, идея о существовании экспертной группы, способной авторитетно оценивать работы по логике и философии, является вводящей в заблуждение и нечестной. Арбитрами в этих областях могут быть только самопровозглашенные мандарины. В действительности, у них нет интеллектуального авторитета; их претензия на такой авторитет — это мошенничество.

Мне страшно представить, сколько великих текстов не было опубликовано и в конечном итоге исчезло из литературного наследия человечества, или даже не было написано, в результате нынешней системы книгоиздания и журналов, управляемой элитой. Только подумайте… сколько великих мыслей и открытий было предано забвению, потому что издатели и их избранные привратники имели власть блокировать их публикацию. Это было справедливо, по крайней мере, до появления Интернета; благодаря ему и многим другим сопутствующим технологиям большинство авторов теперь могут публиковать свои работы тем или иным способом. Но все же подумайте о растрате человеческого потенциала и достижений, за которую отчасти ответственна другая издательская система.

3. В академической среде

Мир издательского дела – в том числе в области логики и философии, математики и специальных наук, и даже общей литературы – тесно связан с

академическим миром, что неудивительно. Большинство интеллектуалов сегодня имеют университетские дипломы, а некоторые продолжают работать в университетах или сотрудничают с ними на условиях неполной или полной занятости. Авторы, рецензенты, редакторы и издатели, о которых мы здесь говорим, в основном имеют высшее образование. Так и должно быть, поскольку компетентность, если не совершенство, в выбранной нами области – это то, к чему мы все должны стремиться.

Дипломы колледжа, безусловно, представляют собой один из уровней подтверждения компетентности; но это лишь вводная демонстрация, которую необходимо постоянно обновлять и подтверждать письменными работами. Парадоксально, но некоторые письменные работы принимаются издателями книг или журналов главным образом на основании академических достижений авторов. Я говорю «парадоксально», потому что это означает, что редакторы или рецензенты фактически перекладывают ответственность за решение на университеты, то есть на других людей. Но ценность дипломов колледжа неизбежно зависит от компетентности тех, кто их выдает; а компетентность последних зависит от компетентности тех, кто их присудил, и так далее, вплоть до основания университетов в Средние века и позже.

Таким образом, в конечном счете, решения всегда принимаются людьми в соответствии с их внутренними способностями; в действительности нет никакой гарантии компетентности, подтвержденной дипломом. Даже престиж университета или преподавательского состава, выдавшего диплом, не может считаться надежным доказательством компетентности. Существует множество авторов,

которые упорно прошли формальную академическую программу и таким образом получили свои степени, но на самом деле не являются настоящими логиками, философами или кем бы они ни себя называли. Их способности подтверждаются на бумаге, но это не у них в крови, не в ДНК. Они обязаны регулярно публиковать статьи и даже книги, чтобы казаться активными и знающими, но из того, что они пишут, очевидно, что они на самом деле не понимают предмет. Они знают это внутри себя, и именно поэтому отчаянно ищут подтверждения через публикации других изданий.

То же самое относится и к чиновникам издательского мира, то есть к рецензентам, редакторам и издателям. Их работа на этих должностях, предположительно, на основании университетского образования, не гарантирует их компетентности. По этим причинам содержание написанного всегда следует оценивать независимо от «ученых» оценок. Следует отметить, что я не релятивист; я действительно считаю, что некоторые академические тексты лучше других и заслуживают большего внимания. Но, исходя из моего опыта чтения, очевидно, что многие тексты, опубликованные в виде книг или статей в журналах, невероятно поверхностны и очень часто полны очевидных эмпирических и интеллектуальных ошибок. Конечно, в первую очередь виноваты авторы за небрежное исследование и мышление. Но рецензенты, редакторы и издатели также в значительной степени виноваты; если бы они были умнее и внимательнее, они бы легко заметили недостатки.

Я не имею глубоких знаний о мире издательского дела и могу лишь догадываться, как он на самом деле функционирует. Со стороны я вижу, что, по крайней мере в наши дни, он ограничен, мелочен и мрачен.

Конечно, это не является общепризнанной правдой, но, вероятно, в значительной степени таковой является. Некоторые книги или статьи в журналах, безусловно, превосходны, но многие из них поразительно хуже, а большинство слишком «среднестатистичны». Без сомнения, эти прилагательные в равной степени применимы и к авторам этих текстов. Логично предположить, что мир издательского дела не может быть лучше, чем люди, которые его составляют; большинство из них — ничем не примечательные конформисты.

В европейском Средневековье и до эпохи после Ренессанса университеты изначально были религиозными учреждениями, не забывайте об этом. Они изучали и преподавали религиозные догмы, и любой, кто отклонялся от утвержденной доктрины, подвергался санкциям. Иногда, как в случае с Джордано Бруно, их могли казнить. Часть этого доктринерского менталитета сохранилась и в наши дни, хотя религия как таковая больше не является путеводной звездой. Вместо «религиозной корректности» мы (в западных странах) теперь управляемся «политической корректностью». Академические власти, возможно, и не казнят диссидентов в буквальном смысле, но они пытаются подавить их и оттеснить в сторону, когда это им выгодно.

В последние несколько лет многие университеты, кажется, совсем сошли с ума, навязывая своим преподавателям и студентам абсурдные правила речи и поведения, запрещая свободные дебаты и так далее [133]. Это уже не «консервативная» тенденция, как в

[133] Обязательно почитайте несколько леденящих душу статей, опубликованных в этом блоге, о текущих событиях в университетах: https://www.blazingcatfur.ca/category/batshit-crazy-universities/ .

прошлом, а, наоборот, очень «прогрессивная». Ее корни глубоко уходят в логику и философию, восходящую к самому началу современной эпохи, когда разум начал подвергаться сомнению и нападкам; но для его эволюции потребовалось время. К XX веку иррациональное считалось привлекательным, а в начале XXI века оно практически господствует. Это, естественно, влияет на издательский мир, который, кажется, считает любую защиту разума устаревшей, если не сказать ужасной. Безусловно, если мысль автора не вписывается в мировоззрение тех, кто доминирует в издательском деле, у него мало шансов быть опубликованным через них.

В современную эпоху университеты должны были защищать идеал знания ради самого знания, свободного от контроля влиятельных групп, будь то религиозные, политические или коммерческие. Но этот идеал заметно ослабел и, похоже, всё меньше шансов на его сохранение [134]. Это похоже на современные СМИ: идеалы объективной журналистики и беспристрастного редактирования практически исчезли; сегодня журналисты — это навязчивые пропагандисты, в основном продвигающие идеологические позиции левых. То же самое относится и к современным университетам; левые постепенно проникли в них и захватили власть, быстро формируя студентов по своему извращённому образу и подобию.

Издательское дело, будучи ответвлением академической среды, послушно следует партийной линии во всех областях. В логике, например, это означает символизм и поверхностность; в философии

---

134 Если исламу позволят возобладать на Западе, он, безусловно, умрёт на столетия, если не навсегда. Но даже без исламского фактора, похоже, он обречён из-за безудержного прогрессивизма.

в более широком смысле — скептицизм и материализм. Неважно, является ли такой конформизм сознательной политикой или бессознательным следованием постмодернистской интеллектуальной моде; важно то, как он проявляется.

4. Попытки публикации

Однажды в жизни я отправил одну из своих книг издателю. В 1999 году, во время отпуска за границей, я случайно встретил сотрудницу известного голландского издательства Kluwer Academic Publishers; она любезно порекомендовала мне одного из их молодых редакторов, которому я отправил экземпляр своей книги « *Логика будущего»* (написанной несколькими годами ранее в качестве докторской диссертации). Книга, по-видимому, была отправлена на рассмотрение какому-то рецензенту, но вскоре (может быть, через пару месяцев, насколько я помню) была возвращена мне с отказом.

Заметьте, это книга (несколько сотен страниц), в которой содержится множество важных открытий, касающихся модальных категориальных и условных утверждений, включая тщательный анализ дедуктивных аспектов, кульминацией которого является *формализация индукции путем обобщения и конкретизации* . Тем не менее, рецензент отклонил её, не дав мне никаких объяснений, которые подтвердили бы, что он её прочитал (за то короткое время, что она была у него в руках) и понял её достижения (хотя и счёл их в чём-то несовершенными). Очевидно, он не был обязан защищать свою точку зрения или давать мне возможность защитить свою.

Вполне понятно, что после этого случая я решил больше не отправлять свои книги издателям, если, конечно, кто-нибудь сам не попросит (чего до сих пор не случалось). Я не мог представить себя, с протянутой рукой, умоляющим какого-нибудь интеллектуала похуже взглянуть на мою книгу. Я пишу не для того, чтобы публиковать, а для того, чтобы знать. Если я и хочу публиковать, то потому, что искренне хочу помочь другим людям (сейчас и в будущем) тоже узнать. К счастью, через пару лет после этого эпизода появился интернет, и я начал (в 2001 году) публиковать свои работы онлайн на своем собственном сайте TheLogician.net; таким образом, меня наконец-то не остановили от публичного обмена знаниями.

Ещё один мой опыт в издательском деле связан с самостоятельным изданием книги в 1997 году через женевское издательство Editions Slatkine. В обмен на крупную предоплату в размере 7000 шведских франков это издательство взяло на себя производство и продажу 800 экземпляров моей книги *«Иудейская логика»* (написанной за пару лет до этого). Мне предоставили небольшое количество экземпляров бесплатно, а остальные разрешили купить по сниженной цене. Мои авторские отчисления с продаж должны были составить всего 8% от продажной цены, что было неоправданно высоко — 50 шведских франков, хотя я, как я полагаю, фактически покрыл производственные затраты и даже больше, не говоря уже о том, что написал книгу.

Я согласился на эти жесткие условия, потому что хотел дать толчок своей издательской карьере. Но, хотя было продано двести или триста экземпляров (точное число я не помню), вскоре мне стало ясно, что издатель на самом деле не прилагает никаких усилий для продвижения книги. Пару лет спустя, после того

как один книжный магазин сказал мне, что они безуспешно пытались заказать один или два экземпляра, я обнаружил, что издатель недавно уничтожил 400 экземпляров, оставив в наличии всего несколько десятков. По моей просьбе мне бесплатно предоставили несколько экземпляров в качестве компенсации за мои потери; но меня все равно не предупредили и даже не проинформировали об этом постфактум.

Этот опыт показал мне тщеславие использования платного способа публикации; это эксплуатация отчаявшихся авторов. Возможно, именно поэтому это называется «публикация за свой счет».

Что касается журналов по логике или философии, то за свою карьеру я не предпринимал попыток опубликовать в них какие-либо статьи. Я действительно отправил отрывок из своей книги *«Иудейская логика»* вскоре после её публикации Слаткиным редакторам небольшого израильского журнала « *Хигайон»* , и они любезно немедленно его опубликовали; но помимо этого я не предпринимал никаких других усилий в этом направлении, хотя у меня есть десятки, а может быть, и сотни эссе, которые я мог бы отправить. Недавно, по приглашению редактора, я отправил статью, основанную на моей работе *«Логика Фортиори»* (2013), но она была отклонена, как я подозреваю, из-за критики (хотя и очень мягкой) талмудической логики [135].

Недавно меня пригласили представить статью для сборника, который должен был быть опубликован издательством Springer. Моя статья (та же самая, что и выше) была, по-видимому, принята редакторами, но

---

135 См. главу 5 настоящей книги, где этот эпизод описан и обсуждается более подробно.

мне пришлось отозвать её, когда я узнал, что издатель отказался подписать юридический документ, подтверждающий сохранение моих авторских прав. Другими словами, издателя не удовлетворило то, что я предоставил ему свою работу бесплатно; он хотел, чтобы я отказался от права собственности на неё! По-видимому, некоторые авторы готовы на такое из чистого тщеславия.

Мои короткие эссе были опубликованы (в 2010 году) в нескольких сборниках: один назывался *«Логика в религиозном дискурсе»* , а другой — *«Иудейская логика»* (не путать с моей более ранней книгой с тем же названием), после того как редактор пригласил меня принять участие. Но, честно говоря, общение с редактором показалось мне довольно неприятным, а конечный результат — неловким. Многие из статей в этих сборниках, да и во многих журналах, которые я сейчас издаю, даже в престижных, настолько низкого уровня, что я предпочитаю оставаться вне их. Можете считать меня самонадеянным, но я не воспринимаю большинство редакторов или других авторов как своих «коллег». Честно говоря, я думаю, что мои работы заслуживают лучших площадок.

К счастью, интернет снова пришел мне на помощь, благодаря появлению мгновенной самостоятельной публикации через такие компании, как Lulu.com и CreateSpace.com, которые предоставляют услугу печати по требованию для индивидуальных онлайн-покупателей. Автор загружает текстовый файл, выбирает желаемый формат и обложку, определяет цену, и вуаля! книга опубликована. Нет долгого ожидания, как это бывает в других издательствах; а дополнительными преимуществами являются возможность обновления текста по желанию, мгновенная статистика продаж, и книга никогда не выходит из печати. На мой взгляд, это

определенно путь в будущее: никаких посредников между автором и будущими читателями, честная и прозрачная деловая сделка. Автор полностью концентрируется на написании, не беспокоясь об издании. Я начал публиковать свои работы таким образом в 2008 году и считаю этот опыт очень полезным. Я рекомендую это.

5. О библиотекарях

Конечно, некоторые люди сопротивляются прогрессу и настаивают на том, что самиздательство — это средство, подходящее только для второсортных писателей. На самом деле (я когда-то читал эти цифры, но забыл их) *лишь небольшая часть* из сотен тысяч (или миллионов?) произведений, написанных каждый год, публикуется другими издательствами. Большинство книг, отправленных в издательства, отклоняются. В конце концов, это коммерческое предприятие; от них нельзя ожидать публикации всего написанного материала, рынок просто не настолько активен. Даже если они субсидируются частными или государственными средствами, субсидии никогда не бывают неограниченными. Аналогично, я бы сказал (не видя статистики), большинство статей, отправленных в журналы, остаются за бортом; так и должно быть. Это не следует понимать как то, что публикуется обязательно лучшее из написанного; на самом деле публикуется то, что, по мнению издателей, будет продаваться и приносить им прибыль, или, по крайней мере, каким-то образом повысит их престиж. Объективно говоря, это отражение их мнений, а не, как многим кажется, надежный критерий качества или достоверности.

В 2014 году я решил потратить несколько тысяч долларов на распространение экземпляров своих основных книг во многих университетских и публичных библиотеках по всему миру (в основном в англоязычных странах, но не только). Я подумал: зачем ждать, пока они или их читатели откроют для себя мои работы? Я ускорю этот процесс, сделав их легкодоступными для нынешних и будущих исследователей, студентов и широкого круга читателей совершенно бесплатно. На самом деле, я уже отправлял бесплатные экземпляры в несколько библиотек каждый раз, когда писал новую книгу, чтобы, если со мной что-то случится, работа продолжала жить. Но здесь я имел в виду более систематическую и широкомасштабную кампанию по распространению, ставшую возможной благодаря онлайн-сервисам печати по требованию. Я поручил CreateSpace.com изготовить и отправить несколько сотен книг в более чем сто библиотек.

Большинство библиотек, похоже, с радостью приняли материальные поступления в свои коллекции и должным образом каталогизировали их; но, к моему удивлению, некоторые этого не сделали. Например, библиотека в Южной Африке и еще одна в Лозанне, Швейцария, когда я спросил их, почему они не каталогизировали эти книги, ответили, что уничтожили полученные экземпляры, потому что это были самоизданные издания. Другая библиотекарь в Тель-Авивском университете насмешливо сделала вид, что отказывается принять мои книги, потому что у них нет библиографии; когда я указал, что *«Логика Фортиори»* не нуждается в библиографии, поскольку это исследование, в котором каждый автор по данной теме не только упоминается, но и анализируется в тексте, она просто промолчала и не изменила своего

мнения (как я и ожидал). Я считаю такое невежество и глупость откровенным злом.

В конце концов, какова функция библиотек, и особенно университетских библиотек, если не уважительное хранение и сохранение знаний, а также обеспечение доступа к ним для всех желающих? Они должны быть хранителями и передатчиками знаний. Как же так получается, что человек, который, вероятно, почти ничего не знает о логике или философии, или, может быть, обладает некоторыми знаниями, но не имеет времени читать много книг, чтобы оценить их, имеет наглость отказывать в подаренных книгах только потому, что они изданы самостоятельно? Я не могу понять такой образ мышления. Правда, у библиотек ограниченное пространство, и поэтому они должны быть избирательными; но разве самоиздание само по себе является достаточной причиной для отказа? Заметьте, что в случае с библиотекой Тель-Авивского университета это вряд ли могло быть так, поскольку у них уже были экземпляры большинства моих книг, и я лишь просил их использовать более новые издания; они оставили старые издания и отказались от лучших новых. Очевидно, здесь присутствует иррациональное предубеждение или, по крайней мере, позорная лень.

Однако, как всегда, на помощь пришел Интернет. Цифровые библиотеки, такие как Internet Archive и Google Books (это лишь два примера из тех, которыми я пользовался), пообещали собрать всю совокупность человеческих знаний в своих онлайн-библиотеках. Это действительно фантастическая современная инициатива. Безусловно, все человеческие произведения так или иначе интересны, как творения человечества, и должны быть сохранены для настоящего и будущего использования или даже просто как диковинки.

В древности, благодаря знаменитой Александрийской библиотеке, многие ценные произведения (и, несомненно, многие менее ценные) были доступны и сохранялись на протяжении веков. К сожалению, когда варварские орды уничтожили её, многие из этих произведений были навсегда утрачены для человечества. Будем надеяться, что сегодняшние цифровые библиотеки когда-нибудь не будут уничтожены подобной ядерной катастрофой. Я надеюсь, что люди, отвечающие за них, принимают все необходимые меры предосторожности, создавая резервные копии в разных местах и используя долговечные технологии для чтения содержимого памяти.

6. Об историках

Это подводит меня к теме истории и энциклопедий философии, включая логику. В чем заключается задача историков? Безусловно, в том, чтобы наблюдать и показывать, исследовать, понимать и обобщать, насколько это в их силах, реальное положение дел в мире логики и философии в любой момент времени и на протяжении всей истории. Это священная задача, когда речь идет о логике и философии, потому что эта область стремится к кумулятивной совокупности, включая для рассмотрения все мыслимые на сегодняшний день вещи, а не, как (скажем) физика, к последним результатам, оставляя прошлое лишь курьезом.

Работа историков логики и философии в принципе не является избирательной, хотя, конечно, любая историография может быть критической. Историки не должны игнорировать или отбрасывать материал только потому, что он не соответствует их

собственному взгляду на вещи в рассматриваемый период; они обязаны быть исчерпывающими, сравнивать и сопоставлять все, чтобы продемонстрировать широту и глубину своего исследования. Они должны искать, выяснять, фиксировать и понимать то, что действительно было предложено в исследуемой области, а не просто то, что соответствует определенной идеологии или группе. Они, конечно, могут выражать сомнения или несогласие с некоторыми из них, при условии, что они приводят свои аргументы в пользу такой критики. Но в последнем случае они вступают в борьбу как активные участники великих публичных дебатов по логике и философии; они не выступают в роли отстраненных наблюдателей.

Следующая история иллюстрирует эти размышления. Прочитав несколько статей в онлайн-версии Стэнфордской энциклопедии философии и обнаружив в них недостаток информации, я написал (это было в 2016 году) редактору, чтобы привлечь его внимание к некоторым своим работам. Сначала я указал на отсутствие статьи об аргументе «тем более» и порекомендовал свою книгу по этой теме. Он любезно ответил мне следующим образом:

> «Спасибо за ваше сообщение и за предложение. К сожалению, у SEP ограниченные ресурсы; мы не взимаем плату с наших читателей за высококачественный академический контент, который мы бесплатно предоставляем в Интернете, и поэтому залог нашего выживания — работа с небольшим бюджетом. Поэтому мы не можем публиковать статьи по каждой концепции или личности, заслуживающей внимания. Один из важных критериев для заказа статьи связан с тем,

> насколько тема важна для современных академических философов, о чем свидетельствует обширная и активная литература по данной теме, для которой было бы полезно иметь введение. Боюсь, что статья об аргументе «тем более» не соответствует нашим критериям. Извините, что новости не такие хорошие. Спасибо за понимание».

Хотя его ссылка на бюджетные ограничения показалась мне понятной, его вопрос о том, «имеет ли эта тема центральное значение для современных академических философов», показался мне гораздо менее убедительным, поскольку он, похоже, заранее исключает все инновации, которые не привлекли внимания немногих влиятельных лиц. Это формула стагнации; она бюрократична и лишена инициативы. Поэтому я ответил: «В моих работах по различным логическим и философским темам много новых идей и подходов, которые пока неизвестны большинству ученых», и в качестве примера привел свое последнее эссе о парадоксе Рассела, добавив ссылку на него и краткое изложение его содержания. Он ответил:

> «Если ваша работа будет опубликована в аккредитованных рецензируемых журналах по философии/логике или в аналогичных аккредитованных книжных издательствах, наши авторы будут обязаны оценить ценность вашей работы, и вероятность ее цитирования в SEP возрастет».

На что я ответил: «Нет, я никогда этого не сделаю», а затем изложил свои негативные взгляды на книжные издательства и журналы (примерно так же, как это сделано в настоящем эссе, но гораздо короче),

заключив: «Я ожидаю, что такие люди, как ваши авторы, которые, несомненно, искренне заинтересованы в прогрессе в логике и философии, приложат усилия, чтобы взглянуть на реальную ситуацию в этой области (а не только на традиционную группу) и увидеть, что происходит на самом деле. Как они могут утверждать, что пишут историю философии, если игнорируют очень важный материал? Является ли их история историей известных имен и мыслей или историей и объективным описанием того, что действительно происходит здесь и сейчас? Являются ли они истинными историками или просто вымышленными историками?»

Я продолжил: «Я указал вам на свою статью 2013 года о парадоксе Рассела. Это лишь один из многих примеров. Как может статья в SEP о парадоксе Рассела быть достоверной, если вы не ознакомились с этим новаторским и значительным вкладом в эту тему? Посмотрите сами — это ваша задача, искать и находить то, что действительно говорится в этой области».

Я также сослался на свою книгу « *Проблемы индукции Юма»* , указав, что она имеет большое значение для многих статей в SEP, поскольку в ней я показываю, что «так называемая проблема индукции, которая с самого начала так глубоко и негативно повлияла на современную западную (особенно англосаксонскую и немецкую) философию, — это всего лишь софистика, вместо которой нам следовало бы преподавать принцип индукции». Я добавил: «Это лишь одна из тем, рассматриваемых в этой книге. Прочитайте оглавление — всё в нём новое и важное. Если ваши историки не прочитают это и будут утверждать, что описывают философию такой, какой она была до сих

пор, они не выполняют своего призвания. Посмотрите сами и судите сами».

Я продолжил: «Опять же… взгляните на *«Логику причинности» . Впервые в истории философии* кто-то написал систематический труд по логике причинности (более десяти лет), охватывающий все возможные формы причинно-следственной аргументации! И тем самым, попутно, раз и навсегда доказал, что скептицизм в отношении причинности основан на невежестве. ***Это нельзя изложить в обычной журнальной статье — это можно изложить только в огромной и очень технической книге*** **, которую большинство людей** ***слишком ленивы, чтобы читать и изучать*** **, поэтому издатели** ***не будут ее публиковать, потому что знают, что она не будет продаваться*** **.** Это не имеет никакого отношения к *ценности ее содержания* » (выделено жирным шрифтом). Я, конечно же, дал ему ссылки на эти книги и даже предложил отправить ему бумажные экземпляры за свой счет. После этого он больше мне не отвечал; несомненно, ему не понравился мой комментарий о «вымышленных историках».

Внимательно прочитайте мой аргумент, который я здесь повторяю: нет оправдания тому, что так называемые историки не проводят необходимые исследования при подготовке статьи для энциклопедии, журнала или книги, посвященной накопленным знаниям по той или иной логической или философской теме. Если они намеренно обходят стороной работы, которые действительно существуют на рынке идей, если они ленивы и даже не утруждают себя чтением, если статья не опубликована, по их мнению, «аккредитованным» издательством, то они не настоящие историки, а всего лишь докладчики нынешней философской клики и её избитых клише.

Это ненаучно с их стороны; это приводит к фальсификации истории.

Подобные псевдоисторики не думают и не судят самостоятельно, а возлагают эту ответственность на других людей (на ряд издательств книг и журналов, к которым они обращаются за соответствующим исследовательским материалом), не обращая внимания на запутанные тонкости издательского бизнеса, не ориентированного на историю. Кто же, в конце концов, эти «аккредитованные» гении, в которых они так верят? Просто ничем не примечательные, обычные люди, сами «аккредитованные» другими ничем не примечательными, обычными людьми, и так далее до *бесконечности* .

Конечно, я понимаю нежелание редактора заниматься независимыми исследованиями. Представленный здесь идеал всеобъемлющего исследования историков человеческой мысли настолько огромен, что практически невыполним. Это, безусловно, не то, что может сделать один человек за одну жизнь, или даже многие люди за много жизней. Поэтому на практике историки очень избирательны, и их выбор в основном основан на вторичных источниках.

Недавно я убедился в этом на собственном опыте, получив очень агрессивное электронное письмо от человека, который требовал, чтобы я прочитал его работу, и прислал мне ссылку [136]. Несмотря на то, что я был очень занят собственными исследованиями, я быстро перешёл по ссылке и был поражён, увидев тысячи страниц сложных диаграмм и формул.

---

[136] Вот ссылка для тех, кому интересно: https://archive.org/details/AUL070416 . Автора зовут Джон Кларк, и он описывает свою работу как «универсальный язык». Не спрашивайте меня, чего это стоит: я её не изучал.

Очевидно, что на прочтение всего этого ушли бы годы, не говоря уже о проверке истинности и ценности сказанного. Я ответил этому человеку, сказав, что у меня просто нет на это времени. Он очень рассердился на меня, и мне было трудно от него отделаться. Это помогло мне лучше понять, почему редакторы так неохотно рассматривают неизвестные работы; необходимые человеческие ресурсы просто слишком велики.

Возможно, однажды эта проблема будет решена, или, по крайней мере, облегчена, с помощью искусственного интеллекта. Или, может быть, какой-нибудь миллиардер профинансирует такой масштабный проект, обеспечив работой тысячи безработных выпускников вузов. Между тем, несомненно, многие ценные и даже важные работы останутся в безвестности, жестоко затерянные среди множества бесполезных. И многим бесполезным работам будет по-прежнему уделяться больше внимания, чем они того заслуживают, потому что редакторы и историки предпочитают иметь дело с уже известным материалом, который другие уже одобрили.

Основные источники

Ниже приведены основные ссылки, использованные в данной работе. На самом деле, в сносках по всему тому разбросаны и другие ссылки. Выбор некоторых из них в разделе «Основные ссылки» несколько субъективен. Ссылки, сделанные через интернет-ресурсы, даже если они важны, обычно исключаются из этого списка, как и ссылки на работы, цитируемые довольно случайно или из вторых рук. Следует отметить, что этот список не является библиографией, по крайней мере, не исчерпывающей.

Абрахам, Михаил. «„Кал Вахомер“ как силлогическая арифметическая модель» (на иврите). В: *Хигайон: Исследования по раввинской логике* (том 2, стр. 29-46). Под ред. Моше Коппеля и Эли Мерцбаха. Иерусалим: Алума, 1992. Стр. 29-46.

Абрахам, М., Д. Габбай и У. Шильд.

Анализ талмудического правила вывода Argumentum A Fortiori (Кал-Вахомера) с использованием матричной абдукции. Студия Логика 92 (3): 281–364 (2009).

« מידות הדרש ההגיוניות כאבני הבסיס להיסקים לא דדוקטיביים » (статья на иврите по Кал-Вахомер) . В *журнале BDD* . Рамат-Ган: Университет Бар-Илан, 2009.

Аристотель. *Работы Аристотеля* . Эд. Уильям Дэвид Росс. Чикаго: Британская энциклопедия, 1952.

Цицерон, Марк Туллий. *Топика* . Пер. ХМ Хаббл. Кембридж, Массачусетс, Гарвардский университет, 1949 г.

Дхаммапада, перевод Хуана Маскаро. Хармондсворт, Мексика: Penguin, 1973.

Энциклопедия Талмудит (том 7, на иврите). Иерусалим: Институт Торы имени Яд ха-Рав Герцога, 1990.

«Талмуд для всех» . А. Коэн. Лондон: Феникс, 1949.

Луццатто, Рабби Моше Хаим. *Книга логики* (ориг. *Сефер ха-Хигайон*) . Перевод раввинов Д. Сактона и Х. Чолковского. Иерусалим: Фельдхайм, 1995.

Хайам Маккоби. *Философия Талмуда* . Лондон: Routledge Curzon, 2002.

Платон. *Диалоги Платона* . Перевод Бенджамина Джоуэтта. 3-е изд. Оксфорд: Oxford UP, 1892.

Сион, Ави.

- *Иудейская логика: формальный анализ библейской, талмудической и раввинской логики* . Женева: Слаткин, 1997 (1-е изд. 1995).
- *Логика Фортиори: инновации, история и оценки* . Женева: CreateSpace, 2013.

Сонцино Вавилонский Талмуд . Эд. Раввин доктор И. Эпштейн. Лондон: Сончино, 1952.

Сончино Хумаш: Пять книг Моисея с Хафтаротом. Под ред. Коэна, преподобного доктора А. 2-е изд. Лондон: Сончино, 1983.

Виндельбанд, Вильгельм. *История античной философии.* Перевод Х. Э. Кушмана, 2-е немецкое издание. Нью-Йорк: Довер, 1956.

Работы Ави Сиона

Ави Сион — автор ряда работ по логике и философии: *«Логика будущего* » (1990); *«Иудейская логика»* (1995); *«Буддийская нелогичность»* (2002); *«Феноменология»* (2003); *«Логика причинности»* (1999, 2003, 2010); *«Воля и связанные с ней причинно-следственные понятия»* (2004); *«Размышления»* (2005); *«Медитации»* (2006); *«Логические и духовные размышления»* (2008-2009); *«Логика А Фортиори»* (2013).

Эти работы можно свободно изучать по адресу:
www.TheLogician.net и **www.AviSionBooks.com** .

Книга «Разоблачение ложной логики» (2018) доступна для чтения онлайн по адресу:
www.avisionpolemics.bravesites.com .

Полный список веб-сайтов Ави Сиона можно посмотреть по адресу:
www.avisionlinks.bravesites.com .

С вопросами или комментариями к Ави Сиону можно связаться по адресу:
avi-sion@thelogician.net

ISBN-13: 978-1986199155